Темные века

Раннее Средневековье в хаосе войн

Моей дочери Робин, которая способна наполнить светом любое время, даже темные века

Глава 1

Германцы против римлян

Первая встреча

Приблизительно за тысячу лет до нашей эры на берегах Балтийского моря обитало племя варваров. Жило оно в тех местах, где сейчас находятся Дания, Швеция, Норвегия и Северная Германия. Эго были рослые и свирепые светловолосые охотники. Никто не знал, откуда они пришли.

Язык светловолосых людей отличался от языка других племен, живших восточнее и южнее. Поэтому мы расскажем о них отдельно.

Пройдет еще не один век, прежде чем цивилизованные римляне встретятся с потомками этих варваров (впрочем, и потомкам тоже было еще очень далеко до цивилизованных римлян). Римляне назвали их «германцами», потому что им казалось, что именно так германцы называют сами себя. Потом римляне стали называть так все племена, говорившие на языке германцев. Поэтому мы тоже вслед за ними называем эти племена германскими.

Страну, где когда-то жили германцы, а сейчас живут современные немцы, мы до сих пор называем Германией. Сами немцы называют себя «Deutsche» (это слово происходит от старого слова, которое должно означать «народ»), а свою страну именуют «Deutschland».

Германские племена в исторических книгах чаще всего называются «варварскими». Дело в том, что греки и римляне, жившие южнее германцев, считали варваром каждого, кто не умел говорить по-гречески или по-латински. Им казалось, что язык, на котором говорили чужаки, похож на нечленораздельные звуки «вар-вар-вар». Слово «варвар» вовсе не было обидным. Ведь, следуя этим рассуждениям, жители Сирии, Вавилона и Египта тоже были варварами, хотя их культура была не менее древней и развитой, чем греческая или римская.

Любопытно обстоятельство, которое сыграло важную роль в истории германских племен. Приблизительно шесть миллионов лет назад на южных берегах Балтийского моря росли густые сосновые леса. Эти леса исчезли с

лица земли задолго до того, как на ней появился человек. Но после себя сосны оставили невероятное количество смолы.

Застывшие частички древней смолы можно было найти в земле, их после шторма выбрасывали на прибрежный песок морские волны. Эти полупрозрачные камешки, желтые, оранжевые или красно-коричневые, были прочны и красивы и достаточно податливы для того, чтобы придать им любую форму. Украшения из этого материала — а сейчас мы называем его янтарем — высоко ценились.

Янтарь передавали из рук в руки, и люди, жившие на юге Европы, научились обрабатывать янтарь намного лучше, чем северяне. Постепенно наладился торговый путь: в обмен на янтарь с юга стали поступать разнообразные товары.

Может быть, именно поэтому германцы решили, что где-то на юге находится страна изобилия.

Дело в том, что их представления о мире, который их окружал, были очень скудными по сравнению со знаниями просвещенного юга. Около 350 года до нашей эры греческий исследователь Пифий из Массилии (современный Марсель) рискнул отправиться в плавание по Атлантическому океану и открыл северо-западные берега Европы. Вернувшись, он привез для читающих людей, которых тогда было очень мало, многочисленные сведения об обитателях севера Европы. Однако время, когда северяне предстанут во всей своей красе не только перед учеными, но и перед рядовыми южанами, еще не наступило.

На ранних стадиях своего развития германские племена не занимались земледелием, а жили за счет охоты и животноводства. Поэтому со временем им стало тесно в лесах севера Европы. Несмотря на то что людей по современным меркам там обитало очень немного, земли им все равно не хватало.

Германские племена сражались друг с другом за землю, которая должна была прокормить людей, которых становилось все больше, и, естественно, в этой войне были как победители, так и проигравшие. Проигравшие вынуждены были покидать свои территории в поисках новых пастбищ для скота и богатых дичью лесов. Таким образом, германские племена постепенно уходили все дальше с обжитых земель.

Постепенно германцы перемещались на юг и на запад вдоль побережья Северного моря. К 100 году до нашей эры они достигли Рейна на западе и заняли большую часть территории современной Германии.

Продвигаясь на запад, германцы прогоняли с обжитых территорий племена, обитавшие на бескрайних равнинах Западной Европы до них. Тем, кто не хотел уходить со своей земли, пришлось смешаться с германцами и раствориться среди них. Изгнанные германцами племена говорили на языках кельтской группы. Например, к западу от Рейна жили племена кельтов, населявших завоеванную римлянами страну — Галлию.

Чем дальше на запад и на юг продвигались германцы, тем больше доходило о них слухов о чудесных богатых странах на юге. Между тем к 150 году до нашей эры греческая цивилизация постепенно приходила в упадок, а Рим стремительно накапливал мощь и богатство. Рим активно распространял свое влияние по всему Средиземноморью.

Юг в представлениях германцев должен был выглядеть просто страной изобилия — самым подходящим местом для грабежей. Его привлекательность оттенялась необычно тяжелым периодом на родном севере — там, где сейчас находится современная Дания, хроническое перенаселение отягощалось еще и гигантскими разрушениями, которые происходили от штормов и наводнений.

Орды варваров, мужчин, женщин и детей, в невероятном количестве хлынули на юг приблизительно в 115 году до нашей эры. Позднее римляне назовут этих варваров кимврами. Поэтому полуостров Ютландия, где располагается современная Дания, до сих пор иногда называют его старым именем — Кимврийский полуостров.

По мере продвижения кимвров на юг к ним присоединились и другие племена, которые римляне называли тевтонами. Позже римляне именовали тевтонами все германские племена без разбора. Американские и английские лингвисты используют понятие «тевтонские языки» (в других странах они называются германскими). К германским или тевтонским языкам относятся все языки, произошедшие от наречий, на которых говорили древние германцы. Даже английский относится к тевтонским или германским языкам!

Тем не менее, до сих пор не окончательно доказано, что кимвры и тевтоны действительно были германцами. Несмотря на то что это традиционная точка зрения, многие современные историки предполагают, что они частично или полностью принадлежали к кельтским племенам.

Вряд ли наступавшие на юг кимвры представляли собой серьезную военную силу. Минимум металлических вещей говорит об их почти полной безоружности. Мечей у них тоже было совсем немного. Вооружение кимвров выглядит значительно слабее римского. И более того, у них не только не было никакой военной дисциплины, но начисто отсутствовали понятия о тактике.

Единственное, что кимвры могли противопоставить римлянам, — это внезапность: захватить их врасплох и обрушиться на них с дикими криками, уповая на то, что нападение приведет врагов в замешательство и обратит их в бегство.

Часто это срабатывало. Во-первых, варваров было очень много и их войско выглядело бесчисленной толпой, потому что в нем наравне с мужчинами сражались женщины и дети. Во-вторых, вид у древних германцев был устрашающий: длинные спутанные волосы и примитивная одежда. Кроме того, они были очень рослыми — намного выше и сильнее, чем люди, жившие на побережье Средиземного моря.

Если бы римляне сохраняли решимость и хладнокровие, они могли бы легко справиться с варварами. Но слишком часто после первой же атаки варваров римлян охватывал страх, и они бежали с поля боя, после чего варварам не составляло большого труда перебить убегающих солдат одного за другим.

Слухи о надвигающихся кимврах опережали их, и, как это всегда происходит со слухами, обрастали легендами. Говорили, что на юг хлынуло полмиллиона или даже больше кимвров, они огромного роста, чудовищной силы и жестокости. Эти слухи конечно же дошли и до римской армии, посланной на север, чтобы остановить варваров. Понятно, что римляне были напуганы еще задолго до первой встречи с врагами.

Первая битва римлян с кимврами произошла в 113 году до нашей эры, и кимвры легко одержали победу. Перед ними лежали беззащитные Альпы. Тут возникла одна сложность. Дело в том, что варвары имели весьма смутное представление о географии. Зачем пытаться лезть на эти вздымающиеся под самое небо кручи, если можно просто повернуть на запад и обойти горы вокруг? Так кимвры проникли в Галлию.

В Галлии произошли три столкновения между кимврами и римлянами, в которых римляне проиграли одну битву за другой. В 105 году до нашей эры Рим пребывал в полнейшей панике.

Прошло более двухсот лет с тех пор, как Рим героически воевал со своими соседями, покоряя каждую мало-мальски значимую страну на побережье Средиземного моря. А теперь оказалось, что римляне полностью беззащитны перед плохо вооруженными варварами…

Несомненно, что, если бы после побед в Галлии кимвры хлынули в Италию, объем награбленной добычи превзошел бы все самые смелые их ожидания, а мировая история могла бы пойти по другому пути. Но фортуна опять улыбнулась римлянам, и кимвры двинулись в ином, казавшемся им более удобном направлении, — на запад, туда, где сейчас находится современная Испания. Там им пришлось сражаться с кельтами, которые по своему развитию были такими же примитивными, как и кимвры.

Это дало Риму время, необходимое для того, чтобы явился человек, который оказался бы в состоянии справиться с варварами. Это был суровый, почти неграмотный солдат по имени Гай Марий. Он сделался фактическим диктатором Рима и принялся наводить порядок в армии, чтобы приучить солдат сохранять решимость и хладнокровие перед дикими атаками варваров.

В 102 году до нашей эры кимвры возвратились из Испании. К этому моменту они уже созрели для нападения на Италию. Однако и Марий подготовился ко встрече с ними. Варвары шли двумя армиями. Одна из этих армий была уничтожена вся до единого человека в Южной Галлии. Другую Марий собирался разбить в Италии, но судьба распорядилась иначе, и эта армия была разгромлена в 101 году до нашей эры в долине реки По.

Угроза полностью исчезла, и Рим предался ликованию. В этот момент Марий казался любимцем богов. Наверное, никто и не подозревал тогда, что битвы между римлянами и варварами стали первыми слабыми вспышками войны, которой еще предстоит разгореться и полыхать несколько столетий.

Германцы появляются вновь

Казалось, что теперь германские племена заперты восточнее Рейна и севернее Альп. Однако людей на этих землях становилось все больше и больше.

И если Рим стоял накрепко, то были более простые способы прирастить свои земли — идти на запад. Что германцы и сделали — они двинулись в Галлию.

Главной военной силой в этом походе было племя варваров, жившее на юго-западе германских территорий. Потомков этих людей мы сейчас называем швабами. Они живут в Германии. Римляне звали их свевами, и мы опять последуем их примеру.

Следующим после поражения кимвров поколением свевов правил вождь, которого римляне называли Ариовист. Уже в 71 году до нашей эры он начал совершать набеги на запад, за Рейн, постепенно захватывая все больше и больше земель в Галлии. Казалось, еще чуть-чуть — и вся Галлия покорится ему, но тут в дело вмешались римляне. В 58 году до нашей эры их армия вошла в Галлию с севера. Ею командовал самый блестящий военачальник, который когда-либо был у римлян. Этого человека звали Гай Юлий Цезарь.

Короткое время римляне и германцы вновь противостояли друг другу в битве за Галлию, но в то время не было соперника, который мог одолеть Цезаря. Он прогнал германцев за Рейн, а затем и сам переправился через

него, пройдя всю Германию двумя маршами. Это было демонстрацией силы. Цезарь благоразумно воздержался от того, чтобы разделаться с Ариовистом в коротком победоносном сражении на германской территории.

Теперь Галлия стала римской провинцией, а германцы столкнулись с Римом лицом к лицу не только на юге, но и на западе.

Казалось, Рим это не остановит. Но в 44 году до нашей эры Цезаря убили. Его внучатый племянник, со временем взявший Рим в свои руки, стал основателем Римской империи. Там он и правил под именем Август. Пасынок Августа Друзус во главе армии пересек Рейн в 12 году до нашей эры. В 9 году он достиг Эльбы, продвинувшись на четыреста километров на восток. Двадцать лет римляне стояли между двумя великими реками, мало-помалу усмиряя воинственных германцев и прививая им римский образ жизни.

Какое-то время казалось, что римский мир стал поглощать Германию, как до этого Галлию. Однако германцы отнюдь не собирались становиться частью империи.

Лидером германцев стал молодой воин Арминий (так римляне произносили германское имя Герман). Арминий знал латынь, усвоил римские манеры и даже добился римского гражданства, но в душе всегда оставался германцем.

В 9 году до нашей эры Арминий заманил римского военачальника, который сменил Друзуса на посту наместника в Германии, глубоко в леса. Там римлян ждала засада, и за три дня три римских легиона были почти полностью уничтожены[1].

Остаткам римских войск пришлось отойти. Они попытались укрепиться на побережье Северного моря, но в конце концов их выбили и оттуда, римляне отступили на запад от Рейна. Там более четырех столетий после описанных событий проходила римская граница. Больше Рим не предпринимал попыток завоевать германцев и привить им свои манеры. В конце концов это обернулось бедой не только для римлян, но и для германцев и, пожалуй, для всего остального мира.

Германцы представляли большой интерес для римлян. Все остальные варварские племена были покорены и поглощены Римом не только в Испании и Галлии, но даже в Британии. Несмотря на это, германцы упрямо продолжали сохранять свою независимость, а римляне проигрывать в сражениях с ними. Поэтому германцы вызывали большое любопытство римлян.

Приблизительно столетие спустя, после того как Арминий разгромил римлян, историк Корнелий Тацит совершил путешествие по Европе. Мы не можем сказать точно, был ли он в Германии или только расспросил тех, кому случалось бывать там. Но по возвращении из своего путешествия он в 98 году опубликовал книгу, посвященную германцам. Эта книга, в которой всего 50 страниц, является для нас основным источником, из которого мы узнаем о германцах римской эпохи[2].

В это время германцы уже занимались земледелием. Тацит описывает их как высоких, сильных, воинственных людей, прекрасных охотников, свирепых и беспощадных и в то же время великодушных и гостеприимных.

Трудно сказать, насколько можно доверять Тациту в его описаниях нравов и государственного устройства германских племен, потому что нам трудно назвать его наблюдения объективными. Тацит резко критиковал современное ему римское общество, считая, что из-за своих пороков оно приходит в упадок. Поэтому он говорил о германцах как о «благородных дикарях». Они были наделены теми качествами, которых не хватало римлянам: твердостью духа, любовью к свободе, они с ранних лет воспитывали в детях стойкость и учили их обращаться с оружием. Тацит рассказал, как воины выбирали себе правителей и как славные вожди вели их за собой. Позднее некоторые ученые пытались искать зачатки феодализма и демократии в германском родоплеменном устройстве. Однако до тех пор, пока мы будем полагаться на Тацита, нам будет трудно отличить истину от вымысла, возникшего в его записях в тот момент, когда он задумал преподать урок нравственности своим согражданам.

Тацит предупреждал, что энергичность и стремление к независимости германцев со временем станет угрозой для изнеженных и погрязших в пороках римлян, и в этом он был совершенно прав. Что и говорить, во времена Тацита Рим еще сохранял свое могущество, поскольку тогда власть там вершила целая плеяда сильных и способных императоров. Однако уже во время правления самого последнего из них, Марка Аврелия, начались войны с германцами.

Война началась на востоке. Несмотря на то что поначалу римляне побеждали, вместе с их победами в Европу проникла чума. В 166 году она опустошила всю империю и надолго ее ослабила. Справедливости ради надо сказать, что Германия тоже пострадала от мора, но плотность населения там была значительно ниже, поэтому болезнь распространялась хуже и принесла меньше вреда.

В это время на юге Германии племя, которое римляне называли маркоманы, воспользовавшись бедствием, постигшим римлян, переправилось через Дунай. После этого маркоманы вторглись в римские владения с юга. Марк Аврелий посвятил остаток своей жизни войне с маркоманами. Он умер в городе, на месте которого теперь расположена Вена, когда война все еще продолжалась.

Несмотря на это, римляне добились успеха — им удалось отбросить маркоманов обратно за Дунай и, таким образом, сохранить империю. Однако с момента первого нападения варваров шансов поддерживать мирное

соседство больше не было. Германцы все время пребывали в состоянии боевой готовности, всматриваясь в просторы Римской империи, простиравшиеся за Рейном и Дунаем, и выжидая первых признаков слабости со стороны римлян.

Выходя из своих лесов, они бесконечными набегами изматывали римские гарнизоны, стоящие в приграничных территориях. После очередного нападения германцы скрывались от преследования в густых зарослях и выжидали момента для следующей вылазки.

Позднее римляне потеряли одно из самых основных своих преимуществ. До Марка Аврелия германцы представляли собой большое количество разрозненных, враждебно настроенных по отношению друг к другу племен. Когда одно из этих племен нападало на Рим, римляне могли подкупить другие племена, чтобы те оставались нейтральными или даже воевали на стороне римлян.

Теперь же германские племена начали объединяться и постепенно образовали грозные соединения. Маркоманы присоединились к большому племени на юге и юго-западе Германии. Это племя называлось алеманны — от германских слов «алл мен» («все солдаты»). Казалось, алеманны задумали объединить все германские племена — такого до них не делал никто. Современные французы до сих пор называют германцев «алеманнами».

Алеманны вторглись в Галлию в 223 году, когда тогдашний римский император Александр Север[3] был занят ведением бесчисленных войн на востоке страны. Когда же он вернулся и обнаружил вторгшихся в страну алеманнов, то стал изгонять их, что, впрочем, закончилось неудачей. Не смирившись, Александр попытался подкупить варваров, чтобы они ушли, и именно этот поступок стал поводом для того, чтобы собственные солдаты убили Севера.

Убийство Севера стало началом пятидесятилетней анархии в Риме. Казалось, что империя никогда более не возродится, а германские племена постепенно поглотят ее отдельные части. И именно в этот момент на сцену истории выходит одно из самых известных германских племен — готы.

Римляне возрождаются

Готы предположительно происходили с территории современной Южной Швеции. По одной из версий, название «готы» означало «божий народ». Готы конечно же сами придумали себе такое «скромное» имя. Людям свойственно заблуждаться насчет собственных достоинств.

Во времена Тацита отдельные группы готов переправились через Балтийское море и осели на севере Германии. Это напоминало закон домино: готы прогнали местных жителей с их земель, те двинулись на юг и вытеснили туземные племена. Так продолжалось до тех пор, пока эта волна не докатилась до маркоманов, которые, оказавшись в конце этого ряда и испытывая давление со стороны северных соседей, казалось, только и ждали удобного случая для нападения на Рим.

Тем временем готы продолжали движение на юг и на восток, за пределы Германии. Там они вторглись в земли, населенные менее воинственными латышскими и славянскими племенами. Готы переправились через реку Вислу и направились к Днестру, туда, где сейчас расположены современные Польша, Украина и Молдавия. Так, они дошли до Северного и Северо-Западного Причерноморья, туда, где ныне простираются плодородные поля Бессарабии и Южной Украины.

Таким образом, готы вышли к северо-восточным границам Римской империи. Их ждали где угодно, но только не там.

Перед ними простиралась Дакия — на этой земле находится современная Румыния. Римляне переправились через Дунай и захватили Дакию за полтора столетия до того, как там появились готы. Это произошло спустя некоторое время после смерти Тацита. Несмотря на то что Дакия была покорена, римлянам было нелегко удерживать ее под своей властью. Готы совершали частые набеги на Дакию и возвращались с богатой добычей.

Они даже построили корабли и через Черное море заходили дальше на юг, чтобы грабить побережье Малой Азии и Балканы.

Границы Римской империи постепенно сужались, и череда императоров, чье царствование было недолгим, никак не могла воспрепятствовать этому. Казалось, что чем отчаяннее пытались римляне сохранить империю, тем реже удача сопутствовала им. В 248 году к власти пришел Деций, который попробовал разделаться с готами,

опустошавшими римские провинции южнее Дуная. На свою беду, он был разгромлен и убит в бою в 251 году, став первым римским императором, павшим на поле брани.

Но Рим с его смертью не исчез с исторической сцены. Когда в 268 году к власти пришел Клавдий II, казалось, что тучи, сгустившиеся над ним, стали постепенно рассеиваться.

Тем временем угроза со стороны готов продолжала расти. Полчища готов на кораблях переправились через Черное море, преодолели Босфор и оказались в Эгейском море. Они высадились в Северной Греции и двинулись на Ниссус (ныне город Ниш в Сербии). Еще никогда восточная часть Европы не была так близка к краху.

Клавдий II встретил готов у Ниссуса. После долгой и кровавой битвы он наголову разбил их. В честь своей победы Клавдий получил гордый титул Готский. Однако жить триумфатору оставалось недолго, через год он умер от чумы.

Его преемник — Аврелиан — был также сильным государственником, сделавшим немало для возвращения империи к прежним границам. Однако он понял, что вернуть Дакию не удастся, и римляне навсегда оставили эту провинцию. Готы немедленно заняли ее. И все же еще столетие они не смели переправиться на другой берег Дуная.

Места было достаточно и севернее Дуная. Более того, готы основали два королевства, одно восточное, к северу от Черного моря, там, где сейчас современная Украина, другое западное, к западу от Черного моря, на территории Дакии.

Племена, поселившиеся в восточном королевстве, стали называть себя остготы, варвары из западного королевства — вестготы. Кажется, что эти названия логично перевести как «восточные готы» и «западные готы», но это не обязательно так.

Самая удачная из современных гипотез переводит название «остготы» как «славные готы», а «вестготы» как «благородные готы». Не было конца тем высоким эпитетам, которыми награждали себя эти люди.

На самом деле в варварских королевствах жили не только готы. Большую часть населения составляли многострадальные угнетенные крестьяне из местных славян. Готы были всего лишь правящей кастой, объединяющей военных. Так впервые возник прообраз тех государств, которые германцы основывали за пределами Германии в течение следующих пяти столетий.

В то время как готы расселились на востоке, на берегах Рейна появилась новая группа германских племен. Они называли себя «франками». Существует множество теорий насчет происхождения этого названия. Три наиболее распространенные версии перевода слова «франк» — это «свободный», «храбрый» или «человек с копьем». Что бы это слово ни означало, франки, подобно всем варварам, превозносили самих себя до небес.

Во время смуты в Риме франки и алеманны независимо друг от друга вторглись в Галлию и опустошали ее до тех пор, пока римский император Пробус в 276 году не разбил их.

В 284 году смутное время для Рима наконец-то закончилось. На трон взошел новый император — Диоклетиан, который изменил империю как в политическом, так и в экономическом и военном отношении. Диоклетиану пришлось немало потрудиться. Римская империя не возродилась мгновенно. Она очень медленно, подобно больному или раненому человеку, поднималась с колен. Теперь, когда ценой мучений она все же встала во весь рост, варвары отступили. Но ненадолго.

Казалось, что Римская империя обрела свое былое могущество, и теперь ее величие будет только расти. В 300 году другой могущественный император, Константин I, основал новую столицу на берегах Босфора и назвал ее Константинополь в честь себя самого. Казалось, что теперь империя будет существовать вечно и внутренним смутам, раздиравшим ее, пришел конец. Но экономика страны разрушалась. А знаменитый римский характер, твердость духа, некогда прославившая римлян, стали исчезать.

В довершение всех бед в стране началась гражданская война.

Поняв, что нести бремя власти в одиночку очень тяжело, Диоклетиан назначил двух соправителей[4], которые должны были править наравне с ним, — одного поставил на востоке, другого на западе. И хотя теоретически они правили одной империей, с этого момента мы различаем Восточную и Западную Римскую империю. С экономической и культурной точки зрения Восточная Римская империя была намного сильнее Западной. Людей там тоже проживало больше.

Казалось, что разделение империи должно было пойти ей на пользу, но этого не произошло ни при Диоклетиане, ни позднее. Соправители интриговали друг против друга, их преемники продолжали вражду, нанося тем самым еще больший вред империи. Когда на востоке появился могущественный противник — Персия, стало еще хуже. Огонь войны, который только начинал тлеть, теперь уже не погаснет никогда.

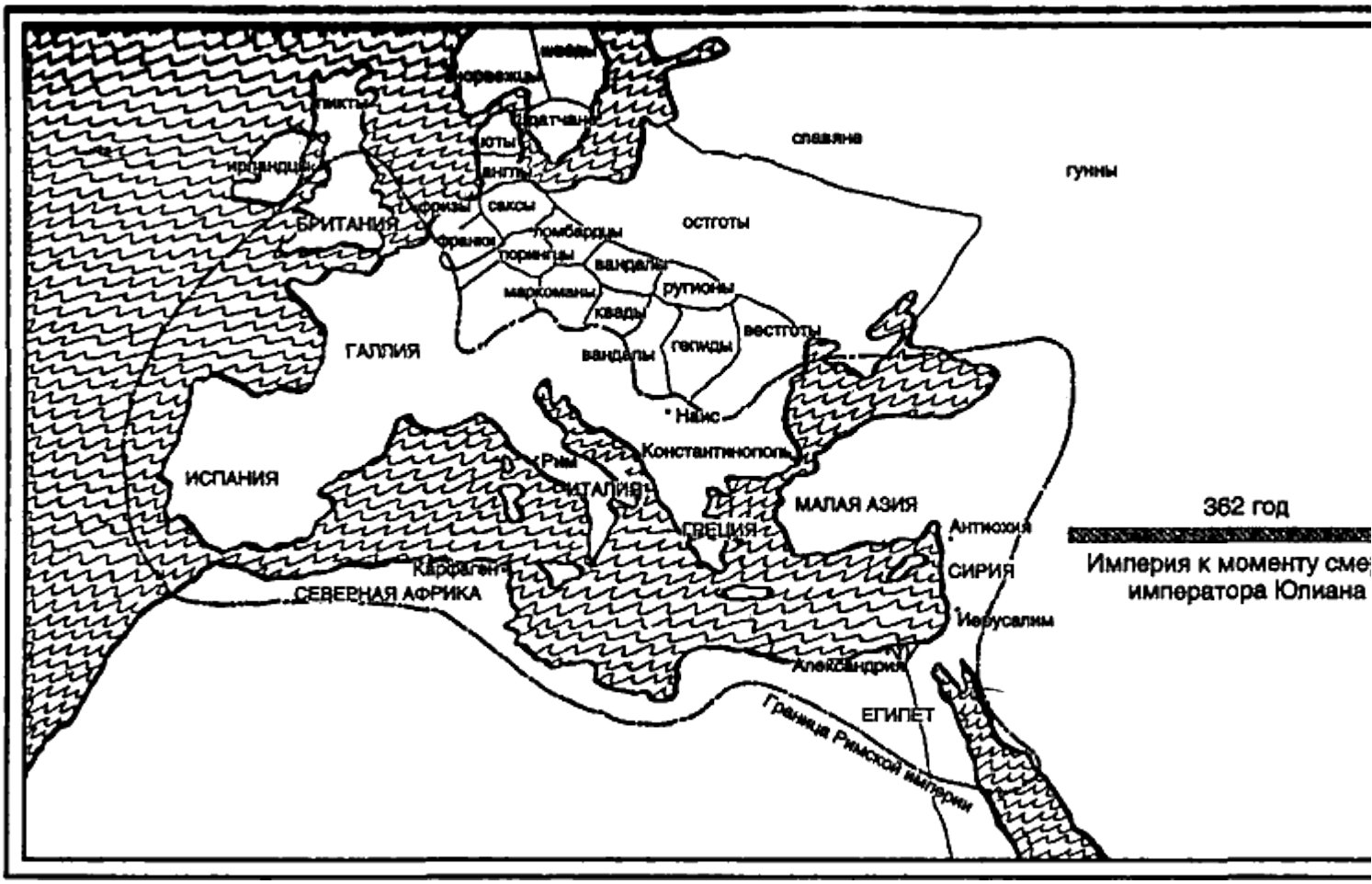
Германцы продолжали ждать.

Со смертью Константина I империя оказалась ввергнута в гражданскую войну. После того как Константин II, сын Константина I, вновь объединил империю, началась долгая и безуспешная война против Персии. Западные районы империи остались без защиты, и в 355 году франки и алеманны проворно отхватили свой кусок от пирога — Галлию.

Константин послал в Галлию своего кузена — Юлиана. Молодой человек не только не имел никакого представления о правилах ведения войны, но и доставшаяся ему армия была совершенно не готова к боевым

действиям. Юлиан, однако, не испугался. Ко всеобщему удивлению, он проявил неожиданные способности в военном деле.

Используя искусную тактику, он побеждал германцев, отвоевывая города и нанося немалый урон варварам. В конце концов в 357 году Юлиан встретился с основными силами германцев в верховьях Рейна, недалеко от того места, где сейчас находится город Страсбург. Германцев было втрое больше. Никто и не думал, что Юлиан решится атаковать первым. Однако он не стал ждать и вместе со своими храбрыми солдатами ринулся в битву. Римская дисциплина и военный порядок оказались сильнее численного превосходства, и с небольшими потерями Юлиан нанес сокрушительное поражение германцам.



В следующие три года Юлиан трижды водил свою армию за Рейн, совершая набеги на Германию. Каждый раз он побеждал германцев, оттесняя их все дальше. Солдатам Юлиана казалось, что перед ними воскресший Юлий Цезарь.

Однако император Константин начал завидовать Юлиану. Он попытался помешать его военным успехам, отдав приказ некоторым из его полков возвращаться. Тогда возмущенное этим войско объявило Юлиана императором. Пламя гражданской войны готово было вот-вот разгореться, но Константин скончался. Юлиан ненадолго пережил своего завистника. После короткого царствования он умер во время военного похода против Персии.

Христианство

Однако не стоит думать, что отношения римлян и германцев исчерпывались только бесконечными войнами между цивилизованными людьми и варварами, борьбой между светом и тьмой. В череде бесконечных войн наступали периоды затишья, когда два народа развивали контакты, торговлю и даже дружеские отношения.

Германцы постепенно проникали в империю. Там их ценили в качестве наемников. Происходило это потому, что призывать на службу римлян становилось все сложнее и сложнее. В течение долгого времени, когда в империи царил мир, римляне отвыкли от войн. Военная жизнь, с ее тяготами и лишениями, больше не вдохновляла и не привлекала их.

Рослые могучие германцы, привыкшие к трудностям и лишениям, напротив, считали военную службу в римской армии престижным занятием. В армии их лучше кормили, они жили в относительном материальном благополучии. А кроме того, во время гражданских войн, раздиравших Римскую империю в период упадка, у них была возможность заниматься грабежами.

Мало этого, когда Юлиан сражался с франками, его собственная армия в основном состояла из германских наемников. Поэтому в той войне не римляне воевали против германцев — это германцы воевали против германцев.

Юлиан пошел еще дальше, дав согласие на то, что целые группы германцев поселятся в Галлии, в обмен на их согласие служить в римской армии. Его поступок в будущем обернется бедой для всей Римской империи.

На короткое время противоречия между римлянами и варварами стали стираться. Северные границы Римской империи вовсю обживали германцы. В то время как север империи становился германским, сами варвары начали перенимать римские обычаи. Они вели торговлю с римлянами, учились военному ремеслу у тех, кто служил в римской армии или долго жил среди римлян.

Но самым важным было то, что германцы стали перенимать религию римлян.

В период правления императора Августа появилась новая религия — христианство. Возникнув как гонимая еврейская секта, христианство постепенно овладело умами не только евреев. Шаг за шагом, несмотря на гонения, оно приобретало все большее влияние в Риме. В 300 году около четверти населения империи были христианами или симпатизировали христианству. Христиане пока еще были в меньшинстве. Однако свет новой веры, подобно Вифлеемской звезде, уже засиял на небосклоне Европы. Языческое большинство по большей части относилось к христианам равнодушно, без враждебности, именно поэтому христианство получало все большее распространение.

Император Константин I, будучи мудрым политиком, ясно это понимал. Сначала он сочувствовал христианам, затем сам принял крещение, а к концу его царствования христианство фактически стало официальной религией Римской империи.

После того как христианство обрело универсальность, оно больше не могло оставаться только в границах Римской империи. Христиане появились на востоке империи: и в Армении, и в Персии; христианские подвижники отправились на запад, к германцам, чтобы обратить их в истинную веру.

В 332 году в Константинополе гот по имени Ульфила (латинская транскрипция готского имени Вульфила — «волчонок») принял христианство. Он вернулся на родину, чтобы неутомимо проповедовать и обращать в христианство своих соплеменников.

Для этого Ульфила создал алфавит родного языка и перевел на готский язык Библию, исключив из нее те моменты, в которых описывается война, — Ульфила считал, что Святое Писание не должно вдохновлять на насилие. До нас дошли небольшие фрагменты его перевода — они являются единственным письменным источником, по которому мы можем судить о ныне не существующем языке готов.

Ульфиле не удалось приобщить к христианству всех готов, но начало было положено. Несмотря на это, пока еще германцы жили отдельно от римлян. В большинстве своем они оставались язычниками, которые, тем не менее, уже знали о религии римлян. Когда варвары вторглись в империю, они быстро приняли новую веру.

Настолько быстро, что христианство начисто стерло из их памяти языческое прошлое, от которого осталось совсем немного. Это немногое содержится в средневековой исландской литературе. В Исландии христианство окончательно стало главенствующей религией только в XI веке. Поэтому до нас дошли норвежские сказания о богах и героях. Может быть, они не такие красивые и светлые, как мифы Эллады, но их суровая простота достаточно ярко передает колорит жизни древних скандинавов.

Имена северных богов до сих пор можно увидеть в английских названиях дней недели. Среда, по-английски Wednesday, названа так в честь Одина, или Вотана, — главного из богов; четверг, Thursday, — в честь бога-громовержца Тора; вторник, Tuesday, — по имени бога войны Тиу, или Тюра; а пятница, Friday, — по имени богини любви и красоты Фрейи. Раскрыв сказания Эдды[5] — так назывался сборник древнескандинавских легенд, — мы можем прочесть о похищенном молоте Тора, о том, как бог коварства Локи, спасаясь от гнева других богов, превращался в рыбу, о дочери Локи Хель, которая правит подземным царством (кстати, ее имя легло в основу английского слова «hell» — «ад»).

Боги в древнескандинавской мифологии смертны, сказания об их гибели, которой предшествует великая последняя битва между богами, великанами и силами зла, объединены в один цикл.

Сказания о богах переплетаются со сказаниями о герое Сигурде, или Зигфриде. В середине XIX века немецкий композитор Рихард Вагнер написал на сюжет легенды о Зигфриде четыре оперы (тетралогия «Кольцо нибелунгов»): «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

Древнейшим дошедшим до нас памятником германской литературы является героический эпос «Беовульф». Вместе с тем «Беовульф» является и англосаксонским эпосом, относясь к английской классической литературе, потому что единственный уцелевший манускрипт написан на староанглийском языке. Он датирован приблизительно 1000 годом, но, что вполне вероятно, первые письменные версии появились лет за триста до этого.

Действие эпоса происходит на территории современной Дании, главный герой — Беовульф, воин шведского племени. Поэтому можно сказать, что события разворачиваются еще до Великого переселения народов, до того времени, когда устремившиеся на юг племена перемешались друг с другом и у них появились общие обычаи и обряды, которые римляне называли германскими. Есть в эпосе и более поздние, христианские мотивы, хотя его общая ткань пропитана язычеством.

Некоторые языческие верования древних германцев дошли до наших дней и настолько вплелись в нашу жизнь, что о том, что они ведут свое происхождение еще с дохристианских времен, можно только догадываться. Некоторые из них даже вошли в христианские традиции. Например, обычай украшать дома елкой к Рождеству пришел с языческих времен. А традиционное рождественское украшение английских домов — омела? А английский обычай сжигать большое полено в сочельник? По-английски это полено называется yule-log. Слово «yule» происходит от готского названия месяца декабрь.

Но вернемся к крещению германцев. Здесь необходимо упомянуть одну немаловажную деталь.

Христианских церквей и сект существует великое множество, а во времена Ульфилы главенствовали два направления. Одно из них, которое проповедовал священник по имени Арий, так и называлось — арианство. Оно отрицало равенство (единосущность) Бога Отца и Бога Сына (Христа). Христос, как творение Бога Отца, был существом ниже стоящим, чем Бог Отец. Другое направление гласило, что все три божественные ипостаси — Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой — совершенно равны между собой и неделимы. Второй взгляд разделяло большое количество христианских епископов, которые защищали свои убеждения на Вселенских церковных соборах 325-го и 381 годов.

Поэтому учение о единосущности и неделимости всех трех ипостасей Бога стало догматом «универсальной», вселенской, или католической (от греческого слова «всемирный»), церкви. Церковь в России придерживается тех же догматов.

Несмотря на то что позиция католиков была официальной, арианство просуществовало почти все IV столетие. Между арианами и официальной церковью шла непримиримая вражда, где противники беспощадно преследовали друг друга.

Пока ариане и католики выясняли, кто из них прав, Ульфила, крещенный в арианство, проповедовал его готам. Благодаря арианству готы стали христианами, и поэтому в последующие века крещение других германских племен прошло легче. Чем больше арианство распространялось среди германцев, тем меньше оно становилось популярным среди римлян, которые постепенно полностью переходили на позиции официальной церкви, то есть становились католиками.

Тот факт, что германцы были крещены в арианство, из-за того что Ульфила был арианином, нельзя приписывать чистой случайности. Германским племенам, жившим в примитивной форме монархии, где король был всегда на виду у своих воинов и не намного выделялся среди них, нравилось представление об Иисусе как о существе, стоявшем ненамного выше их, бывшем ближе, чем некое недосягаемое божество. Поэтому, возможно, они воспринимали Иисуса как одного из таких правителей — вождей племени.

Римлянами, напротив, управляли императоры, которые возвышались над ними и жизнь которых была надежно укрыта от взоров подданных высокими стенами традиций и ритуалов. Они считались существами высшего порядка, а в языческое время им приписывалось божественное происхождение. Поэтому римлянам было проще считать Христа не Сыном Человеческим, а подобным императору существом божественного происхождения, неким царем Вселенной.

Как бы то ни было, обращение германцев в христианство арианского толка послужило лишь еще большему разделению между ними и римлянами. Религия не объединила, а, наоборот, разъединила их, и это, как мы еще увидим, сыграло немаловажную роль во всей последующей истории Европы.

Гунны

Ко времени правления Юлиана Европа была похожа на большой плавильный котел, который продолжал кипеть и бурлить. Римская культура и религия все больше и больше проникала в жизнь и быт германцев, в то время как германские наемники продолжали служить в имперской армии. Можно сказать, что в Европе происходило постепенное взаимопроникновение двух народов, и в этой смеси римской и варварской жизни, образовавшейся в общем плавильном котле Европы, довольно мирно сглаживались общие противоречия.

Так бы оно дальше и продолжалось. Европейская цивилизация, ничем и никем не потревоженная, могла бы самостоятельно развиваться. Но только при одном условии: если бы у нее был хоть один шанс на то, что она останется в неприкосновенности.

Но этого шанса не было. Ведь Европа — не остров, а скорее гигантский полуостров, выдающийся далеко на запад из общей массы необъятного огромного континента — Евразии. И тогда, и сейчас Азия была матерью многих народов, живущих на земле. Ее срединные земли представляют собой засушливые степи, по которым кочевали в то время скотоводы, говорившие на языках тюркской группы, наподобие монгольского или турецкого.

Как и германцы, азиатские кочевники, которых становилось все больше и больше, гонимые голодом и засухой, устремлялись туда, где можно было найти тучные пастбища и подходящие места для обитания. Ближайшей богатой страной, набеги на которую могли бы принести добычу, был Китай, расположенный в Восточной Азии.

Уставшие от бесчисленных набегов кочевников, которых китайцы называли сунг-ну, они, чтобы защитить себя, приблизительно в 200 году до нашей эры построили Великую стену. Великая стена представляла собой высокое укрепление, на котором располагались воины. Великая Китайская стена протянулась на тысячи миль[6], защищая северные границы империи. Она помогла усилить оборону Китая, позволяя отражать набеги кочевников, но, как и любая пассивная оборона, в ключевые моменты оказывалась ненадежной.

Когда китайцы научились защищаться от кочевников и сдерживать их натиск, для их западных соседей начались тяжелые времена — сунг-ну, поняв, что Китай им не одолеть, повернули в обратную сторону — с востока на запад.

В IV веке нашей эры кочевники предприняли набег на запад — самый страшный из всех, которые когда-либо переживала молодая европейская цивилизация. Около 370 года нашей эры полчища сунг-ну (римляне называли их хунну, кочевники именовали себя гуннами) вторглись в Центральную Азию. Сначала гунны попытались завоевать Индию — такую же богатую и густо населенную страну, как Китай, но Индия была защищена естественной преградой — стеной Гималайских гор, которая оказалась намного выше и неприступнее, чем любая преграда, которую мог построить человек.

И тогда гунны обрушились на запад, где не было ни высоких гор, ни великих стен, которые могли их остановить, где племена местных кочевников едва ли могли оказать сопротивление наступающим врагам. Через короткое время гунны были уже на восточных границах Остготского королевства.

Остготским королевством в то время правил самый великий из королей — Эрманарих, который сильно увеличил свои земли. При помощи военной силы Эрманарих расширил королевство на север, по направлению к Балтике, и на восток, до самого Дона. Территории, на которых сейчас находятся Германия, Польша, Литва, Белоруссия и Украина, входили тогда в состав Остготского королевства.

Легенды рассказывают об Эрманарихе как о жестоком и кровавом тиране, который достиг очень преклонного возраста — 110 лет. Но не стоит воспринимать слова легенды буквально — скорее всего, Эрманарих дожил лет до семидесяти. В то время, когда люди рано умирали, будь то на поле боя или от болезней, каждый, кто достиг преклонных лет, считался необыкновенным человеком.

На самом деле расширение Остготского королевства сослужило Эрманариху плохую службу. Если посмотреть на карту, то на первый взгляд завоевания остготов впечатляли. Варваров и самих распирало от гордости после побед над голодными новобранцами, из которых состояли крестьянские армии. Несмотря на это, побежденные не торопились пополнить ряды профессиональных солдат остготских армий. Армия остготов, которая не стала сильнее после своих побед, теперь оказалась рассеянной по гигантским территориям, на которых жили несчастные побежденные, мечтавшие только об одном — чтобы явился хоть кто-нибудь, кто избавит их от надменных поработителей.

Тот факт, что избавители могут быть еще более жестокими, чем их предшественники, никого не смущал.

Представители военной элиты остготов, как и любые другие завоеватели, не могли прижиться среди местного населения. Если бы другие профессиональные военные вздумали отобрать у них власть, они легко могли бы справиться с варварами. Казалось, что достаточно одного мощного толчка — и все королевство рассыплется, как карточный домик, не оставив после себя даже упоминания на страницах книги истории.

Но это было иллюзией. Исконное население завоеванных земель — миллионы порабощенных земледельцев — жили здесь до прихода завоевателей (германцев или других), жили при завоевателях и так и продолжали пахать землю после того, как завоеватели исчезли. Варварские «королевства», которые возникали из ниоткуда и затем исчезали в никуда, — всего лишь названия разных групп поработителей-варваров, которые не имели никакого отношения к настоящим обитателям завоеванных земель, по крайней мере, так было в эпоху Великого переселения народов.

Несмотря на это, завоеватели постепенно растворялись среди побежденных. Солдаты женились на женщинах из порабощенных племен. Молодые крестьяне, отличившись на военной службе, могли получить должность в профессиональной армии. Поэтому, если завоеватели долго оставались на покоренной земле, они настолько смешивались с побежденными, что начинали считать себя соотечественниками, которым предстоит бороться с общим врагом.

Вернемся к остготам — у них не было времени для того, чтобы раствориться среди побежденных: на пороге их королевства уже стояли гунны. И в какой-то момент гордые германцы-остготы почувствовали, что в военном плане тягаться с гуннами им не под силу.

Армии греков и римлян в основном состояли из пехотинцев. Именно римляне научили своих пехотинцев быть подвижными на поле боя и довели искусство пехоты до совершенства. В течение шести веков легионы римской пехоты были непобедимы.

Кроме пехоты, у греков и римлян была кавалерия — ведь, сидя верхом на коне, можно справиться с большим количеством пеших врагов. Всадники способны к стремительным нападениям, они производят намного больше разрушений и в случае контратаки могут мгновенно уйти от противника. Все это так, проблема заключалась только в одном — как удержаться на коне, ведь у лошадей не было стремян. Всадникам того времени приходилось избегать слишком близкого контакта с врагом и резких маневров — иначе они падали со своих лошадей. Поэтому кавалерия использовалась для поддержки пехоты, на которую приходился основной удар.

Германцы целиком переняли римскую манеру боя. Они тоже использовали пехоту в качестве основной военной силы. Несмотря на это, дисциплина в германской пехоте была намного ниже, чем у римлян, поэтому те обычно побеждали варваров.

Теперь же у германцев был совсем иной противник: из Азии хлынули полчища гуннов — низкорослых кривоногих коротышек. Казалось бы, что они могли сделать против рослых северных гигантов! Гунны не имели никакого представления о земледелии и о привычном способе ведения войны, они были кочевниками и скотоводами, поэтому на запад они двинулись со своими семьями, стадами животных, переносными жилищами и прочим нехитрым скарбом.

Гунны явились верхом на маленьких, исключительно выносливых лошадках, покрытых жесткой шерстью, косматых и некрасивых, которые имели только одно, самое большое преимущество, отличавшее их от европейских лошадей, — были оснащены стременами.

За несколько столетий до своего вторжения на запад кочующие всадники изобрели удобные металлические стремена, которые располагались по обеим сторонам седла и служили воинам для опоры ног. Поэтому всадники могли упасть на землю только вместе с конем. Прочно сидя в седле, конный гунн мог выпускать тучи стрел, наносивших сокрушительный урон, поворачивать коня в любую сторону и поворачиваться в седле сам, делать резкие остановки и бросаться в самую гущу сражения, маневрировать так, как ни один всадник до этого.

В Европе того времени не было конников, равных гуннам. Быстрота их движений, стремительность атак и таких же скорых отступлений, переходящих в следующую атаку, — все это было новым для европейцев. Даже персы, признанные специалисты конной войны, не могли сражаться так, как гунны.

К несчастью, этим великолепным всадникам остготы могли противопоставить только дико потрясающих копьями пехотинцев, которые были прекрасной мишенью для лучников.

Гунны просто смели остготов, практически не встретив достойного отпора, и в течение мгновения Остготское королевство исчезло. Старый король Эрманарих, который поднял свое государство до вершины его могущества, теперь смотрел, как оно рушится у него на глазах. И ему ничего не оставалось, как покончить с собой. В это время гунны завладели его королевством, взяв всю власть в свои руки. Исконные жители остались в том же

положении, что и прежде, а в большой части Европы, которая называлась Остготским королевством, возникло королевство гуннов.

Остготы, которые не сбежали на запад и которым удалось уцелеть после нашествия гуннов, продолжали делать то, что они умели лучше всего, — воевать, только теперь они это делали под началом гуннских военачальников. Они влились в армию гуннов и научились воевать верхом.

Но на этом гунны не остановились. Они достигли Днестра, по которому проходила граница между королевствами остготов и вестготов. Гунны вторглись на территорию вестготов и разгромили их так же, как до этого остготов; затем они двинулись на равнины, которые находятся на территории современной Венгрии. И к 380 году управляли империей, простиравшейся от Альп до восточных берегов Каспийского моря. Так продолжалось полстолетия.

И все же у вестготов было определенное преимущество перед остготами. Вестготское королевство, в состав которого когда-то входила Дакия, граничило с могущественной Римской империей, территория которой начиналась сразу за Дунаем. В 375 году, когда гунны уже подходили к их границам, около восьмидесяти тысяч вестготов смиренно попросили у своих сильных соседей разрешения поселиться на территории Римской империи в качестве беженцев.

Римляне могли поступить по-разному. Они могли хладнокровно отказать вестготам в убежище и наблюдать, как гунны искромсают их или превратят в рабов. С другой стороны, римляне могли пустить вестготов на территорию империи, взяв вестготских мужчин на службу в свою армию, где те со временем могли превратиться в верных солдат.

Но римляне предпочли третий вариант. Они были достаточно добры, чтобы пустить вестготов на территорию империи, но достаточно жестокосердны, чтобы после этого плохо обращаться с ними. Римляне разоружили вестготов, взяли их детей в заложники, высмеивая и называя их родителей трусами, убежавшими от гуннов. После этого римляне попытались обобрать вестготов, заломив непомерные цены за продукты.

Все это могло бы сойти римлянам с рук, если бы они действительно тщательно разоружили вестготов, но они не сделали этого. Разъяренные скверным обращением, вестготы нашли достаточно оружия, чтобы напасть на своих мучителей и опустошить всю провинцию в поисках пищи и оружия. Еще до того, как римляне осознали, что произошло, они вдруг обнаружили, что пустили в свои владения не горстку несчастных беженцев, а целую враждебную армию.

Восточной Римской империей тогда управлял вспыльчивый и не особо талантливый военачальник, которого звали Валент. Он был бы должен подождать подкрепления от императора Западной Римской империи Грасиана, но уверовал, что справится самостоятельно, и ринулся в бой. Наверное, он, как и Клавдий, мечтал заслужить титул Готский.

Но вестготы были совсем не теми готами, с которыми когда-то воевал Клавдий. Они уже успели кое-что перенять у своих врагов гуннов. У вестготских всадников были стремена. Вестготы не просто научились держаться в седле — они создали кавалерию. Более того, среди вестготов были и некоторые гунны, которые переправились через Дунай вместе с беженцами.

К несчастью для вестготов, их кавалерия занималась поиском фуража в тот момент, когда у Адрианополя, всего в ста милях восточнее Константинополя, римское войско приблизилось к армии варваров. Вождь вестготов Фритигерн понимал, что, располагая одними пехотинцами, ему не справиться с римскими легионерами, поэтому ему необходимо было отложить сражение. Единственный способ это сделать состоял в том, чтобы признать себя побежденным и одновременно с этим выслать гонцов с приказом кавалерии как можно скорее возвращаться назад.

Валент был полностью готов к тому, чтобы принять капитуляцию и поставить непокорным повстанцам жесткие условия. Фритигерн согласился с ним, но принялся тщательно обсуждать все условия соглашения. Пока между полководцами шел долгий диалог, вооруженные и нетерпеливые римские солдаты стояли под палящим солнцем. Военачальники продолжали говорить друг с другом, Фритигерн тревожно смотрел вдаль, с нетерпением ожидая, когда на горизонте появится облачко пыли, которую поднимает конница.

В конце концов потерявшие терпение римляне начали постепенно вступать в бой, не дожидаясь приказов. Настоящая битва началась тогда, когда на римские легионы неожиданно обрушилась конница готов. Изнуренные жарой и лишившиеся боевого духа, римляне не смогли оказать никакого серьезного сопротивления. Пытаясь спастись от несущихся прямо на них всадников, римские легионеры потеряли боевой порядок и превратились в беспомощную толпу, которая была сметена в несколько мгновений. Армия была уничтожена, сам Валент пал на поле боя.

Битва при Адрианополе явилась ключевым моментом истории. Северные границы Римской империи теперь были нарушены навсегда, отбросить вестготов за пределы империи больше не удалось.

Другим важным моментом явилось поражение римских легионов, которые перестали быть непобедимой военной силой. Их уничтожила конница, для которой стремена стали той опорой, которая помогла им опрокинуть непобедимых легионеров. В конной войне варвары оставили римлян далеко позади.

И с этого момента мощь римской цивилизации стала убывать.

Глава 2

Королевства готов

Дерзкий Аларих

Несмотря на то что при Адрианополе Фритигерну повезло, в дальнейшем подобных успехов ему добиться не удалось. Он мог совершать свои набеги и грабить кого и как угодно, потому что римляне более не вступали с ним в открытые столкновения. Они заперлись в своих укрепленных городах, взять которые Фритигерну оказалось не под силу. Для осады вестготам был необходим целый парк осадных машин, а их у варваров просто не было.

Будучи не в состоянии вести эффективную войну, вестготы были готовы рассмотреть различные мирные предложения римлян, и новый римский император Феодосий I готовился к переговорам. Он отдал вестготам землю к югу от Дуная, изгнав оттуда прежних хозяев — римлян, часть из которых завоеватели уже убили, а других все равно заставили бы уйти силой.

Вестготы, желая наконец-то осесть на завоеванных землях и насладиться всеми прелестями положения законных хозяев, охотнее стали принимать христианство, а вскоре и вовсе отказались от язычества.

Но варвары не только перенимали чужие обычаи и религию, они привнесли и нечто свое. Сначала они выучили латинский язык и переняли римские манеры, а затем распространили по Европе новую форму одежды.

Дело в том, что в древности все цивилизованные люди, как мужчины, так и женщины, носили похожую, почти одинаковую одежду, напоминающую длинный плащ[7]. Когда они принимались за работу, они поднимали полы своей одежды и завязывали ее на поясе. Отсюда пошло библейское выражение «препоясать чресла», то есть приступить к работе.

На севере, где жили варвары, римские плащи не спасли бы от холода. Поэтому варвары носили длинные и теплые меховые плащи, в которые было удобно кутаться. Плащи прекрасно подходили для женщин, но мужчинам, особенно всадникам, в них было неудобно. Поэтому они решили превратить нижнюю часть плаща в широкие меховые штаны. Цивилизованный мир познакомился с изобретением варваров в эпоху заката Римской империи, тем не менее, мы до сих пор пользуемся всеми удобствами этой одежды.

Религией вестготов было арианство, и частично из-за этого оно не было популярным среди римлян. Постепенно арианство в глазах римлян вообще превратилось в религию германцев, и если римляне не могли отважиться на военное сопротивление варварам, то, по крайней мере, решили не перенимать их религию. Феодосий был первым римским императором, который стал истинным католиком. Он не только запретил язычество во всей империи, но и арианство, хотя этот запрет мог повлиять только на римлян, но не на варваров.

Несмотря на это, Феодосий не только пожаловал вестготам землю, но также постарался заручиться дружбой их вождей. После смерти Фритигерна вождем вестготов стал Аларих, и Феодосий постарался сохранить с ним дружеские отношения.

Но времена менялись: германцы, когда-то бывшие наемниками в римской армии, теперь стали офицерами, а некоторые даже генералами. Как-никак армия, которая теперь почти полностью состояла из варваров, лучше слушалась начальников из своих.

Одним из таких военных высшего ранга был франк по имени Арбогаст, союзник Феодосия в переговорах с Аларихом. Феодосий назначил Арбогаста командующим всеми римскими армиями в Галлии, таким образом, Арбогаст фактически стал правителем западной части империи.

Номинально Западной Римской империей правил несовершеннолетний Валентиниан II, но хуже всего было то, что фактической властью в государстве обладал Арбогаст, который хоть и должен был быть вторым лицом в государстве при Валентиниане, но командовал армией, а значит, мог позволить себе поступать так, как он считал нужным. Когда Валентиниан II повзрослел настолько, чтобы управлять империей, в 392 году он внезапно умер; многие современники были убеждены в том, что его убили по приказу Арбогаста.

Тем временем Арбогаст возвел на императорский трон своего человека — грамотного, но безвольного, а затем принялся со всей силой искоренять христианство и возрождать язычество. Феодосий, хоть и смирился со смертью своего соправителя, не мог позволить франкскому военачальнику бороться с религией в государстве. Поэтому в 394 году началась гражданская война. Варвары под управлением Феодосия наголову разгромили своих собратьев, которыми командовал Арбогаст, а сам он покончил с собой.

И снова, правда теперь уже в последний раз в истории, необъятной Римской империей, границы которой пока оставались нетронутыми, правил один человек.

Феодосий не мог обойтись без солдат-германцев, да и не было других наемников в империи. Особенно он доверял одному из них, по имени Флавий Стилихон, который был родом из германского племени вандалов. Когда вандалы впервые возникли на исторической сцене, они были разбиты вестготами еще до нашествия гуннов, после чего многие из вандалов поселились в Римской империи. Вероятно, Стилихон был одним из них или их потомком.

Перед своей смертью в 395 году Феодосий I поделил империю между двумя своими юными, еще не способными править государством сыновьями. Старший сын, Аркадий, получил Восточную Римскую империю, младший, Гонорий, — Западную. К обоим малолетним правителям были приставлены опекуны из германских военачальников: на западе, при младшем сыне, — Стилихон, на востоке — воин по имени Руфин.

Аларих из вестготов, считавший, что дружба с Феодосием тоже обеспечит ему долю в наследстве, больше всех пришел в ярость оттого, что остался ни с чем. Поэтому он собрал своих соплеменников и двинулся на Константинополь. После неудачной попытки взять город штурмом Аларих направился в Грецию, разоряя все на своем пути.

Это был первый набег банды грабителей, к которым жителям римских провинций вскоре пришлось привыкнуть. Шайки грабителей-варваров чем-то напоминали современные уличные банды, но во много раз хуже — необузданные, сметающие все на своем пути, объединенные лишь личной преданностью своему вожаку. И если вожаку удавалось держать своих разбойников в подчинении, с ними еще можно было договориться, если нет, то и в кошмарном сне не приснятся все те бедствия, которые несли с собой варвары.

Разбойничьих шаек было не так много. Историки считают, что население Римской империи составляло в те времена около шестидесяти миллионов человек, а количество германцев, нападавших на империю за все время ее существования, не превышает десяти миллионов. Однако варвары были хорошо обученными воинами, которые прекрасно умели обращаться с оружием, а их противниками были в основном крестьяне и городские жители, которые представления не имели о том, как надо сражаться.

Где же в это время были римские армии, чьим долгом было оберегать римлян от нападений варваров? Они не сделали ничего, чтобы защитить своих сограждан, и это было бы еще полбеды.

Ни Руфин, ни Стилихон не выступили против Алариха: они были всецело поглощены интригами друг против друга.

В конце концов правителям Восточной Римской империи удалось избежать нападений Алариха, но не потому, что их войска победили правителя варваров в открытом бою, а потому, что взятками и посулами его уговорили напасть на Западную Римскую империю.

В 402-м и в 403 годах Аларих нападал на Северную Италию, и оба раза Стилихону удавалось отбить его нападения.

Но эти победы не могли перечеркнуть поражения римлян при Адрианополе, которое случилось за столетие до этого. Во-первых, вестготов так и не прогнали с территории империи, их удалось изгнать только с территории Италии. Во-вторых, победа над варварами давалась такой ценой, что скорее напоминала поражение.

Границы Римской империи имели большую протяженность, и в течение трех столетий римляне отчаянно пытались защищать их. Но у германцев было огромное преимущество. Римлянам для охраны своих земель приходилось рассредоточиваться вдоль всей границы, варварам было достаточно найти одно или несколько слабых мест в обороне, чтобы сконцентрировать там силы для прорыва. И если в общем германцев было меньше, чем римлян, то в месте, где германцы собирались для прорыва границы, они имели неоспоримое преимущество.

Охранять границы становилось все труднее, римляне с трудом устраняли бреши в обороне и восстанавливали ее целостность. Но теперь, когда Стилихону удалось отбросить войска Алариха назад, граница была нарушена раз и навсегда. Стилихон был вынужден созвать все свои войска в Галлию, чтобы сражаться с Аларихом, никто не остался охранять ключевой пункт границы — реку Рейн, — кроме призраков могучих римских легионеров былых времен.

В последний день 406 года полчища германцев переправились через Рейн. Союз южногерманских племен, алеманнов, или, как их называли хронисты того времени, свевов, вторгся в Галлию в районе верхнего течения Рейна. Вместе с ними шли вандалы и аланы — негерманское племя родом с востока Европы, когда-то бежавшее на запад от гуннов.

Единственными римскими соединениями, которые могли бы защитить границы от захватчиков, были римские легионы с Британских островов. Однако к тому времени, когда варвары прорвали границу, британские легионы сделали одного из своих вождей императором. В 407 году новоиспеченный император высадился со своими войсками в Галлии, но не для того, чтобы сражаться с германцами, а чтобы прийти с ними к соглашению о том, что они получат землю в обмен на военную помощь, в случае если законная власть задумает оспорить его права на трон.

Но римляне захватили его и казнили, а легионы расформировали. Все это привело к тому, что римляне ушли из Британии после почти трех столетий оккупации, а Галлия осталось без защиты.

Возможно, Стилихону и удалось бы стабилизировать положение, но слабый император Гонорий боялся своего военачальника больше, чем армий варваров. Может быть, он опасался, что его постигнет та же участь, что Валентиниана II, который погиб от рук франка Арбогаста за полтора десятилетия до этого, и поэтому Гонорий решил напасть первым. В 408 году он организовал убийство Стилихона, и с его смертью погибла последняя надежда на спасение Западной Римской империи.

Соединения свевов и вандалов, как волна, сметающая все на своем пути, прокатились по Галлии и в 409 году вторглись в Испанию. Ничто не могло остановить их.

Более того, в хаосе, который последовал после смерти Стилихона, Аларих вновь решил направить своих вестготов в Италию. Человека, который мог противостоять ему, больше не было. Более того, многие римские легионы, состоявшие из варваров, возмущенные убийством своего командира, перешли на сторону Алариха.

Аларих двинулся к Риму с южной стороны, а Гонорий вместе со своим двором бежал в Равенну, расположенную в трехстах километрах севернее Рима. В некотором смысле казалось, что Гонорий спешит навстречу неприятелю, но на самом деле он укрылся в хорошо укрепленной, почти неприступной Равенне, окруженной труднопроходимыми болотами.

В это время Аларих оказался у самых стен Рима и попытался договориться с римлянами о выкупе в обмен на то, что он пощадит город. Самые именитые граждане Рима готовы были в панике пообещать любое вознаграждение, лишь бы Аларих остановился. Однако Гонорий и его двор в Равенне не соглашались ни на какие уступки. Дело кончилось тем, что в 410 году потерявший терпение Аларих взял город приступом.

Три дня было у варваров на разграбление города, но они не причинили ему большого вреда. Казалось, что Аларих и его солдаты испытывают благоговейный страх перед самим именем великого города, поэтому они вели себя скорее как толпы селян, пришедшие поглазеть на городские чудеса.

Несмотря на то что Рим был взят без особых разрушений, его падение вызвало смятение во всей империи. За восемьсот лет до Алариха Рим, бывший просто небольшим поселением, был осажден галлами. С тех пор ни одна вражеская армия даже близко не приближалась к его стенам. Миф о непобедимости был развеян навсегда.

Завоевав Рим, Аларих направил свои войска на юг, очевидно намереваясь отправиться в Африку и основать там свое королевство. Он добрался до кончика итальянского «сапога» и построил флот, чтобы перебраться через море, но шторм уничтожил его корабли, и тогда Аларих отказался от своего намерения.

Он вновь прошел на север, но внезапно умер, в тот же год, когда был взят Рим. Вестготы похоронили своего вождя в чужой земле. Они отвели течение реки недалеко от современного города Козенца в Италии, похоронили Алариха в русле реки, после чего вернули воду обратно и убили крестьян из местных, которые помогали им. Тайной окутано место захоронения Алариха, и никто не может потревожить усопшего вождя.

Тулузское королевство

Вождем вестготов теперь стал Атаульф, шурин Алариха. Он продолжал вести своих людей на север в поисках места, где они могли бы осесть.

Теперь варвары были совсем не такими, как их отцы, переправившиеся через Дунай, спасаясь от гуннов. Прожив сорок лет рядом с римлянами, они стали мягче, их восхитила римская культура. Варварам по-прежнему были нужны власть и земля, но свое будущее государство они намеревались строить по римским образцам.

Вестготы так страстно желали стать похожими на римлян, что Атаульф похитил Галлу Плацидию, сестру императора Западной Римской империи Гонория, и женился на ней. Вестготы невероятно обрадовались удачной женитьбе своего вождя и гордились этим. Похищение Галлы Плацидии лишний раз показало слабость империи, глава которой не смог уберечь родную сестру от похищения и замужества за варваром.

С точки зрения политики это замужество должно было рассматриваться как удачный шаг для римлян. Император и его двор понимали, насколько римская культура привлекательна для варваров, и попытались извлечь из этого пользу. Поэтому женитьба варвара на римлянке могла сослужить им хорошую службу — поставить вождя вестготов на службу императорскому двору.

Римляне убедились, что им не одолеть полчищ варваров, которые заполонили западные провинции. Но почему бы им не натравить одних варваров на других? Рано или поздно одни варвары непременно победят других, а может быть, просто перебьют друг друга.

Поэтому римляне дали вестготам титул «союзников римлян» и стали подстрекать к тому, чтобы, пройдя через Галлию, вторгнуться в Испанию. Там им предстояло сразиться с врагами римлян — свевами и вандалами.

Вестготы только обрадовались возможности оправдать высокий титул союзников. В 414 году они вторглись в Испанию, а в 415 году фактически очистили ее от свевов и вандалов. Остатки отрядов свевов смогли удержаться только на самой северо-западной оконечности Испании, а последние вандалы бежали далеко на юг страны. Вестготы могли уничтожить и эти остатки, но римляне вовремя спохватились — они вовсе не хотели, чтобы вестготы почувствовали свою силу, поэтому вмешались и убедили вестготов уйти из Испании.

Вестготы вернулись в Галлию и теперь, с одобрения римлян, наконец-то обрели свой дом — землю, которую они так долго искали. В 419 году им отдали обширные области в Юго-Западной Галлии, и они основали свое королевство со столицей в Тулузе.

В тот же год Теодорих I, сын Алариха, стал королем вестготов. Он стал первым вестготом, который был не просто вождем банды вооруженных варваров, а настоящим правителем. Теодорих был полновластным королем, который правил Тулузским королевством более тридцати лет.

Основание Тулузского королевства было очень важным событием в истории. Впервые германское племя образовало совершенно независимое королевство в границах Римской империи.

Справедливости ради стоит сказать, что обе стороны, и варвары, и римляне, продолжали невозмутимо притворяться. Римская империя никогда не признавала, что часть ее территории потеряна или что Тулузское королевство, как и другие германские королевства, возникшие впоследствии, по-настоящему независимы. В империи придерживались взглядов, что варвары только частично заняли римскую территорию, но сделали это законно и только потому, что служили римлянам. Император присвоил королям варваров различные титулы, в том числе римских военачальников. Притворство в том и заключалось, что короли варваров, что бы они ни делали, как будто бы выполняли приказы императора.

И короли германцев еще долго плясали под эту дудку. Теодорих именовал себя королем вестготов, но управлял только своими соплеменниками. Его королевство продолжало считаться римскими землями, а римляне, жившие на его территории, оставались под защитой римского закона. Несмотря на то что римские титулы уже не имели никакой силы, Теодориху и другим германским королям они очень нравились. (Это происходило за много веков до того, как люди, населявшие Европу, наконец-то смогли понять, что на самом деле Римской империи больше не существует. Но ее призрак продолжал преследовать их вплоть до наших дней.)

У королевства вестготов была одна отличительная черта. Отхватив для своего королевства две трети земли, они передали оставшуюся треть римским правителям, которым она полагалась по старшинству. Как обычно, крестьянам было все равно, кто над ними стоял. Даже более того, при вестготах, которые твердой рукой управляли всем и вся, крестьянам жилось лучше, чем при слабовольных, изнеженных римлянах, которые не могли защитить их от варваров.

Тулузское королевство явилось примером, которому последовали и другие варварские племена. Свевы, уцелевшие после набегов вестготов и продолжавшие жить на северо-западе Испании, основали собственное королевство, очень напоминавшее Тулузское.

Племя вандалов на юге Испании воспользовалось шансом, подаренным им двумя римскими генералами, которые враждовали и плели интриги друг против друга. Вандалы нанялись на римские корабли, на которых в 429 году переправились на север Африки. Там, под предводительством своего вождя Гейзериха, они захватили власть. Королевство вандалов находилось в великом городе Карфагене, который пал под их натиском в 439 году. И свевы, и вандалы после вторжения на территории, принадлежавшие Римской империи, приняли арианскую ересь.

Но возможно, историки и недооценивали этих ранних завоевателей империи. Они были совсем не такими плохими, как их описывали римские историки того времени, на оценку которых влияла национальная и религиозная вражда. Варвары старались строить свою жизнь по классическому римскому образцу и даже в некотором роде улучшать общество. Так, например, Гейзерих закрыл публичные дома в Карфагене и постарался привить его гражданам более строгие нравы.

И снова гунны

Несмотря ни на что, все еще оставалась надежда, что римляне справятся с последствиями варварского вторжения, варвары растворятся среди римлян и сами станут римлянами, а императоры вновь начнут править как раньше. Одной из главных преград была религия. Германцы были арианами, а для римлян, ярых католиков, это было еще хуже, чем то, что они были варварами.

Но даже это противоречие можно было устранить. Ах, если бы можно было в какой-то момент остановить историю — все можно было бы исправить…

Но история не знает сослагательного наклонения. Римская империя распалась на части, и завоеватели обрушивались на ее земли быстрее, чем их предшественники смогли усвоить римские нравы и раствориться среди римлян. Вряд ли римлянам удалось избежать новых набегов варваров. Но тут против римлян выступил страшный противник, потому что на исторической сцене вновь появились гунны.

Казалось, после того, как за полстолетия до этого гунны захватили территории остготов и вестготов, они успокоились. Но эта надежда оказалась напрасной, потому что в 433 году к власти пришел Аттила. Жестокий, честолюбивый, словом, настоящий варвар, он вновь стал призывать гуннов к завоеваниям. Большую часть своего правления он провел в набегах на южные придунайские долины. Аттила грабил и обкладывал данью провинции Восточной Римской империи, оставляя после себя руины.

Затем, по разным причинам, он повернул на запад. Восточная Римская империя хотела было откупиться от варваров — римляне уже поступили так с Аларихом за тридцать с небольшим лет до этого. В то же время римляне готовились отчаянно сопротивляться, но Аттила правильно рассудил, что Восточная Римская империя ослаблена и скоро распадется на части. Поэтому для него она представляла легкую добычу.

Аттила двинул свою армию на запад, туда, где находится современная Германия. По дороге он прогнал с насиженных мест некоторые местные племена, которые бежали от завоевателей за Рейн. Среди этих племен были и бургунды, которые жили в срединных районах Рейнской области, а теперь были вынуждены поселиться на юго-западе Галлии, у Женевского озера. Севернее, от нижнего течения Рейна, франки были вынуждены бежать на земли современной Северной Франции.

В 451 году через Рейн наконец-то переправились сами гунны. В первый и последний раз в истории выходцы из Азии оказались на западном берегу реки. Впоследствии Европа страдала от набегов могущественных азиатских завоевателей, среди которых были монголы и турки, но никогда нападавшим не удавалось проникнуть так далеко на запад. В тот момент государство гуннов достигло наивысшего расцвета, им подчинялись земли в Центральной и Восточной Европе общей протяженностью в четыре с половиной тысячи километров.

По площади это было приблизительно столько же земли, сколько занимала Римская империя, но народу в этих землях жило намного меньше, — это были небогатые и незнатные люди.

Западной Римской империей в то время правил император Валентиниан III. Всеми войсками командовал Флавий Аэций, способный военачальник, который много времени провел, удерживая вестготов в подчинении, и поэтому был способен противостоять гуннам.

Аэций много лет делил с императором бремя власти в Галлии, лавируя между разными племенами варваров, стравливая их друг с другом так, чтобы ни одно из племен не окрепло настолько, чтобы представлять угрозу для императорской власти. Но помимо этого Аэций плел отвратительные интриги против других имперских военачальников, и трудно сказать, чего больше он сделал для Рима — хорошего или плохого, потому что, когда речь шла о выборе между интересами государства и его собственным благополучием, он без колебаний ставил на первое место личное.

Так, например, вражда Аэция и еще одного римского военачальника привела к тому, что в Северной Африке возникло королевство вандалов, а Рим лишился важного производителя зерна.

В то время Аэций боролся против вестготов, с удовольствием прибегая к помощи гуннов всякий раз, когда они готовы были сражаться на его стороне. Теперь главным врагом стали гунны, и Аэций быстро поменял бывших врагов и друзей местами. Он заключил союз со своим старым врагом, пожилым Теодорихом I, королем вестготов, и

вместе с другими германскими союзниками, среди которых были бургунды и франки, собрался выступить против гуннов.

Но армия Аттилы состояла не только из гуннов. У него было много союзников среди вождей германских племен, а также сильные остготские полки, потому что гунны правили остготами уже почти восемьдесят лет.

Аттила попытался внести раскол в войска своих противников, объявив, что собрался воевать не с римлянами, а только с вестготами. Он считал, что хорошо изучил Аэция, и предполагал, что тот отступит, предоставив гуннам и вестготам самостоятельно решать, кто из них сильнее. Но Аэций не клюнул на эту уловку. Он остался со своими войсками.

Не дожидаясь, пока римляне нападут на него, Аттила укрепился под высокими стенами Аурелианума (современный Орлеан). Тем не менее, когда римляне приблизились, он был вынужден отступить. В конце концов враждующие армии встретились на Каталаунских полях, расположенных недалеко от города Труа, в двустах километрах к северо-востоку от Орлеана. В этой битве не столько римляне сражались против гуннов, сколько готы против готов.

Аэций разместил свои войска на левом фланге, на правом фланге стояли вестготы. Более слабые части стояли в центре. Аэций надеялся, что Аттила, который всегда был в центре своего войска, главный удар нанесет именно в этом месте. Так и получилось. Гунны ринулись в центр, заставив противника отступить, в то время как Аэций окружил гуннов с флангов. К концу битвы стало ясно, что римляне взяли верх.

Если бы Аэций довел начатое до конца, гуннов бы перебили, а Аттила, скорее всего, был бы убит. Но в этот момент Аэций-интриган оказался сильнее Аэция-полководца. Поэтому главной его заботой стало не допустить, чтобы его союзники, вестготы, почувствовали свою силу. Теодорих, старый король вестготов, пал на поле боя. Аэций стал торопить его сына и наследника Торизмунда, чтобы тот как можно быстрее возвращался в Тулузу, — там он должен был закрепить за собой права на трон. Вестготы поспешно удалились с поля боя, тем самым сведя к нулю шансы на увеличение собственного королевства за счет земли побежденных гуннов.

Исчезновение вестготов было только на руку Аэцию. Он был уверен, что дальше между ними начнется междоусобная война за королевский трон, которая поглотит их целиком и полностью. Расчет оказался верным. Торизмунд захватил трон, но через год его убил его младший брат, который и стал королем Теодорихом II.

Выиграв в большом, Аэций потерял малое. Когда его союзники, вестготы, покинули его, он потерял боеспособные части, которые могли противостоять оставшимся гуннам. Результатом битвы должно было стать изгнание гуннов из Галлии, но из-за интриг Аэция битва не закончилась разгромом гуннов, несмотря на то что это было бы самым логичным ее завершением.

Аттиле удалось вновь собрать свою армию и перевести дух. В 452 году он напал на Италию. Он окружил Аквилею, город на северном побережье Адриатического моря, и после трех месяцев осады взял его штурмом и разрушил. Некоторые жители Аквилеи, спасаясь от разорения, нашли убежище в болотистых лагунах на западном побережье. Исторически сложилось так, что именно они основали первые поселения на том месте, где позже возникнет великий город Венеция.

Италия пала ниц перед Аттилой, как за сорок лет до этого перед Аларихом. Гунны могли осадить Рим, так же как вестготы, но в последний момент они повернули назад. Некоторые историки утверждают, что Аттила отступил в суеверном страхе перед лицом Вечного города и перед папой Львом I, который вышел встретить завоевателя в полном папском облачении с просьбой оставить Рим нетронутым. Менее романтично настроенные историки утверждают, что причиной этого шага было золото, которое папа привез с собой в подарок завоевателю.

Как бы то ни было, но Аттила оставил Италию. Вернувшись в свой лагерь, он вновь женился, добавив к своему многочисленному гарему еще одну жену. Он закатил пышный свадебный пир, во время которого много ел и пил, а затем отправился в свой шатер, где ночью умер. Смерть Аттилы, скорее всего, наступила от инсульта, который произошел вследствие его неумеренности в еде и питье.

Государство Аттилы было поделено между его многочисленными сыновьями и вскоре распалось, пав под ударами германцев, которые восстали, как только распространилась весть о смерти Аттилы. Господство гуннов закончилось, и они исчезли с исторической сцены.

Язык и законы

Между тем Аэцию, который не смог справиться с Аттилой в Италии, недолго оставалось править бал. Император Валентиниан III, относившийся к нему с подозрением (и, видимо, небезосновательно), в сентябре 454 года подослал к нему наемных убийц, как это сделал Гонорий со Стилихоном за полвека до него.

Но покушение не удалось. Результаты неудавшегося покушения оказались ужасными. Солдаты Аэция пришли в ярость, и двое из них убили Валентиниана. Это произошло в начале 455 года. В Риме началась смута, и он опять оказался беззащитен перед лицом возможного нового завоевателя.

И тот не замедлил появиться. На сей раз это был Гейзерих, четверть века правивший королевством вандалов на севере Африки.

Гейзерих оказался единственным из королей-варваров, правивших остатками империи, кто создал собственный флот и держал в повиновении большинство крупных островов Средиземного моря.

Воспользовавшись смутой, царившей в Риме, он вместе со своим флотом вошел в устье Тибра в июне 455 года. Никто не сопротивлялся. Две недели вандалы грабили город, увозя в Карфаген все, что можно было увезти и продать. Однако никакой бессмысленной жестокости и разрушений не было. Рим был разграблен подчистую, но, как и после Алариха, сам город и его граждане оставались нетронутыми. По иронии судьбы, римляне, горевавшие о потерянных богатствах, стали употреблять термин «вандалы» для обозначения людей, совершающих бессмысленные разрушения, — как раз то, чего вандалы не делали.

После нападения вандалов имперское правительство на западе совсем потеряло всякую власть. Император превратился в марионетку в руках соперничающих военачальников. Теодорих II, король вестготов, по уши увяз в этих интригах. Действительно драматические повороты иногда совершает история! За восемьдесят лет до этого вестготы были вынуждены бежать за Дунай. Теперь они фактически правили королевством в составе империи и могли сажать на трон или свергать императоров по своему усмотрению.

Интриги Теодориха не всегда имели успех, но эта почти удалась. Способствуя беспорядкам в Риме, он ухитрился увеличить собственное королевство. Когда Аэций решил пожертвовать победой на Каталаунских полях во имя спокойствия империи, он не знал, что сможет отсрочить беспорядки лишь на десятилетие или чуть более того.

Теперь королевство вестготов простиралось на западе до берегов Роны, а на севере до берегов Луары. Треть Галлии принадлежала вестготам. Более того, Теодорих принялся расширять свое государство на юг, в сторону Испании. Однако в 466 году ему пришлось столкнуться с опасностью, подстерегавшей изнутри. Теодорих был убит своим братом Эрихом, который стал королем не по праву наследования, а по праву убийцы, пролившего кровь своего предшественника.

При Эрихе королевство вестготов достигло вершины своего могущества. Фактически вся Испания находилась под их властью. Свевы, обитавшие на северо-западе полуострова, продолжали поддерживать собственную сомнительную независимость, признавая главенство вестготов.

Затем был сделан еще один шаг для обретения независимости Тулузского королевства. Эрих счел затруднительным управлять королевством, в пределах которого действовали два свода законов: один — закон вестготской аристократии, а другой — римский закон. Римский закон практически уже не соблюдался. Поэтому Эрих решил, что все будут подчиняться только одному закону.

Оставалось только сделать так, чтобы жители королевства ознакомились с законом, для чего Эрих опубликовал первый в истории свод законов вестготов, который должен был действовать во всей стране.

А поскольку закон теперь был общим, язык также должен был стать общим. Вестготы говорили на древнегерманском языке, но, поскольку на завоеванных римских провинциях их было меньшинство, вестготы не могли рассчитывать на то, что на покоренных землях будут понимать их. Поэтому они записали свои законы на латыни, и именно им мы обязаны тем, что до сих пор можем восхищаться плодами римской цивилизации.

Несмотря на это, с течением времени латинский язык стал распадаться на отдельные диалекты. Уровень образования падал, и латынь теряла свою классическую утонченность. Упадок происходил в разных провинциях по-разному. Более того, германские правители, лишенные классического образования, были вынуждены говорить на так называемой «простонародной латыни», которая варьировалась от одной местности к другой.

Постепенно диалекты превратились в романские языки: французский, итальянский, испанский, португальский и т. д.

Несмотря на это, латинский язык не был забыт ни тогда, ни позднее. Сейчас латынь является официальным языком католической церкви. С давних времен считалось, что «вульгарный язык» (то есть язык людей необразованных) не подходит ученым людям.

Но на каком же языке должны были говорить ученые люди? С тех пор, как не только простые крестьяне и крестьянки, только, а и женщины из высшего общества перестали получать образование, даже самые набожные из священников и наиболее образованные из средневековых ученых не могли общаться с ними на латыни. Им приходилось учить, кроме латыни, и язык простых людей, «вульгарный» язык — разве можно жить, если нельзя заговорить с женщиной?

Поэтому латынь в конце концов стала мертвым языком, в то время как наречия простых людей стали современными живыми и утонченными языками, основой европейской литературы.

Оставался, правда, еще один камень преткновения. Им была религия. В то время как язык постепенно становился общим, вера продолжала оставаться разной: римляне были ревностными католиками, а вестготские правители — арианами. Эрих считал себя яростным арианином, и римляне из подвластных ему провинций подвергались преследованиям.

В 484 году Эрих умирает, его место на троне занимает его сын Аларих II. Это несколько поправило дело. В 506 году он издал новый кодекс законов, который больше соответствовал римским, нежели вестготским нравам. Такие законы лучше подходили для завоеванных провинций. Аларих II также был более веротерпимым, и преследования католиков прекратились.

Можно предположить, что Аларих II действительно жаждал, чтобы между его подданными царили мир и взаимопонимание. Как было бы хорошо, если бы у него это получилось… Но было уже поздно. Событиям, которые происходили за пределами Тулузского королевства, как мы увидим, было суждено замедлить расцвет государства вестготов, и теперь будущее Европы лежало за его пределами.

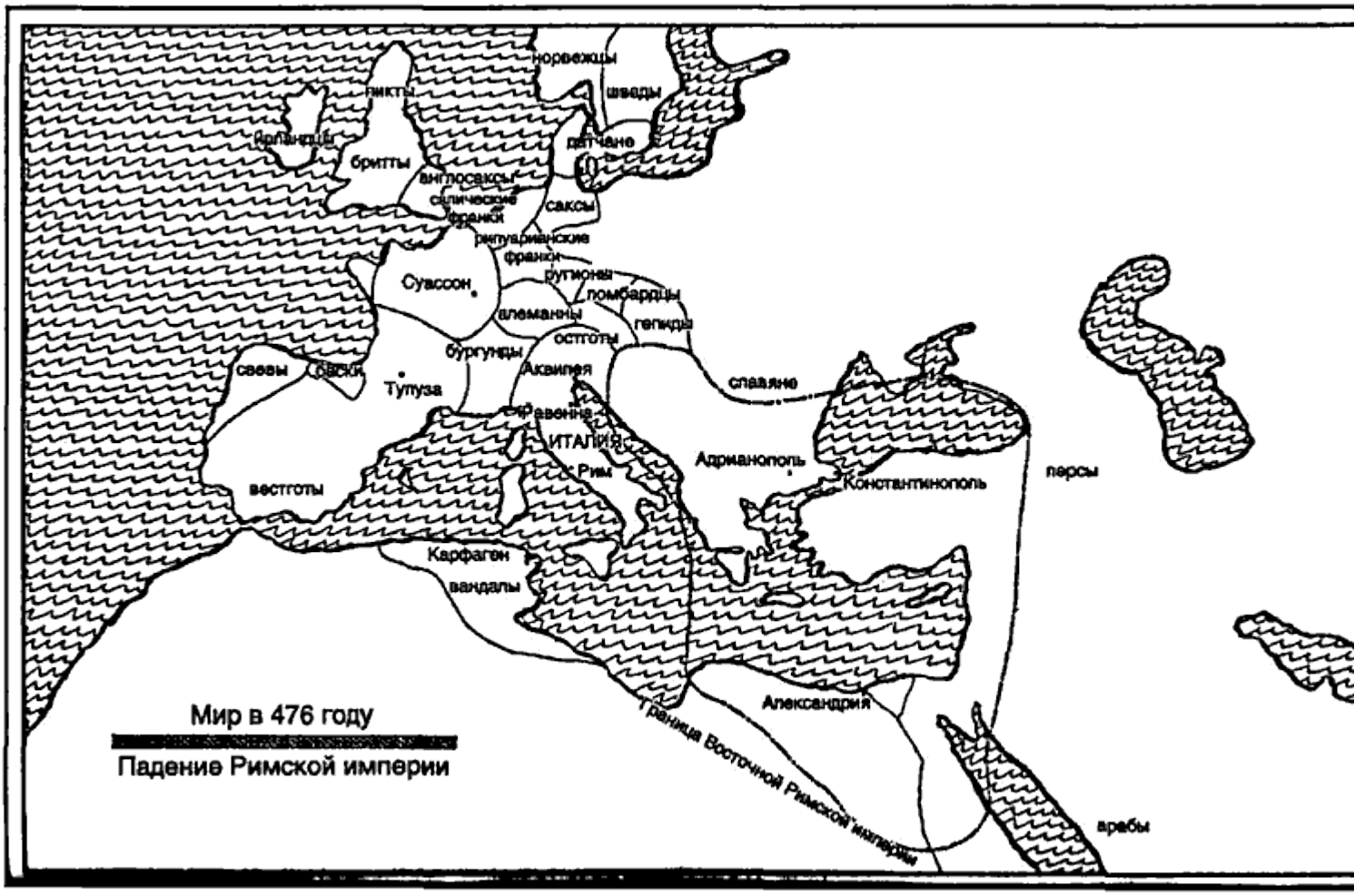
Великие готы

Во времена правления Эриха области Западной Римской империи, номинально находившиеся под ее властью, сократились до территории Италии. Их армии состояли почти целиком из германских наемников, но император, государственные чиновники и итальянские землевладельцы продолжали оставаться римлянами.

Такое положение вещей вызывало растущее недовольство среди германских наемников. В Галлии, в Испании, в Северной Африке власть принадлежала германцам. Почему же в Италии ими должны управлять какие-то римляне? Германцы хотели получить землю, и их предводитель, Одоакр, исполнил их требования.

Римлянам пришлось отказаться от власти, в то время как Одоакр решил взять то, что, как он считал, принадлежало ему по праву. 4 сентября 476 года он заставил императора Ромула Августула (совершенно беспомощного подростка) отказаться от престола. Он вовсе не собирался поставить на его место другого императора, которым мог бы править, как опытный кукловод послушной куклой, он просто взял власть в Италии в свои руки.

По этой причине 476 год в истории часто называют датой падения Римской империи[8]. Однако это неправильно. В тот момент никто не считал, что Римская империя пала. Она продолжала существовать и оставаться самым могущественным государством в Европе. Ее столицей был Константинополь, а императором Зенон.



С того момента, как Италия лишилась императора, Зенон решил, что теперь он единственный, кто управляет всей империей, включая Италию, а вместе с ней и Галлию, Испанию и Африку. Более того, Зенон наградил Одоакра титулом патриция, и теперь считалось, что тот властвует в Италии по поручению Зенона. Одоакр принял верховенство Зенона и никогда не называл себя королем Италии.

Однако чем сильнее он становился, тем более беспокоился Зенон. Он стал искать способ, с помощью которого мог бы справиться с растущим могуществом Одоакра. И он его нашел: Зенон обратился к остготам.

Восемьдесят лет остготами правили гунны. Примечательно, что остготы сражались с ними плечом к плечу в битве на Каталаунских полях. После падения царства гуннов и смерти Аттилы остготы вернули себе свободу. Они приняли арианство и стали христианами, осели южнее Дуная, на том месте, где столетие до этого обитали их дальние родственники — вестготы. Теперь остготы, как и вестготы до них, представляли постоянную опасность для Восточной Римской империи.

В 474 году молодой человек по имени Теодорих стал во главе остготов. Мальчиком он жил в заложниках в Константинополе и восхищался римской культурой. Несмотря на это, став во главе остготских племен, он без колебаний повел своих солдат против римлян и добился немалого успеха.

Зенон решил, что убьет двух зайцев, если примет Теодориха на службу и отправит его воевать против Одоакра в Италии. Таким образом, Зенон рассчитывал избавиться от беспокойных остготов. Если все сложится хорошо, то варварские племена просто уничтожат друг друга, а он вновь завладеет полуостровом.

Теодорих, вне всяких сомнений, неохотно согласился на эту авантюру, но в 488 году все же отправился на запад. Все остготы последовали за ним: не только солдаты, но и женщины, и даже дети.

В Северной Италии состоялись два сражения, и в обоих Теодорих одержал победу. Одоакр вместе с остатками своих войск был вынужден отступить в укрепленную Равенну. Вся остальная Италия оказалась под владычеством остготов, и даже Сицилию они отвоевали у вандалов (Гейзерих к тому времени уже умер, и вандалы заметно сдали свои позиции).

И только Равенна продолжала сопротивляться еще четыре года. В конце концов в 493 году Теодорих уговорил Одоакра сдаться, предложив ему самые выгодные условия. Они будут царствовать вместе, два короля будут править на равных. Учитывая то, что Теодориху принадлежал весь полуостров, а Одоакру только один город, это небывалая уступка.

Два короля радостно встретились, несколько дней пировали, а когда Одоакр потерял бдительность, Теодорих заколол его. Некоторые говорят, что Одоакра убил не сам Теодорих, а его подданные.

Все историки без исключения осудили Теодориха, но, с другой стороны, его поступку можно найти внятное объяснение. Вдвоем было невозможно править — это привело бы к гражданской войне. Теодорих положил конец войне и не дал начаться междоусобице. Он был способен обеспечить Италии мир и стабильность.

Именно так Теодорих и сделал, став величайшим готским вождем. Он правил Италией тридцать три года, и в это время страна жила в мире и процветании. Еще много столетий после Теодориха в Италии не было такого хорошего короля.

Теодорих считал себя поборником римской культуры. Он был убежден, что остготы и римляне должны жить в мире, а остготские солдаты не имеют права притеснять римлян. Остготы владели одной третью земли, но их наделы нарезались из государственных земель, так что никто не покушался на землю римлян.

Остготы создали армию, но на государственную службу брали только римлян. Теодорих назначал консулов, которые должны были управлять Римом, при этом он старался, чтобы консулами были римляне. Италия продолжала жить по римским законам и обычаям. Например, римский папа датировал свои документы как относящиеся к правлению римского императора в Константинополе, как будто бы константинопольский император, а не Теодорих главенствовал в Италии. И Теодорих соглашался с этим, предпочитая править, оставаясь в тени.

Немало сделал Теодорих и для упрочения материального благополучия Италии. Он не только положил конец войнам и разорению, но и сурово расправился со взяточничеством. Одновременно Теодориху удалось снизить налоги и увеличить расходы на общественные нужды. Кроме того, он углублял морские заливы, осушал болота, перестраивал акведуки, возводил церкви. Он возродил даже цирковые представления, как в старое время.

Но Зенону, императору Восточной Римской империи, не довелось этого увидеть. Он умер до того, как Теодорих установил свою власть по всей Италии. Он не увидел плодов своих интриг, как не увидел и того, как сильного Одоакра сменил на троне не менее властный Теодорих. Свидетелем перемен стал наследник Зенона Анастасий, у которого не было иного выхода, как признать власть Теодориха, что он и сделал в 497 году.

Со своей стороны, Теодорих постарался быть добрым соседом своему константинопольскому собрату. Теодорих правил на гигантских территориях — его власть распространялась через Альпы до Дуная и западнее Дуная, в юго-западные области Галлии, которые он отвоевал у бургундов. Несмотря на это, он не захватил ни дюйма земли, принадлежавшей Восточной Римской империи.

Теодорих, естественно, придерживался арианства. Это, однако, не мешало ему терпимо относиться к людям других конфессий и ни в коем случае не ссориться с католиками. Единственное, что он не позволил католикам, — обращать ариан в свою веру. Когда состоялись выборы римского папы, его присутствию были рады как в Восточной Римской империи, так и в Западной. Несмотря на то что Теодорих исповедовал арианство, он защищал не только христиан, но и иудеев, живших на территории его государства.

Во время правления Теодориха на небосклоне науки ярко засияли последние звезды римской учености.

Одним из величайших ученых, живших при Теодорихе, был Апиций Манлий Северин Боэций, завершивший список античных философов. Боэций родился в 480 году. В 510 году был консулом, а оба его сына делили этот пост в 522 году. Впечатление, что Рим вернулся к своей былой славе, было таким сильным, что Боэций считал, что достиг наивысшего счастья, дожив до того момента, когда его сыновья стали консулами, несмотря на то что в реальности эта должность была скорее почетной, чем представлявшей настоящую власть.

Боэций[9] перевел на латинский язык некоторые сочинения Аристотеля, написал комментарии к Цицерону, Евклиду и другим античным писателям. Еще шесть веков после Боэция «Логику»[10]Аристотеля читали в его переводе.

Другой римлянин, Флавий Магнус Аврелий Кассиодор, родился в 490 году и дожил до глубокой старости. Он умер в возрасте девяноста пяти лет. Кассиодор служил казначеем при Теодорихе и его наследниках. Свою жизнь он посвятил науке, надеясь основать в Риме христианский университет, чтобы улучшить образование. Но эта идея оказалась слишком смелой для того времени — общество было не готово поддержать его начинания. Поэтому Кассиодор вернулся к религии, в лоне которой намеревался развивать образование. Он основал два монастыря, добился для них государственной поддержки в обмен на обещание, что монахи будут собирать любые книги со всего света и переписывать их.

Именно Кассиодор наладил общение между монахами и положил начало копированию разных книг. Именно Кассиодор стал одним из основоположников раннехристианской культуры, светочем знаний во мраке своего сурового времени.

Кассиодор писал объемные исторические труды, сочинения по теологии и грамматике. Теодорих поручил ему написать историю готов, которая должна была представить их в выгодном свете перед простыми римлянами[11]. К сожалению, эта книга не сохранилась. Из более поздних изложений ее содержания мы знаем, что Кассиодор утверждал, будто готы приходятся родственниками древним скифам, которые переняли греко-римскую культуру задолго до того, как готов стали называть варварами.

Это конечно же выдумки. Скифы жили в Северном Причерноморье в 350 году до нашей эры, а остготы жили там в 350 году нашей эры. На этом их близость заканчивается. Скифы исчезли с исторической сцены за пятьсот лет до того, как на ней появились остготы.

Если сделать паузу в нашем рассказе, то можно сказать, что и в 500 году нашей эры Древний мир не исчез окончательно. Восточная Римская империя оставалась целостной, а Западная распалась на два просвещенных готских королевства. Почти вся Испания и половина Галлии принадлежали Алариху II, королю вестготов. Италия и территории по Верхнему Дунаю находились под властью Теодориха I, короля остготов. Оба были образованными и просвещенными монархами, оба заботились о своих подданных, не только о готах, но и о римлянах. Оба были веротерпимыми правителями.

Что же могло нарушить мир и согласие?

Историю не повернешь вспять. Потому что германские завоевания на этом не закончились.

Глава 3
Тьма наступает

Хлодвиг

В нашем рассказе о несчастьях, преследовавших запад с появлением гуннов, ни слова не было сказано о франках. Впервые мы сталкиваемся с ними в 355 году, в правление Юлиана, когда они напали на Галлию. Юлиан наголову разгромил франков, тем самым преподав им блестящий, надолго запомнившийся урок. Еще столетие после этого они вели себя смирно.

Более того, за эти сто лет франки показали себя верными союзниками римлян, защищая империю от своих германских собратьев. Именно франку Арбогасту Феодосий доверил заботу о Западной Римской империи. Доверил, несмотря на то, что позднее Арбогаст предал его. Когда после победы Стилихона над Аларихом в Галлию вторглись свевы и вандалы, франки сражались на стороне римлян.

И наконец, франки вынуждены были сами вторгнуться в Галлию, спасаясь от короля гуннов Аттилы. Здесь же они преданно сражались вместе с Аэцием против гуннов на Каталаунских полях.

После того как гуннов победили, некоторые из франков получили во владение земли на северо-востоке Галлии. Их стали называть салическими франками, потому что во времена римлян они жили по берегам реки Салы, одного из притоков Рейна. Сейчас эта река называется Изель и протекает в Голландии, из центральной части страны на север. Франками правил Хильдерик I, который всегда выступал как союзник римлян. С разрешения римлян — а не разрешить они уже не могли — Хильдерик основал свою столицу на том месте, где сейчас стоит город Турне, на территории современной Бельгии, в ста восьмидесяти километрах к юго-западу от Рейна.

Хильдерик был сыном Меровея, поэтому его и его наследников стали называть Меровингами. Все Меровинги носили длинные волосы в знак своей принадлежности к королевской семье. Если короля лишали его власти, ему состригали волосы.

В 481 году, когда Италией правил Одоакр, а королем вестготов был Эрих, Хильдерик умер, а на престол взошел его пятнадцатилетний сын. Сына звали Кловис, или Хлодвиг. Справедливо называть его Хлодвиг I.

Хлодвиг был из тех людей, которые, оказавшись на троне, не могли думать ни о чем другом, кроме войны и власти. Самым большим его желанием было расширить свои владения, насколько это возможно, поэтому юноша задумался, с чего начать.

Любые попытки сопротивляться Хлодвигу казались бесполезными. Потому что в его распоряжении было только маленькое, никому не известное королевство и отчаянная храбрость. Вдоль Рейна жили и другие варварские племена, например рипуарианские франки. Они жили на востоке от земли Хлодвига и вовсе не были в восторге от желания Хлодвига увеличить свое королевство.

Однако дорога к удаче открылась сама. На севере Галлии лежали земли, которые находились под контролем римлянина по имени Сиагрий. Сиагрий не был ставленником римского двора, он правил от имени себя самого.

Столицей его маленького государства был город Суассон, расположенный в восьмидесяти пяти милях от Турне. Государство Сиагрия по имени столицы называлось Суассонским королевством.

Суассонское королевство представляло собой полосу земли, когда-то принадлежавшей Западной Римской империи и никогда не находившейся под властью германцев. Для того чтобы напасть на Сиагрия, Хлодвигу требовалось воззвать к национальной гордости других франкских племен. Потому что выступить против такого противника он мог только во главе объединенного войска союзников или, по меньшей мере, нейтральных племен, которых не интересовали его добыча и земли.

В 486 году в короткой ожесточенной битве Хлодвиг разгромил Сиагрия. Последний клочок Западной Римской империи оказался поглощен германцами. Хлодвиг захватил земли целиком, и его королевство, таким образом, увеличилось втрое. Он почувствовал свою силу. Казалось бы, чего еще желать, если его слава среди других франкских племен невероятно возросла?

Сиагрий бежал к Алариху II, королю вестготов. И тут Хлодвиг пошел на следующий шаг, который невероятно поднял его в глазах воинов: он бесстрашно потребовал, чтобы вестготы выдали ему поверженного врага, что те и сделали. Король вестготов Аларих II только вступил на престол. Он был человеком молодым, и поэтому у него не хватило стойкости и решимости ссориться с Хлодвигом. Он выдал беглеца, которого Хлодвиг незамедлительно казнил.

Затем Хлодвиг основал свою столицу в Суассоне и потратил десять лет на то, чтобы укрепить свои позиции и сделать так, чтобы каждый человек, именовавший себя франком, был готов последовать за ним в огонь и воду.

Как только Хлодвиг убедился, что все именно так, он стал думать, на кого бы еще ему напасть. На юге лежали три германских королевства. Если идти с запада на восток, это были вестготы, бургунды и те самые алеманны, которые вместе со свевами столетие назад переправились через Рейн и осели в Испании. За алеманнами располагалось королевство остготов.

Хлодвиг рассудил, что алеманны — самый слабый из возможных противников, и поэтому выбрал их своей следующей жертвой. Воюя с несколькими врагами, всегда лучше иметь в союзниках тех, на кого собираешься напасть после того, как справишься с первым противником.

Рассудив так, Хлодвиг добился нейтралитета и заручился поддержкой бургундов. Он даже женился на бургундской принцессе Клотильде в 493 году.

Для Хлодвига это был скорее политический шаг, и, женившись на Клотильде, он даже не подозревал, насколько этот шаг изменит всю ситуацию в мире. Дело в том, что Хлодвиг был язычником, а Клотильда — христианкой. И не просто христианкой. Несмотря на то что бургунды, как и все обитатели бывшей Западной Римской империи, были арианами, Клотильда была католичкой.

Не сразу ей удалось убедить своего свирепого супруга отказаться от язычества и принять христианство, а точнее — католичество. Поначалу Хлодвиг был убежденным язычником, но разрешил крестить своего первого сына. Почти сразу после крещения ребенок умер. Хлодвиг сильно разгневался и, когда встал вопрос о крещении его второго сына, потребовался более серьезный аргумент, нежели желание Клотильды. Тем временем ребенок заболел. Клотильда продолжала настаивать на крещении, а Хлодвиг лишь злобно усмехался на это. Тогда Клотильда принялась страстно молиться о выздоровлении младенца, и ребенок выздоровел. Это произвело впечатление на Хлодвига.

Тем временем политические дела шли неплохо. Хлодвиг был готов напасть на алеманнов, но они сами избавили его от этой необходимости. Остготы напали на алеманнов с юго-востока, и те были вынуждены напасть на Хлодвига. Так в 496 году Хлодвигу «выпала честь» заняться самообороной.

Хлодвиг с восторгом начал войну, но все оказалось не так просто, как он себе представлял, — алеманны были таким же крепким орешком, как и франки. И вот в самый разгар битвы, когда казалось, что алеманны уже побеждают, Хлодвиг вспомнил постоянные причитания своей жены о том, что пора

бы ему стать христианином. Он обратился к небу со словами, что если Христос, в которого верит его жена, дарует франкам победу, то не только он сам станет христианином, но и проследит, чтобы все его войско приняло крещение и исполнилось христианского благочестия.

Франки победили, и Хлодвиг сдержал свое слово. Он сам и три тысячи его солдат приняли крещение в том же 496 году в Реймсе — городе, который находится в двадцати пяти милях от Суассона.

Крещение Хлодвига и его войска оказалось очень важным событием. Впервые в истории влиятельное германское племя приняло не просто христианство, а католичество. Это означало, что, случись война между франками и любым другим варварским племенем (а все остальные варвары, как мы помним, были арианами), симпатии римлян, которые всегда слушались духовенства, были бы на стороне франков. В этом была вся разница между франками и другими варварами. Крещение франков в католичество стало первым в череде серьезных событий, которые привели их к окончательной победе. Это были совершенно иные варвары, чем придерживавшиеся арианства готы, номинальные преемники Западной Римской империи.

Некоторые историки считают, что Хлодвиг предвидел такой поворот событий и решил перейти в католичество не по религиозным соображениям, посетившим его в разгар битвы, а исходя из политических мотивов. Мне нечего об этом сказать.

Католический завоеватель

Королевство бургундов стало следующим лакомым куском для Хлодвига. Казалось бы, у франков нет повода воевать с бургундами — ведь жена Хлодвига Клотильда была дочерью их короля. Но на деле королевское родство отнюдь не являлось залогом долгого мира. Часто случалось наоборот. Именно так и произошло с германцами, которые никак не могли поделить между собой осколки распавшейся Римской империи.

Короче говоря, Хлодвиг не особо мучился угрызениями совести (если они вообще когда-либо его мучили), собираясь напасть на бургундов. Обстоятельства сложились так, что он выступал в роли верного супруга, мстившего за плохое обращение с его женой Клотильдой.

Старый король бургундов, дед Клотильды, умер в 473 году, когда Хлодвиг был еще ребенком. Он оставил королевство четырем своим сыновьям, выделив каждому по четвертой части земли.

Германские короли того времени часто так поступали, распоряжаясь своим королевством, как частной собственностью, как современные люди распорядились бы собственным домом или квартирой. Если у германского короля был не один годный к управлению государством сын, а несколько, он считал, что правильнее всего будет разделить между детьми королевство, чтобы каждый правил своей частью, помогая другим, а все вместе дети могли объединиться, если им предстоит сражаться против общего врага. Тот факт, что на деле дети обычно начинали драться между собой, не мешал королям соблюдать вековой обычай. Чаще всего после смерти короля-отца начиналась гражданская война и брат шел на брата, дерясь с большим ожесточением, чем если бы они сражались с одним внешним врагом.

Братья-бургунды не были исключением в этой славной традиции: они яростно воевали друг с другом. Старший брат, Гундобад, имевший собственное королевство со столицей в Лионе, захватил в плен и убил третьего брата Хильперика. Клотильда была дочерью Хильперика. Когда убили ее отца, она была маленькой девочкой. Дядя Гундобад не пощадил бы и ее, если бы нашел. Клотильда вместе со

своей сестрой укрылась у другого дяди, Годегезила, второго брата, который правил королевством со столицей в Женеве.

Когда Хлодвиг надумал идти войной против бургундов, он, естественно, заключил тайное соглашение с Годегезилом, потому что однажды тот уже спас его жену от смерти. Вместе они объединились, чтобы напасть на Гундобада, который когда-то чуть не убил Клотильду.

В 500 году недалеко от Дижона, в ста семидесяти километрах юго-восточнее Суассона, произошла битва между франками и бургундами. Гундобад, не подозревавший о соглашении своего брата с Хлодвигом, рассчитывал, что он придет ему на подкрепление.

Но подкрепление так и не появилось. Гундобад был разбит наголову и бежал. За ним послали погоню, и Гундобад был схвачен. В конце концов он согласился платить дань. Бургундскими королевствами теперь управляли франки, и те больше не будут свободными никогда. Тем не менее, еще несколько веков бургунды сохраняли свой королевский род и считали себя отдельным королевством.

Теперь все земли к северу от реки Луары, начиная от Рейна и заканчивая побережьем Атлантического океана, принадлежали Хлодвигу. Благодаря тому что бургундские королевства тоже подчинялись Хлодвигу, в его власти была и юго-восточная Галлия.

Еще оставались готы. К югу от Луары начиналось королевство вестготов, которым правил Аларих II. К востоку от Альп находилось королевство остготов, которым правил Теодорих I.

Хлодвиг недолго размышлял, с кого начать. Вестготы были поближе, да и граница их королевства проходила всего в четырехстах километрах от столицы франков Суассона. Поэтому Хлодвиг решил напасть на вестготов.

Даже беря в расчет все предыдущие победы Хлодвига, казалось, что этот кусок ему не по зубам. Вот уже целое столетие вестготы успешно воевали со своими врагами. Их король, Аларих II, спокойный и справедливый человек, мог рассчитывать на помощь своих подданных в борьбе против жестокого и бесчеловечного завоевателя.

Он не учел только одного. В войне против вестготов Хлодвигу очень на руку было его католичество, чем он и не преминул воспользоваться. Напав на Алариха II, он объявил, что идет воевать за истинную веру, против ереси.

Это означало, что франки, вступив на вражескую территорию, могут рассчитывать на помощь католического населения, и вестготы вдруг почувствовали себя чужими на собственной территории — их подданные оказались их врагами. Хитрость Хлодвига объяснялась просто: несмотря на то что вестготы-ариане управляли страной, соотношение их и их подданных-католиков было таким, что на одного арианина приходилось четыре католика.

В 507 году обе армии встретились у Вуаля, в ста пятидесяти километрах к югу от Луары. Здесь Хлодвиг одержал самую блестящую из своих побед, наголову разбив вестготов и отбросив их далеко на юг.

Аларих пал на поле битвы; ходили слухи, что он погиб от меча Хлодвига.

Одного этого сражения оказалось достаточно, чтобы изгнать всех вестготов из Галлии. Хлодвиг оставил им земли на Средиземноморском побережье, ограничив их королевство одной Испанией.

Сразу после изгнания вестготов Хлодвиг перенес столицу в Париж — это место более соответствовало его представлениям о центре королевства, нежели Суассон. Парижу не суждено было навеки стать столицей франкского государства, но то, что Хлодвиг сделал этот город его центром, сыграло немалую роль в истории Парижа, города, который стал одним из центров мировой культуры.

Теперь среди соперников Хлодвига оставался только Теодорих, король остготов.

Теодорих был мирным королем, старавшимся примирять противников между собой. Так, например, он пытался предотвратить войну между Аларихом и Хлодвигом. Возможно, он рассчитывал, что ему это удастся, поскольку оба короля приходились Теодориху родственниками. Аларих был женат на его дочери, а Теодорих, в свою очередь, был женат на сестре Хлодвига. Но попытки короля остготов предотвратить войну не увенчались успехом, потому что Хлодвиг жаждал войны.

Наверное, Теодорих совершил ошибку, когда отказался поддержать своего зятя, короля вестготов, в жестокой битве против шурина, короля франков. Может быть, он думал, что Аларих победит, а может быть, считал, что битва не поставит точку в борьбе между вестготами и франками и он сможет примирить обе стороны. Если это действительно так, то реальность жестоко разрушила все его надежды. Хлодвиг стал настолько силен, что остановить его могла только война. И ничего больше.

Теодорих заключил твердое соглашение с Гезальрихом, внебрачным сыном Алариха II, которому удалось стать новым королем вестготов. После этого во главе объединенной армии готов он вторгся в Южную Галлию.

Там он обнаружил другую объединенную армию: франки вместе с бургундами взяли в осаду вестготский город Арль, всего в пятидесяти километрах от Марселя. Решающая битва состоялась в 508 году. Франки были разбиты.

Нам неизвестны детали сражения, потому что о жизни Хлодвига мы знаем от франкского хрониста[12], который предпочитал как можно меньше упоминать о поражениях франков.

Поражение, наконец, остановило Хлодвига, и он был вынужден обратиться к своим союзникам. Рипуарианские франки на протяжении всех двадцати лет военных походов Хлодвига хранили ему верность. Несмотря на это, они сохранили независимость. Их короля звали Сигиберт.

Согласно легендам, Хлодвиг разрешил эту ситуацию способом, который даже по его собственным меркам был невероятно подлым. Он подговорил родного сына Сигиберта убить своего отца на охоте, а потом устроил так, что отцеубийцу схватили и казнили. Таким образом Хлодвиг устранил и короля, и его наследника, что позволило ему в 509 году избраться королем рипуарианских франков. Объединение Франкского государства, простиравшегося теперь по всей Галлии и по большей части Рейнской долины, закончилось.

Несмотря на то что значительную часть царствования Хлодвиг провел в войнах и интригах, расправляясь со своими врагами и уничтожая вражеские армии, у него было время на то, чтобы заняться внутренними делами своего государства. Он создал и велел записать по-латински франкский свод законов, который по имени его народа стали называть Салическим правом.

Салическое право не было первым германским сводом законов, записанным по-латински. И бургунды, и вестготы опередили франков. Однако их первые своды законов составлялись под сильным римским и христианским влиянием. Салическое же право является первым истинно германским законодательным документом и поэтому представляет большую ценность для историков. Одним из самых важных разделов Салического права является едва ли не случайно вошедшее туда положение о том, что женщины не могут наследовать землю. Позднее это положение явилось причиной многочисленных войн, потому что влияло на то, кому должен перейти трон. Однако оно не является главным положением Салического права.

Знаменательно, что в 511 году Хлодвиг созвал в Орлеане церковный собор, где впервые участвовали епископы со всей страны, которая когда-то была Галлией.

Говоря «страна, которая когда-то была Галлией», мы подразумеваем только территорию, которая при римлянах носила это имя. Франкские завоевания, в отличие от военных походов других германских племен, касались только германских территорий. Поскольку франков всегда было много, они были способны быстро заселить завоеванные земли. Эта задача облегчалась еще и тем, что франки стали католиками и могли быстро найти общий язык с римлянами-католиками, жившими на завоеванных землях. Готам и вандалам, исповедовавшим арианство, это не удавалось.

Королевство Суассонское, первое завоевание Хлодвига, вскоре было полностью заселено франками. Франки стали называть эту землю «Нейстрия», что переводится как «новая земля», а землю, где они обитали до этого, расположенную восточнее Нейстрии, «Австразия». Слово «Австразия» переводится как «восточная земля».

В южной части Галлии, которую Хлодвиг отобрал у вестготов, обитали в основном римляне. Их было больше, чем франков. Эту землю назвали Аквитанией — так, как ее называли еще римляне. Разница между франкской Нейстрией и римской Аквитанией была очень большой на протяжении многих столетий и являлась камнем преткновения не только в культуре, но и в политике. Даже языки аквитанцев и нейстрийцев были разными, несмотря на то что оба произошли от латыни. Позже название «Галлия» вышло из употребления, поскольку утратило не только географический, но и культурный и политический смысл. Такой страны больше не было.

Король ариан

Теодорих, король остготов, недолго наслаждался плодами своей победы над Хлодвигом в 508 году. Победить франков было, конечно, лучше, чем оказаться побежденными, но обстоятельства были сильнее Теодориха и складывались таким образом, что военная сила оказалась бесполезной.

Главным камнем преткновения была вера, ведь франки были католиками. И Теодорих понимал, что веру нельзя уничтожить ни копьем, ни мечом. Именно вера была той силой, которая могла настроить против короля ариан всю Восточную Римскую империю.

Почти двадцать лет Теодорих оставался верным Константинополю, но это не помогло ему. Когда Хлодвиг расправился с вестготами, Анастасий, император Восточной Римской империи, с радостью понял, что теперь он может противопоставить Хлодвига Теодориху. Теодорих, как считал константинопольский правитель, был хоть и верный сосед, но чересчур сильный в военном отношении, вдобавок к этому еще и еретик.

Анастасий послал к Хлодвигу гонцов, которые должны были сообщить франкскому императору о том, что ему пожалованы титулы консула и патриция. Хлодвига присвоение титулов привело в восторг.

Не стоит думать, что Хлодвиг был столь наивен, что принялся хлопать в ладоши от радости, когда ему пожаловали ничем не обеспеченные титулы. Для хитрого франкского правителя это означало только одно: в Восточной Римской империи его признали, и теперь он может делать все, что сочтет нужным. И более того: теперь Теодорих не сможет пожаловаться, что Хлодвиг незаконно захватывает земли. Потому что на самом деле эта земля принадлежит Римской империи. А империя — и об этом знают все — пожаловала Хлодвигу высшие титулы, поэтому у него есть право поступать так, как он считает нужным.

Теодорих прекрасно понял, что произошло, и отнюдь не заблуждался насчет предательства своего восточного союзника. Поэтому он делал все, что было в его силах, чтобы спасти положение. Ему ничего не оставалось, как захватить южные территории Бургундии. Он взял власть на всем западном побережье Средиземноморья, там, где вестготы еще сохраняли свое влияние. Таким образом, франки оказались отрезанными от южных морей мощными военными силами готов.

Должно быть, Теодорих злорадно усмехнулся, узнав в 511 году о смерти Хлодвига. Его сопернику полагалось прожить намного дольше, ему было всего сорок пять лет — он был на дюжину лет моложе Теодориха.

Смерть Хлодвига кардинально изменила положение вещей. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы объединить франков и создать для них мощное государство с собою во главе. Затем он намеревался поступить согласно франкскому обычаю и разделить свое королевство между наследниками, как добрый папаша делит между своими сыновьями скотину.

У Хлодвига было четыре взрослых сына, каждый из которых мог рассчитывать на свою долю наследства. После смерти отца братья начали жестокую борьбу друг с другом, как когда-то до этого бургунды. Вдова Хлодвига Клотильда, чья непреклонная католическая вера изменила лицо Европы, к этому времени удалилась в монастырь, посвятив себя религиозным трудам. Позднее она была причислена к лику святых.

В то время как Франкское государство оказалось разделенным на четыре жестоко враждующих между собой лагеря, представлявшие, пусть и ненадолго, опасность только друг для друга, Теодорих решил объединить готов.

В тот же год, когда умер Хлодвиг, скончался и король вестготов, оставив наследником своего младшего брата, Амалариха. Амаларих был еще слишком молод, чтобы самостоятельно править в то жестокое время. Однако он был внуком Теодориха. Поэтому дедушка решил выступить опекуном при своем внуке и, таким образом, объединить вестготов и остготов.

Даже этот шаг не помог Теодориху почувствовать себя в безопасности. Он был искренним арианином, не фанатиком, и поэтому был достаточно умен, чтобы понимать, что у арианства нет будущего.

Уже целый век ариане — готы и вандалы — правили разными провинциями Западной Римской империи, не предпринимая серьезных нападок на католицизм. Незначительные столкновения в счет не идут.

Чего же они добились? Ариане были в меньшинстве и полностью зависели от германских королей, которые правили ими и обеспечивали их безопасность. Ариане в Испании, Италии и Африке были маленькими национальными общинами, связанными только между собой. Римляне, жившие на этих территориях, были католиками. Они никогда не забывали о великой империи, и поэтому чувствовали свое единство, а общая католическая вера еще больше сплачивала их.

С каждым десятилетием католики становились все сильнее, а ариане слабели.

Теперь, когда франки тоже стали католиками, ариане — готы и вандалы — оказались окружены людьми, чуждыми им по вере. Католики были на востоке, в Восточной Римской империи, франки-католики были на севере, католики были со всех сторон.

Теодорих, несмотря на всю свою мудрость, чувствовал, что трон под ним закачался. Католическое большинство вокруг него вряд ли разделит с ним радость от победы над главным врагом — Хлодвигом-католиком. У него были все основания для опасений с тех пор, как центром католического запада стал Рим.

В ранние века христианства епископ Рима обладал определенными преимуществами перед главами христианских общин других областей, поскольку в его ведении была столица всей великой империи. Важность римского престола только усиливалась оттого, что, по преданию, первым римским папой был апостол Петр, который принял в Риме мученическую смерть[13]. Считалось, что Иисус Христос назначил Петра главой церкви, и все последующие папы Рима становились преемниками апостола.

Во времена существования Римской империи никто не относился к этому серьезно. Большинство христиан жило на востоке, где со времен Диоклетиана располагалась столица.

Однако позднее, когда Западная Римская империя дрогнула под ударами Алариха, римский папа оказался единственной сильной властью в городе.

Это обстоятельство получило драматическое подтверждение, когда король гуннов Аттила смерчем несся по направлению к Риму. Император Западной Римской империи никакой реальной силы не имел, вся власть была сосредоточена в руках могущественного римского папы — Льва I. Лев I носил папскую тиару с 440-го по 461 год. Он был властным человеком, решительно расправлявшимся с еретиками. Лев I также приложил немало усилий к тому, чтобы повысить нравственность и уровень образования среди духовенства.

Слово «папа» было обычным обращением к священнику в Италии, но во времена Льва I так стали называть первосвященника. Символом папы римского стала заглавная латинская буква «Р». В современном английском языке заглавная буква «Р» может также означать папу.

Льва I иногда называют «отцом папства», потому что он был первым из первосвященников, который ясно дал понять, кто будет руководить церковью. Остальные западные провинции, где правили ариане, тут же увидели в папе единственное для себя спасение. Несмотря на то что власть Льва I ограничивалась одной Италией, его влияние распространялось на весь запад.

Именно Лев I вышел навстречу Аттиле тогда, когда никто не смел этого сделать, именно Лев I, как мог, спасал Рим от грабежей, когда в городе хозяйничали вандалы под предводительством Гейзериха.

Когда в 476 году Западная Римская империя прекратила свое существование, в Италии больше не было императора, а у власти оказался римский папа, единственным конкурентом которого мог быть патриарх Константинополя. Слово «патриарх» означает «старший над отцами церкви», то есть патриарх в Константинополе занимал ту же должность, что и папа в Риме. За константинопольским патриархом стоял император Восточной Римской империи.

В 492 году папой стал Геласий I. Он решительно подошел к решению назревавших проблем и отстаивал независимость церкви от государства. Той же точки зрения, гласившей, что императору нельзя вмешиваться в дела церкви, придерживались многие влиятельные епископы до него. Но Геласий доказал свои убеждения делом во время одной драматической ситуации. В Константинополе возникла новая ересь, и Геласий в качестве наказания отлучил константинопольского патриарха от церкви, то есть он объявил, что патриарх перестал быть членом церкви и поэтому не имеет права совершать церковные обряды.

Со стороны патриарха, естественно, последовало ответное отлучение. Геласий, тем не менее, никогда не ставил папство выше патриаршества и поэтому отнесся к этому совершенно спокойно.

Борьба за независимость церкви пришлась как раз на время, когда Теодорих захватил власть над Италией. Поскольку Теодорих был арианином, он не признавал папу главой церкви. Несмотря на это, ему не меньше, чем Геласию, не хотелось восточного влияния в Италии.

В первую половину царствования Теодориха дела складывались таким образом, что император-арианин был вынужден заключить союз с папой-католиком, который также зависел от политических перипетий как прошлого, так и настоящего. Появление франков-католиков поколебало, но не разрушило этот союз.

В 518 году император Восточной Римской империи Анастасий умер, и на троне Константинополя оказался Юстин I — грубый, необразованный вояка, которому помогал блестяще образованный, умный племянник Юстиниан.

Юстин расправился с еретиками, которые распустились при Анастасии. В спорных моментах, касающихся церкви, он склонялся к тому, чтобы разделить взгляды папы, а не патриарха. Результатом этого было некоторое потепление в отношениях между папой и патриархом. Арианин Теодорих чувствовал, что стена отчуждения вокруг него становится все выше и выше.

Юстин начал проводить четкую антиарианскую политику, которая немало тревожила Теодориха. В 525 году Теодорих просит папу Иоанна I поехать в Константинополь и убедить Юстина поумерить свой пыл в борьбе с арианством. Результат, однако, оказался прямо противоположным его ожиданиям: папа и император заключили тайный союз против старого короля.

Когда Иоанн I вернулся ни с чем, Теодорих приказал бросить его в тюрьму. Старый король впал в отчаяние. Ему было почти семьдесят лет, и он чувствовал, что смерть близка. У Теодориха не было взрослого сына, который мог бы стать наследником престола. Католики победили.

Теодорих мучился подозрениями, заговоры мерещились ему даже там, где их и не было. Поэтому последние годы его царства омрачены кровавыми деяниями, в которых мы едва ли узнаем человека, которого называли Теодорих Великий.

Главной жертвой этих чисток оказался Северин Боэций, еще недавно так радовавшийся тому, что оба его сына в одно и то же время были консулами.

Боэция арестовали по ложным обвинениям в связях с императором, пытали и казнили в 524 году. Ожидая пыток и смерти, он написал свое самое великое произведение — «Утешение философией». Даже если в момент написания этого произведения Боэций находился в смятении и отчаянии, ни словом не выдал он себя в стоически спокойных строках «Утешения». Нет в этом произведении и намека на христианство. Боэций писал в манере античных философов[14].

Теодорих ненадолго пережил свою жертву. Он умер в 526 году. Все 37 лет своего царствования, кроме нескольких последних лет, он правил в мире и вел страну к процветанию. Последние кровавые годы уничтожили то, что было достигнуто до этого.

Несмотря на это, Теодорих остался жить в легендах. Правда, теперь он выступал как курьезный персонаж немецких эпических поэм XIII века (через семьсот лет после смерти), и звали его Дитрих фон Берн. В этих поэмах Дитрих проигрывает королю Северной Италии Эрманариху, который правит Берном[15] (то есть Вероной). После поражения Дитрих находит убежище у гуннов и возвращается во главе их войска, чтобы наголову разбить Эрманариха.

В этих легендах, как в зеркале, отражается история остготов. Армия гуннов действительно разбила Эрманариха, после чего тот умер, но это случилось в Северном Причерноморье, а отнюдь не в Италии. Остготы (как и Дитрих фон Берн) были позднее вместе с гуннами, став их вассалами, и воевали вместе с ними. В конечном счете остготы, как и Дитрих фон Берн из легенды, под предводительством Теодориха (настоящего Дитриха) вторглись в Италию.

Император-солдат

Но одного старый король Теодорих предвидеть не мог: Восточная Римская империя намного серьезнее отнеслась к бездействию остготов, чем франки.

Восточная Римская империя выстояла на протяжении целого столетия кровавых сражений, потрясавших Европу, и продержалась еще четверть века после смерти Феодосия, но теперь ее силы были на исходе.

В прежнее время, благодаря военной мощи, интригам, подкупу и везению, ее границы оставались нетронутыми, хотя вестготы, гунны, остготы, каждые со своей стороны, в разное время переправлялись через Дунай; с востока напирали персы.

Несмотря на это, империя выдержала все натиски, а ее территория оставалась нетронутой и после смерти короля остготов Теодориха, и после смерти короля вестготов Алариха.

Теперь Восточная Римская империя не могла вернуть себе земли на западе и вести войну на территории противника. В течение V столетия ею управляли императоры, которые в лучшем случае были посредственностями. Под их началом не служило ни одного мало-мальски серьезного генерала.

Теперь, в 527 году, через год после смерти Теодориха, ситуация изменилась. Юстин I умер, и на трон взошел его племянник Юстиниан. При своем дяде он занимал пост, сравнимый с постом современного премьер-министра. До самой смерти дяди фактическим правителем империи был именно он. Поэтому, когда Юстиниан взошел на трон, у него уже был немалый опыт в управлении государством.

Когда Юстиниан стал императором, ему было сорок четыре года, он находился в самом расцвете лет. У него были большие амбиции относительно всего, где он мог показать себя, и во многом он преуспел. Железной рукой он управлял церковью, именно в его правление был возведен великолепный собор[16]. Юстиниан учредил свод законов, реорганизовал и укрепил правительство и добился того, чтобы его государство достигло материального и культурного процветания.

Юстиниан мечтал ни больше ни меньше как восстановить Римскую империю и вернуть все утраченные западные провинции.

Осуществлению его планов мешало одно-единственное обстоятельство. При всем своем уме, усердии, способности к активным действиям Юстиниан совершенно не обладал военными талантами. Если бы он решил снискать себе славу завоевателя, ему в первую очередь пришлось бы найти себе первоклассного военачальника, которого так не хватало в Восточной Римской империи. Более того, такой военачальник должен был быть настолько предан императору, что и мысли не допускать о захвате трона при помощи военной силы, в случае если он будет побеждать на поле боя. У Юстиниана был хороший пример того, как это может произойти: его покойный дядя именно таким способом получил императорский трон.

И Юстиниану в очередной раз невероятно повезло. В войне с персами, которая в течение столетий то затихала, то начиналась снова, особенно отличился двадцатипятилетний полководец Велисарий, который в 530 году одержал блестящую победу над противником.

В 532 году он еще нагляднее проявил свои достоинства. В Константинополе вспыхнул бунт, который угрожал уже непосредственно императору. Велисарий, имея в своем распоряжении чуть больше дюжины солдат, организовал защиту императора и подавил мятеж.

Юстиниан был потрясен и исполнился благодарности. Он нашел того человека, которого искал.

Теперь для того, чтобы начать войну, ему требовался лишь повод. Общеизвестно, что если кто-то хочет начать войну, ему необходимо обставить это дело так, будто бы у него не было иного выхода и для войны имеются веские причины, даже если единственной причиной является его собственная неприкрытая агрессия. Найти такую вескую причину для будущего агрессора обычно очень просто.

Первой целью для Юстиниана было королевство вандалов в Африке. Его выбор был вполне обоснован, поскольку королевство вандалов не было таким большим, как королевство готов или франков. Оно представляло собой узкую полоску земли на африканском побережье, возле Карфагена, и номинально принадлежащие вандалам острова в Западном Средиземноморье. Море отделяло вандалов

от готов, которые могли прийти им на помощь. Море также являлось естественной защитой, благодаря которой вандалы на протяжении пятидесяти лет были защищены от других завоевателей.

В 477 году основатель королевства вандалов Гейзерих умирает. Гейзерих был прекрасным правителем, но его наследники оказались недостойными славы своего предшественника.

Как и Гейзерих, они были арианами. Несмотря на это, внук Гейзериха Хильдерик, взошедший на трон в 523 году, с явной симпатией относился к католицизму.

Его симпатии вызвали сильный гнев среди арианского духовенства, представлявшего аристократию вандалов. Противостояние нарастало, пока в 531 году армия не свергла Хильдерика. Низложенного монарха бросили в тюрьму, а на трон возвели его двоюродного брата, надежного арианина Гелимера.

Именно это и послужило поводом для войны: монарх, готовый принять католицизм, которого несправедливо лишили трона и заключили в тюрьму. Теперь война с вандалами становилась делом веры и справедливости. Юстиниан был истовым католиком и искренне так думал, народ поддерживал его.

В 533 году Велисарий отправляется в Африку во главе флота из приблизительно пятисот кораблей. На кораблях размещались тридцать пять тысяч солдат и моряков, пять тысяч лошадей и необходимый провиант. Войска высадились западнее Карфагена.

Рассуждая здраво, Велисарий ввязался со своим десантом в рискованную авантюру. Несмотря на то что солдат было много, огромным войском их было назвать трудно, тем более если учитывать, что они собрались сражаться с нешуточным врагом, спрятавшимся за стенами укреплений. И не просто сражаться, а сражаться на вражеской территории, когда за спиной у них было только море. Но существовало одно обстоятельство, которое, по мнению Велисария, оправдывало весь риск. Католики, жившие в Африке, с восторгом встретили византийцев, полагая, что Велисарий освободит их от чужеземного гнета еретиков.

Понимая это, Велисарий поступил очень дальновидно, когда запретил своим солдатам грабить и мародерствовать. Он ни в коем случае не хотел, чтобы хоть что-нибудь поколебало доверие местного населения. И это ему полностью удалось. Он успешно высадился со своим войском на побережье Африки и вместе с местными католиками двинулся на Карфаген.

Гелимер попал в затруднительное положение. Укрепления Карфагена были разрушены за столетие до описываемых событий, когда вандалы штурмовали город, и с тех пор никто не озаботился восстановлением городских стен. Поэтому Гелимер понимал, что город не выдержит длительной осады и ему придется сражаться в открытом поле. Это было очень сложной задачей: к несчастью, лучшие войска вандалов в данный момент воевали за бесполезный остров Сардиния в Средиземном море.

Но битва была неизбежна. И она состоялась в 15 километрах от Карфагена. Велисарий был очень опытным полководцем. Поэтому ему удалось расчленить необученную армию вандалов на две части и разбить их по отдельности. Велисарий вступил в Карфаген. Войско он по-прежнему держал в строжайшей дисциплине.

Карфагенские католики ликовали.

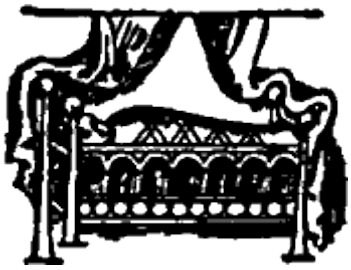
В это время из Сардинии вернулись разъяренные вандалы. Они вновь вызвали Велисария на битву. И он опять разбил их. Гелимер попытался сбежать, но его поймали и заточили в тюрьму.

Королевство вандалов пало. Теперь оно целиком принадлежало Восточной Римской империи, включая Сардинию, Корсику и Балеарские острова. Ариан надолго изгнали из Африки. Римская империя и католическая церковь торжествовали победу, а вандалы, как и гунны, постепенно растворились в бескрайних просторах и исчезли с исторической сцены. Единственное, что они оставили после себя, — это нарицательное «вандал» (совершенно несправедливый эпитет по отношению к ним) и область на юге Испании — Андалусию (начальная буква «В» потерялась). В течение двадцати лет, с 409-го по 429 год, вандалы владели этой территорией.

Велисарий с триумфом вернулся в Константинополь, привезя в качестве пленника короля вандалов. Юстиниану ничего не оставалось, как выразить свою радость по поводу победы, которая превзошла самые смелые его ожидания. С другой стороны, он в первую очередь был политиком и прекрасно понимал, что растущая популярность Велисария в народе становится угрожающей. Поэтому Велисария было необходимо как можно скорее спровадить в очередной военный поход.

Сделать это было просто. Следующим в списке стран, предназначенных для уничтожения, было королевство остготов. Из германских королевств оно было ближе всего, там царил политический хаос, а кроме того, у византийцев были и другие причины, чтобы напасть на остготов.

Италия в руинах



Старый король Теодорих все-таки оставил после себя умного и способного наследника. Беда всего королевства заключалась только в одном: наследником была женщина.

Дочь Теодориха звали Амаласунта. На трон возвели ее девятилетнего сына Аталариха, а Амаласунта выполняла роль регента при нем.

Амаласунта понимала, что не пользуется авторитетом среди своенравной остготской аристократии, которая была возмущена тем, что придется подчиняться женщине. Поэтому дочь Теодориха раздумывала, как укрепить свои позиции. Один из выходов, который она видела, заключался в хорошем отношении к римлянам. Но это возмущало враждебную остготскую аристократию.

Тем не менее, Амаласунта делала все, чтобы наладить хорошие отношения с Восточной Римской империей. Она даже заключила тайное соглашение с Юстинианом, согласно которому ей гарантировалось убежище в Константинополе, если в Италии будет что-то угрожать ее безопасности.

Амаласунта могла не беспокоиться за свою жизнь, пока на троне был ее сын. Но люди в те времена жили недолго, и Аталарих умер от болезни в 534 году. Ему было всего шестнадцать лет.

Амаласунта не могла сама управлять королевством, поэтому она попросила своего двоюродного брата Теодагада разделить трон вместе с ней в качестве равноправного владыки. Единственным достоинством Теодагада была королевская кровь, которая текла в его жилах. Еще не начав править вместе с Амаласунтой, он сделал чудовищную глупость. А именно: Теодагад арестовал, а потом казнил Амаласунту.

Когда эта новость достигла ушей Юстиниана, торжества по поводу победы Велисария над вандалами были в самом разгаре. Юстиниан и представить себе не мог, что у него появится такой козырь. Королевством остготов правил подлый узурпатор, убийца и еретик-арианин — Теодагад. Теперь война против него была делом чести: она велась от имени несчастной убитой королевы, которая симпатизировала католикам и имела соглашение с Юстинианом. Кроме того, новый военный поход был прекрасной возможностью убрать из Константинополя опасно популярного Велисария.

В 535 году Велисарий со своим флотом направился на Сицилию, где позиции готов были наиболее слабыми. Там он почти без боя захватил весь остров. Католики, жившие на острове, приветствовали его как освободителя. Затем Велисарий высадился в Италии и дошел до Неаполя, так и не встретив серьезного сопротивления. Неаполь пал после осады, продлившейся меньше месяца.

Теодагад был совершенно не готов к войне с таким сильным и опытным противником. Когда Неаполь пал, он сдался и поинтересовался условиями капитуляции. До такого малодушия не опустился бы даже самый простой из его солдат. Теодагад был убит, а его место занял военачальник Витигий, которого остготы избрали королем в 536 году. Бесславная смерть Теодагада прервала правление династии Теодориха Великого всего лишь через десять лет после его смерти.

Пока новоизбранный король собирался с силами для контратаки, Велисарий дошел до Рима, почти не встретив сопротивления на своем пути. Однако Витигий обрушил всю мощь остготской армии на предместья Рима, где Велисарий разбил свой военный лагерь. Теперь остготы начали осаду Рима, а византийцы решили стоять насмерть согласно всем правилам военного искусства.

Юстиниан, узнав, в какое бедственное положение попал его лучший полководец, послал ему подкрепления. Правда, подкрепления эти были весьма незначительные. Помимо прочего, военные проекты императора были обременительны для казны, еще и поэтому Юстиниан ограничивал свою помощь. С другой стороны, он и не собирался слишком активно помогать Велисарию. Имея в своем подчинении мощную армию, Велисарий представлял одинаковую опасность как для остготов, так и для самого Юстиниана.

Тем не менее, подкрепления из Константинополя все же поступали и тут же попадали под умелое командование Велисария, который делал все возможное, чтобы бесконечными вылазками измотать своего противника. Под конец, после целого года осады, Витигий со своей армией был вынужден отступить и укрыться за стенами неприступной Равенны.

Даже гуннам не удалось взять приступом Равенну. За сорок лет до Велисария удалось проникнуть в город Теодориху. И то только благодаря предательству. Поэтому остготы прекрасно понимали, что, спрятавшись в Равенне, они смогут продержаться бесконечно долго и сражаться до тех пор, пока византийцы не уберутся восвояси. Юстиниан тоже это понимал. Поэтому, не посоветовавшись с Велисарием, он заключил с остготами мирный договор, по которому они поделили Италию между собой. Северная часть оставалась остготам, а южная часть теперь принадлежала Восточной Римской империи.

Велисарий отказался признать мирный договор. Он усилил осаду Равенны, перекрыв все подступы к городу. Не послушав совета своих собственных офицеров, он решил взять город измором.

И добился успеха. Голодные и павшие духом остготы сдались. Существует легенда о том, что остготы сдались только с тем условием, что Велисарий станет их королем и Италия будет существовать независимо от Восточной Римской империи. Согласно легенде, Велисарий даже согласился с этим условием, но совершенно не собирался его выполнять. Поэтому можно сказать, что Равенна опять была взята благодаря предательству.

После всех блестящих побед Велисарий, наверное, ожидал особых почестей. Но он не знал, как обманчиво расположение монархов. Велисарий был слишком успешным военачальником, а что хуже всего, ослушался императора и одержал победу, в то время как Юстиниан сдался. Победа над остготами показала, что император — человек нерешительный, чьим приказам не подчиняются его собственные подданные.

Юстиниан немедленно вызвал Велисария из Италии и, когда тот вернулся в Константинополь, оказал ему самый холодный прием из всех возможных. И это несмотря на то, что тот привез в столицу империи второго царственного пленника — короля остготов Витигия. Слухи о том, что остготы предлагали Велисарию стать королем Италии, достигли ушей Юстиниана. Может быть, их распространяли недруги Велисария, но император понял: больше доверять Велисарию он не может.

Пока Велисарий был в Константинополе, его полководцы, оставленные в Италии, натворили немало бед. Им не хватало мудрости и дальновидности Велисария. Поэтому имперские солдаты, забыв о всякой дисциплине, быстро доказали, что католическая армия может быть такой же жестокой и опасной, как и армия ариан. Итог бесчинств военных оказался плачевным: армия лишилась поддержки христиан-католиков.

Постепенно остготы оправились от шока поражения. Сплотившись, они поняли, что их больше, чем солдат в византийских гарнизонах. В конце концов, в 541 году они все же выбрали себе короля — способного военачальника по имени Тотила. Под началом этого решительного человека они стали отвоевывать город за городом, пока в 544 году не обложили осадой сам Рим.

Юстиниан понял, что нужно срочно что-то делать. Скрипя зубами от злости, он сообразил, что ему ничего не остается, как послать Велисария обратно в Италию, иначе он покроет себя позором, потеряв все завоеванные территории.

Утрата Италии могла бы и не быть такой тяжелой, если вина за нее падет на плечи Велисария. Может быть, это послужит объяснением тому, что Юстиниан отправил своего лучшего полководца в Италию с совершенно необученной армией и ни разу не прислал ему подкрепления, которое было необходимо для победы.

У Велисария не было армии, способной заставить Тотилу снять осаду, поэтому в 546 году остготы вновь отвоевали Вечный город.

Рим чудесным образом уцелел во всех войнах, которые велись в течение ста с лишним лет до описываемых событий. Вестготы под предводительством Алариха взяли Рим, но не причинили ему вреда. Король гуннов Аттила подошел к Риму, но отступил, так и не тронув города. Следующим был вандал Гейзерих, который разграбил Рим, но причинить серьезный вред городу ему не удалось. За Гейзерихом следовали Одоакр и Теодорих, каждый из которых по очереди правил Италией, но и они не нанесли Риму никакого урона.

Однако после двух остготских осад, одна из которых была неудачной, а другая закончилась победой, фортуна изменила Риму. Его стены превратились в развалины, система акведуков была разрушена. Водопровод и канализация, бывшие гордостью Рима, перестали существовать. Кварталы города, расположенные на возвышенностях, остались без воды; в кварталах, расположенных в низинах, начались заразные болезни.

Казалось, что Тотила в приступе гнева решил сровнять Рим с землей. Видимо, от полного уничтожения Вечный город спасли призывы Велисария, напомнившего остготам о славном прошлом Рима.

Но Вечный город уже не мог вернуть себе былое величие. 546 год действительно можно считать годом гибели великого города.

Велисарий продолжал сражаться, на следующий год он отвоевал Рим, но был изгнан вновь. В 549 году, довольный его военными успехами, Юстиниан призвал его обратно в Константинополь. Велисарий вновь доказал свою верность и военную силу, но выдающих побед больше не одерживал. Впрочем, император, не особенно помогавший ему подкреплениями, мог бы и сам об этом догадаться. Слава о непобедимом Велисарии была развеяна.

Так наступили темные века. Италия, наиболее просвещенная и богатая страна европейского Запада, Италия, где правил мудрый Теодорих, теперь лежала в руинах. Византийцы и остготы, воевавшие за полуостров, в конце концов поняли, что вокруг них остались лишь развалины.

А что происходило за пределами Италии? Африка вновь принадлежала Восточной Римской империи. Испания, где правили вестготы, оказалась в полной изоляции и приходила в упадок. Она была последним островком арианства в полностью католическом Средиземноморье.

На виду оставались только франки. Из всех германских племен в тот момент они были самыми сильными.

Глава 4
Меровинги

Юстиниан в зените славы

Теперь, когда Велисарий больше не представлял опасности, Юстиниан понял, что не готов отказаться от такого лакомого кусочка, как Италия. Выход он видел в том, чтобы послать на войну не Велисария, а другого способного генерала, который ни при каком развитии событий не будет представлять опасности для императора.

Когда Юстиниан так решил, немедленно нашлась подходящая кандидатура. Казалось, судьба всегда на стороне императора. В его ближайшем окружении обнаружился армянин по имени Нарсес, исключительно умный и способный человек, которому император мог полностью доверять. Выяснилось также, что Нарсес обладает немалыми познаниями в военном деле.

В 538 году Нарсес отправляется в Италию, казалось бы на помощь Велисарию, хотя, более вероятно, для того, чтобы следить за ним по приказу Юстиниана. Два военачальника, естественно, не смогли ужиться друг с другом, и поэтому Юстиниану пришлось отозвать Нарсеса обратно. Теперь

Велисарий постоянно находился в Италии. Тем не менее, в 551 году Юстиниан вновь посылает Нарсеса в Италию, теперь уже в качестве верховного главнокомандующего имперскими войсками.

Нарсес пришелся по сердцу Юстиниану и поэтому стал главнокомандующим. Беда состояла в том, что этот невысокий, сухощавый человек, которому было уже за семьдесят, вряд ли мог снискать уважение солдат. Но зато прошлое Нарсеса-евнуха указывало, что он вряд ли может считаться серьезным претендентом на императорский трон.

Юстиниан не мог пожаловаться на своих военачальников — они служили ему даже лучше, чем он ожидал. Выяснилось, что старый евнух оказался не только хорошим главнокомандующим, но и не менее талантливым полководцем, чем Велисарий.

Оказавшись в Италии и ознакомившись с положением вещей, Нарсес понял, что необходимо срочно принимать меры: любое промедление ослабит позиции византийцев, придется отступать, просить подкрепления. И никто не сможет поручиться за то, что подкрепление действительно придет. Поэтому Нарсес все силы направил на то, чтобы заставить Тотилу пойти на решающее сражение. Тотиле только того и надо было. Помня о том, как много лет назад ему удалось победить самого Велисария, Тотила полагал, что расправиться со стариком евнухом будет несложно.

В 552 году произошло сражение при Тагине[17], городе, расположенном примерно в ста милях к северу от Рима. Тотила поспешно напал на войско Нарсеса, надеясь застать его врасплох. Кавалерия остготов врезалась в войска византийцев. Рассчитывая на быстрый успех, конники остготов ринулись в бой, не дождавшись поддержки пехоты. Но оказалось, что Нарсес прекрасно подготовился к атаке остготов. Остготских всадников окружили и уничтожили, после чего преимущество оказалось почти целиком и полностью на стороне византийцев. Тотила был убит.

Сражение при Тагине стало концом Остготского королевства. Остготы уже не смогли собрать армии, достаточной для еще одной решающей битвы. Они превратились в разрозненные банды, которые исподтишка нападали на византийцев. Нарсес методично истреблял их, захватывая один город за другим.

В 553 году остготы исчезли с исторической сцены. Это произошло всего через шестьдесят лет после того, как Теодорих Великий обосновался в Равенне. Остготы потеряли Италию, как когда-то потеряли свои владения в причерноморских степях, третьего шанса восстановить королевство у них так и не появилось.

В то время как Нарсес воевал в Италии, Юстиниан присматривался к другим бывшим провинциям империи. Следующей жертвой должна была стать Испания, которая постепенно приходила в упадок под владычеством вестготов.

Когда был жив Теодорих Великий, он был властителем Италии и Испании, но после его смерти оба народа разделились. Внук и последователь Теодориха, Амаларих, был уже достаточно взрослым человеком, чтобы править самостоятельно, поэтому он основал свою столицу в Севилье, которая стала первой столицей Вестготского королевства на территории Испании.

Другими сильными противниками византийцев по-прежнему были франки. После смерти Теодориха Великого их королевство освободилось от сильной руки остготов. Хлодвиг к тому времени уже давно был мертв, а его сыновья дрались друг с другом. Несмотря на это, Амаларих решил, что с его стороны будет весьма предусмотрительно, если он женится на дочери Хлодвига. Его предложение было встречено благосклонно, но на деле оказалось плохой идеей.

Дело в том, что Амаларих исповедовал арианство, а его новая жена — католичество. Каждый из них пытался обратить супруга в свою веру, и каждый потерпел поражение. Все это обернулось бедой: один из сыновей Хлодвига — король Хильдеберт I — пришел к выводу, что пора начать новую священную войну против еретиков. В битве, которая произошла между ним и вестготами на территории Испании, вестготы потерпели поражение, а Амаларих был убит. Франки вернулись из побежденного королевства, везя королеву, спасенную от еретиков, и большую добычу.

Со смертью Амалариха прервалась династия королей, основателем которой был Аларих. Тот самый Аларих, который осадил Рим почти полтора столетия до этого.

После Амалариха на троне королевства оказалась целая череда неприметных королей. Им удалось сдержать погрязших в междоусобных войнах франков, но и сами они увязли в бесконечной череде дворцовых интриг и междоусобице.

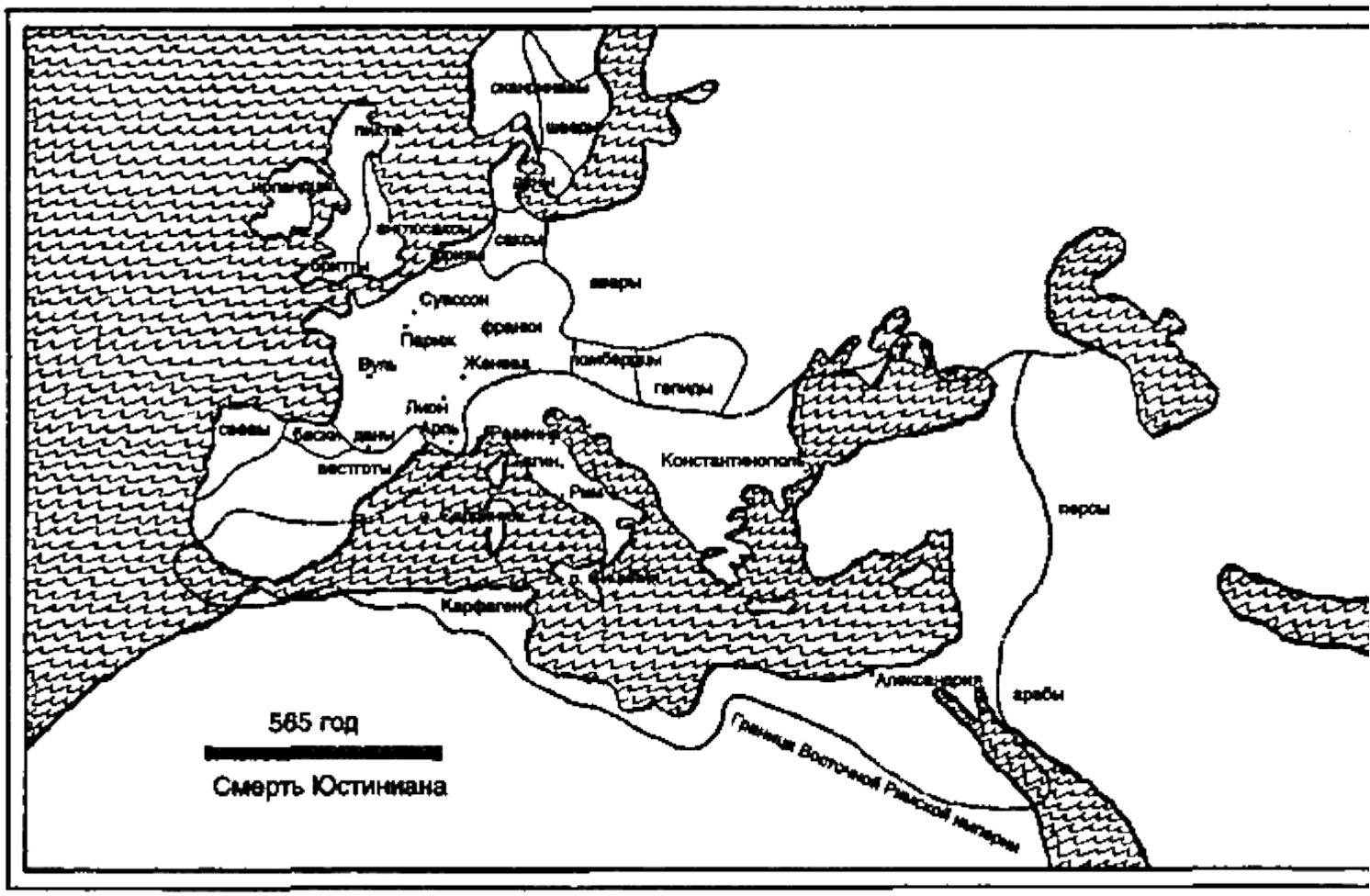
Именно междоусобную войну Юстиниан использовал как повод для очередного нападения. Один из претендентов на престол, Атанагильд, обратился к нему за помощью. Но пока страстно ищущий повода для войны Юстиниан собирал свое войско, Атанагильд самостоятельно справился со своими врагами. Поэтому он отказался от помощи Юстиниана.

Но было уже поздно. Юстиниан продолжал настаивать на отправке солдат в любом случае. Византийцы быстро завоевали юг Испании, вестготские владения уменьшились до узкой полоски земли, пролегавшей между землями империи и королевством свевов, расположенным на севере Испании.

В 555 году могущество Юстиниана достигло своего расцвета. Его империя росла на протяжении тридцати лет, и за это время Византия установила контроль над Африкой и Италией, изгнав с этих земель вандалов и остготов. Большая часть Испании также принадлежала империи, а вестготы утратили свою власть и влияние. Непокоренными оставались только франки и саксы в далекой Британии.

Юстиниан сделал для своей страны все, что мог. Как у путника, который достиг вершины, теперь его путь мог идти только вниз. Войны на западе империи, какими бы успешными они ни были, стоили императорской казне больших денег. Если прибавить к этим тратам расходы на войны с персами на востоке, становится ясно, что рано или поздно казна Константинополя должна была опустеть.

Кто на самом деле только выиграл от военных походов Юстиниана, так это франкские правители — Меровинги, сыновья Хлодвига. Несмотря на то что сыновья Хлодвига относились друг к другу враждебно и не упускали случая отхватить кусок наследства один у другого, когда на них кто-то нападал, братья объединялись и сражались вместе. Они победили тюрингские племена в Центральной Германии и постепенно лишили бургундов той независимости, которая еще оставалась у них в правление Хлодвига.



Когда Византия напала на Италию, франки решили воспользоваться этим шансом, чтобы продвинуться на юг. Юстиниан только подталкивал их к этому и предложил франкам заключить союз. В результате границей Франкского королевства стали Альпы.

В итоге войн в Италии двое из сыновей Хлодвига погибли, а в 558 году умер третий сын. Самый младший из братьев, Хлотарь I, методично присоединял к своему королевству территорию за территорией, несмотря на протесты многочисленных племянников, и в конце концов сосредоточил в своих руках власть над всем Франкским королевством.

Но, что самое главное, его королевство стало в два раза больше того, что досталось ему в наследство от Хлодвига.

Коли так, то у гигантской (если судить по карте) Восточной Римской империи оставался только один соперник — франки. Франкское королевство вовсе не было таким цивилизованным и процветающим, как Восточная Римская империя, но зато его земли располагались очень близко, а армия франков была куда более свирепой, чем византийская.

Казалось, что столкновение между франками и византийцами неизбежно. Но судьба распорядилась иначе. В 561 году, после пятидесяти лет правления, Хлотарь I скончался. Как и его отец, Хлодвиг, Хлотарь оставил после себя взрослых сыновей. Сыновья Хлотаря поделили королевство на четыре части и бросили жребий, кому какая часть будет принадлежать.

Франкское королевство, которое оставалось объединенным всего три года, оказалось опять разделенным на части. Италия, входящая в состав империи, опять была в безопасности — по крайней мере, франки ей больше не угрожали.

Последние ариане

Нарсес, обосновавшись в Равенне, продолжал править Италией еще четырнадцать лет. Он старел, но от этого не становился менее влиятельным. В 565 году ему исполнилось восемьдесят семь лет, но он все еще был в силе. Его недоброжелатели в Италии строчили в Константинополь одну жалобу за другой, где просили отправить Нарсеса в отставку. Пока Юстиниан был жив, отставка Нарсеса была невозможна, но в 565 году он умер. На трон взошел племянник Юстиниана, который правил под именем Юстин II.

Каждый сильный правитель, который долго и прочно сидит на троне, в конце концов вызывает недовольство и раздражение. Поэтому, когда ему на смену приходит более молодой преемник, первое, что тот делает, чтобы снискать себе популярность, — меняет старые порядки. Юстин II не был исключением из этого правила, поэтому он освободил Нарсеса, казавшегося бессмертным, от его должности.

Смещение Нарсеса с должности — а это признанный исторический факт — было обставлено с особой жестокостью. Согласно легенде, новая императрица направила послание старому генералу, в котором повелевала передать военные дела мужчине, поскольку евнуху Нарсесу место за прялкой, среди ее придворных дам.

Говорят, что Нарсес ответил на это: «Я спряду ей такую пряжу, которую непросто будет распутать». Перед тем как покинуть Италию, он устроил так, что новое племя германцев вторглось в ее пределы.

История этого племени началась за два столетия до описываемых событий. Несмотря на то что она была полна драматизма, вряд ли все было действительно так, как гласят хроники. Новых германских захватчиков даже не требовалось приглашать. Они были вынуждены вторгнуться в Италию, как их предшественники, столетие до этого пришедшие с юга и запада.

Завоеватели опять пришли из Азии.

И вновь это были всадники, на сей раз авары. Они пришли с востока, где обосновались еще в правление Юстиниана, и основали свое государство, начав править жившими в тех землях бедными славянскими земледельцами. Славянам не везло: ими правила одна банда воинственных захватчиков за

другой: сначала готы, потом гунны, а теперь еще и авары. Поэтому некоторые западные историки предполагают, что английское слово «Slave» («раб») происходит от слова «Slav» («славянин»).

К моменту смерти Юстиниана государство аваров в уменьшенном варианте напоминало государство Аттилы за один век до этого. Власть аваров простиралась от берегов Дона до Эльбы. Границы их государства на севере надвигались на границы империи, а на востоке соприкасались с государством франков.

Севернее Италии обитали два варварских племени, которые первыми столкнулись с волной аваров, хлынувших на юг. Эти племена назывались гепидами и ломбардцами, или лангобардами. Название исторической области в Италии — Ломбардия — происходит от сокращенного германского слова «лангобард» — так называли обитавших в Ломбардии людей. А само слово «лангобард», по мнению историков, означает «длиннобородый» или, по другой версии, «человек с большой секирой».

Когда на горизонте появились авары, гепиды и лангобарды вели между собой затяжную войну. И гепиды, и лангобарды считали, что завоеватели помогут им в борьбе с врагом, но авары пришли на помощь только лангобардам.

В 565 году Юстиниан умер, а Нарсес был отозван с поста главнокомандующего, королем лангобардов стал человек по имени Албоин. С помощью аваров ему удалось победить гепидов в решающей битве, которая состоялась в 567 году. Албоин убил короля гепидов Кунимунда, а затем взял в жены его дочь — Розамунду, что позволило ему объединить оба племени. Читатель, естественно, поймет, что любой наследник мужского пола, который мог появиться от этого брака, в равной степени принадлежал обеим королевским семьям. В старых хрониках говорится, что Албоин сделал из черепа своего побежденного врага, Кунимунда, кубок для вина и пил из него.

После победы над гепидами лангобарды решили, что их новый союзник представляет собой не меньшую опасность, чем гепиды. Казалось бы, союз с аварами мог принести только выгоду. Но выгода эта заключалась в том, что, расправляясь со своими врагами, лангобардов уничтожили бы в последнюю очередь. Лет за двадцать до описываемых событий лангобарды оказали военную помощь Велисарию, поэтому они считали, что могут претендовать на часть территорий богатой, цветущей Италии. Поэтому вместо того, чтобы жить под гнетом аваров, лангобарды решили напасть на Италию.

В 568 году весь народ, не только мужчины, но и женщины и дети, снялись с обжитых мест и вместе с другими племенами, которые присоединились к ним, перешли через Альпы и вторглись в Северную Италию. Лангобарды были арианами, и это был последний случай в истории, когда ариане вторглись в католическую страну.

Именно лангобардов обиженный Нарсес рассчитывал пригласить в Италию, но его усилия не потребовались. Нарсес уехал из Италии за три года до вторжения лангобардов. Давление аваров на лангобардов было таким сильным, что никакого приглашения со стороны старого полководца и не потребовалось: лангобарды перешли границы Италии.

Нападение последних ариан на империю никого не смутило. Италия прошла через целую серию набегов и отступлений различных врагов: сначала она подверглась опустошению со стороны имперских армий, потом против империи воевали готы, вновь разорившие страну, а потом на смену готам опять пришли имперские войска. Поэтому Италия превратилась в разоренную страну, жители которой с молчаливым согласием относились к любому правителю. Все, чего они хотели, — это чтобы их оставили в покое.

Лангобарды захватили часть Италии. Они могли бы завоевать еще больше земли, если бы их было больше. А так лангобардам удалось завоевать только треть страны — Северную Италию. В 572 году они взяли приступом город Павию, расположенный в верхнем течении реки По, приблизительно в ста двадцати пяти километрах от Милана, и основали там столицу своего королевства. Кроме того, лангобарды проникли и на юг полуострова, вплоть до города Беневенто, в сорока милях к востоку от Неаполя.

Албоин недолго прожил после начала вторжения и умер вскоре после осады Павии. Согласно легендам, его смерть была отвратительной. В пьяном угаре, во время торжеств по поводу осады Павии, он заставил свою жену пить из кубка, сделанного из черепа ее отца, после чего Розамунда подстроила его убийство.

Начало Средних веков

Апеннинский полуостров был полностью завоеван римлянами в 220 году до нашей эры. В течение семи веков он оставался римским владением. Когда появились лангобарды и завоевали часть земель, единая Италия оказалась разделенной. Такой она оставалась еще тринадцать столетий.

Начнем с того, что с тех пор, как лангобарды укрепились на Апеннинском полуострове, образовались две Италии — одна по-прежнему принадлежала империи, другая завоевателям. Восточная империя продолжала удерживать южную часть полуострова, включая «носок» и «каблук» итальянского «сапога» и острова Сицилию, Сардинию и Корсику. Кроме того, империи принадлежала широкая полоса земли в центре полуострова, простиравшаяся от Рима до Венеции, включая столицу — Равенну.

Имперским войскам не хватало солдат, чтобы сдерживать лангобардов, но они продолжали мужественно сопротивляться. В 584 году образовался Равеннский экзархат.

В той части Италии, которая принадлежала лангобардам, время, казалось, повернулось вспять, приблизившись к эпохе, когда в стране хозяйничали остготы. Вновь началось противостояние между германской аристократией — арианами и крестьянами-католиками. Снова в стране было две религии и двойной закон.

Разделение Италии пошло на благо папской власти — она становилась только сильнее оттого, что светская власть была слабой, а правители ссорились между собой. Ведь в то время, когда имперские войска под командованием Нарсеса держали под своей властью всю Италию, папа был всего лишь марионеткой в руках правителя. В 552 году Юстиниан без всяких церемоний даже приказал заточить папу Вигилия I в тюрьму, точно так же поступил Теодорих с папой Иоанном I. Теперь же все складывалось по-другому: у пап появился новый шанс в борьбе за власть — грех было бы им не воспользоваться.

Человека, которому судьба улыбнулась подобным образом, звали Григорий. Он был родом из семьи римских патрициев. Еще будучи молодым, едва достигнув тридцати лет, он стал префектом, или, говоря современным языком, мэром Рима. Это произошло в 573 году, когда с юга наступали лангобарды. Жестокие времена, в которые довелось жить Григорию, и его стремление к спокойной, духовной жизни побудили его отказаться от почетного поста. Григорий передал имущество в собственность церкви. После этого он основал шесть монастырей на Сицилии и один в Риме, где и поселился.

В монастырях, основанных Григорием, жили по правилам бенедиктинцев, которые установил живший лет за сорок до Григория святой Бенедикт из Нурсии — города, расположенного километрах в ста от Рима. Монахи селились поодиночке или общинами и пребывали в молитве и самодисциплине, следуя правилам восточного христианства. Именно Бенедикт был первым, кто научил западных христиан, как им управлять монастырем и вести монашескую жизнь.

Бенедикт принял монашество в монастыре Монте-Кассино, в семидесяти километрах к юго-востоку от Рима. Это случилось вскоре после смерти Теодориха, принесшего немало горя своим подданным. Поэтому монастырь, где жил Бенедикт, стал моделью государственного устройства для всего западного мира.

Бенедикт правил монахами, держа их в страхе и повиновении, призывая к целомудрию и трудам. Хотя излишний аскетизм он также не одобрял. Он вовсе не хотел, чтобы монахи превращались в нищенствующих бродяг и попрошаек или изнуряли себя самоистязанием. Он считал, что они должны заниматься физическим и умственным трудом: работать на полях или переписывать книги. Работа стала постоянной составляющей монашеской жизни. В монастыре царила строгая дисциплина, аббат избирался пожизненно и имел абсолютную власть. Монастырь был абсолютно самостоятельным и независимым маленьким государством, прибежищем для тех, кто, утомившись в житейских бурях и страстях, стремился к знаниям и трудам.

Бенедикт скончался в 543 году, но его монашеские правила продолжали жить и распространяться по всему западному миру. В течение почти шестисот лет бенедиктинские монастыри были

единственными образовательными учреждениями на Западе. Это время, с 550-го по 1150 год, впоследствии так и назвали — «бенедиктинскими веками». Почти девяносто процентов образованных европейцев эпохи раннего Средневековья прошли обучение в бенедиктинских монастырях. Если и были в темноте Средневековья редкие искорки знания и образования, то, подобные искрам костра, горящего ночью, вспыхивали они в монастырях бенедиктинцев.

Последователем Бенедикта Нурсийского был Григорий Великий. Он был страстным проповедником и распространял христианство и за пределами Италии.

Кроме исполнения своих монашеских обязанностей, Григорий служил послом папы в Константинополе. Он написал комментарии к Книге Иова, а также много других сочинений, благодаря которым получил титул последнего, четвертого из отцов церкви. Более того, Григорий был первым на Западе комментатором христианского учения, чего с момента германских завоеваний никто не делал. Поэтому можно сказать, что он был не столько приверженцем новизны, сколько распространителем христианства.

В 590 году скончался папа Пелагий II, бывший, кстати, остготом. С его смертью спокойная жизнь христианского писателя и проповедника, которой жил Григорий, подошла к концу. Во многом против собственной воли он был избран на папский престол. Известно, что Григорий настолько не хотел становиться римским папой, что даже написал письмо императору в Константинополь, в котором умолял признать выборы недействительными. Но его письмо перехватили, самого Григория оторвали от уединения и фактически насильно заставили принять папский сан.

Став папой, Григорий усердно принялся за дело. Он стал первым действительно правящим папой со времени Геласия I, жившего за сто лет до него. Григорий изменил богослужение и даже реформировал церковное песнопение. В музыке до сих пор есть такой вид песнопений, как «григорианский хорал».

Григорий также проводил реформы, касающиеся нравственности священнослужителей. В частности, именно он являлся вдохновителем безбрачия среди священников. Отчасти это делалось затем, чтобы священники не давали взяток с целью устройства своих детей на выгодное место работы. Также Григорий строго следил за выборами на церковные должности.

Связь Григория с бенедиктинцами привела к тому, что постепенно влияние монахов становилось сильнее, чем влияние епископов. Григорий очень много внимания уделял христианскому обучению и воспитанию монахов. Говорят, хотя возможно, эти слухи преувеличены, что он уничтожал античные рукописи, стремясь свести на нет последние следы античной культуры и язычества в Италии.

В любом случае, если античная Италия закончилась во времена Велисария и Нарсеса, то средневековая Италия началась со времен Григория. Собственные теологические сочинения Григория вызывают четкие ассоциации со Средними веками — он пишет об ангелах и демонах, о возмездии и чистилище, о чудесах, святых мощах и т. д.

Термин «Средние века» в Средние века, естественно, не использовался. Люди, жившие в то время, считали это время современностью. Через века после Григория сочинения античных авторов были заново открыты, наступил период, который мы называем «Возрождением». Возрождением античного знания, философии, науки. В это время ученые заговорили о тысячелетнем промежутке между античностью и ее возвращением. Именно этот временной промежуток и стали называть «Средними веками». Я же пишу эту книгу даже не о Средних веках, а о времени, которое называется «темными веками», потому что в это время никто не занимался ни науками, ни искусством, а культура упала до самых низких пределов.

Немалые усилия прилагал Григорий, чтобы распространить христианство среди язычников. Наиболее известная история о нем, по крайней мере самая распространенная в Англии, рассказывает о том, что однажды Григорий увидел группу белокурых юношей, которых продавали в рабство. Потрясенный увиденным, он спросил, какому народу они принадлежат.

«Это англы», — ответили ему. Англы за полтора столетия до этого напали на Британию и дали ей название Англия. «Это не англы, — произнес Григорий по-латински, — это ангелы». После этого Григорий послал христианских миссионеров в Англию, чтобы такие красивые люди не были потеряны для Бога.

Но самыми важными поступками Григория были сдерживание лангобардов и сохранение в безопасности церкви. Он понимал, что надеяться на поддержку имперских войск не приходится. У Равеннского экзархата было очень мало денег, которых не хватало на жалованье солдатам. Поэтому те восстали и даже принялись переходить на сторону лангобардов.

Но, если денег не хватало у экзархата, их было в достатке у папы. Многие годы благочестивые люди жертвовали церкви свои земли и богатства. Так продолжалось до тех пор, пока церковь не стала самым богатым землевладельцем в Италии. Григорий умело воспользовался этой ситуацией и взял все землевладения под свой контроль, предложив новую систему контроля доходов. Поэтому он смог не

только выплатить жалованье армии, но и накормить все романское население зерном с церковных полей.

Естественно, выплачивая содержание армии и кормя население, Григорий приобрел фактически полную власть в Риме, предоставив представителям императора право лишь произносить напыщенные речи.

Обретя власть над армией, Григорий не обратил ее против лангобардов, а занялся крещением их из арианства в католичество. Самого влиятельного вождя англов звали Агилульф. Григорию удалось заключить с мим мир, несмотря на то что экзархат настаивал на войне.

Постепенно, после переговоров и подарков в виде немалой суммы денег, Агилульф стал проявлять благосклонность сначала к папе лично, а затем к католицизму. Подталкиваемый, с одной стороны, папой, а с другой стороны — своей женой-католичкой, он привел солдат к Святому престолу, чтобы креститься в католицизм, а затем и сам стал католиком. После этого все лангобарды, не мешкая, приняли католичество.

Новая вера смягчила их нравы, они переняли язык и законы своих вассалов.

В 600 году последняя вспышка арианства в Северной Италии была погашена. Вестготы в Испании стали католиками приблизительно в это же время. Арианство навсегда прекратило свое существование после почти трех столетий борьбы за существование.

Однако Григорий был не настолько слеп, чтобы не понимать, что лангобарды представляют угрозу даже после того, как они стали католиками. Непосредственная близость к папе не могла удержать от разногласий. У лангобардов была армия; ясно, что и у папы она тоже должна была появиться.

Григорий стал первым папой, который отважился заглянуть за Альпы с надеждой извлечь выгоду из дружбы с жившими там франками. Он написал несколько писем Хильдеберту II, правившему восточной частью Франкского королевства. Эти письма были выдержаны в дружеских и даже почтительных тонах. Пользы от этого было мало, но семена, которые посеял Григорий, еще дадут великолепные всходы, как мы сумеем убедиться позднее.

Но важнее всего то, что Григорий фактически создал третью власть в Риме — папство. За заслуги Григория стали называть Великим. С тех пор как в 604 году он был причислен к лику святых, его называют еще и святым Григорием Великим.

После того как Григорий четко дал понять, что церковь является в государстве самостоятельной силой, за ним потянулись епископы. Они хотели быть независимы от светской власти, как и папа. Епископ каждого большого города считал, что города, в отличие от сельской местности, почти независимы от власти лангобардов.

Поэтому в Италии, в особенности в Северной, города становились все сильнее, их население росло. Люди пытались освободиться от жесткой власти лангобардов и обрести за стенами города некоторую свободу.

Во всех остальных странах, где у власти были германские правители, города приходили в упадок. А в Северной Италии они процветали. Именно этот факт лег в основу возрождения западной культуры много столетий спустя.

Внуки Хлодвига

Казалось, что после вторжения лангобардов и неразберихи, которая за этим последовала, франки должны были покинуть северные земли. Но они отнюдь не собирались уходить, потому что у них хватало своих проблем.

Из четырех сыновей Хлотаря I, единственного сына Хлодвига, оставшегося в живых, старший умер, а на его месте оказался Хильперик, самый младший. Поэтому королевство франков были поделено между братьями на три части.

Сигиберт I, третий сын Хлотаря, управлял восточной частью королевства — Австразией. Он обосновался в городе Метце, в ста восьмидесяти километрах от Парижа. Большая часть Австразии никогда не находилась под римским владычеством, поэтому испытала на себе очень слабое влияние романской культуры.

Хильперик (мы уже говорили, что он был четвертым и самым младшим сыном Хлотаря) управлял Нейстрией со столицей в Суассоне. Второй сын Хлотаря, которого звали Гонтрам, был королем Бургундии. Столицей Бургундии был Орлеан. В Нейстрии, располагавшейся в северной части государства, когда-то называвшегося Галлией, и в Бургундии, которая находилась на юго-востоке, сильно ощущалось влияние римских традиций. Поэтому нравы и обычаи, и даже язык этих королевств значительно отличались от Австразии.

Естественно, что между Австразией и Нейстрией постоянно возникали столкновения. Они особенно обострялись из-за того, что обе соседствующих страны весьма отличались друг от друга. И со временем отличий становилось все больше и больше. Другой причиной столкновений было то, что обоими королевствами управляли родные братья, каждый из которых считал, что сможет править соседним государством лучше брата.

Но у Сигиберта, короля Австразии, было еще одно преимущество, о котором он, возможно, и не догадывался. Дело в том, что Сигиберт сделал монаха по имени Григорий епископом города Тура. А Григорий Турский вошел во всемирную историю как человек, написавший историю франков.

Эта история и по сей день является ценным источником знаний о франках, их короле Хлодвиге и его ближайших потомках. Поскольку Григорий жил в Австразии, он не очень лестно отзывался о своих соседях-нейстрийцах. Поэтому Сигиберт и австразийцы выглядят в его трудах несколько лучше, чем они того заслуживают.

Во время войны с аварами врагам удалось захватить восточные границы Австразии. В то же время сила Хильперика и его королевства продолжала расти. Сигиберт, обеспокоенный этим, решил найти себе союзника, выгодно женившись. В тот же год, когда умер его старший брат, а на его место взошел Хильперик, Сигиберт женился на вестготской принцессе. Принцессу звали Брунгильда. Она была дочерью того самого Атанагильда, который за тринадцать лет до этого заключил союз с Юстинианом, что позволило имперским войскам войти в Испанию.

Женитьба оказалась хорошо продуманным политическим ходом. В то время как вестготам пришлось уступить значительную часть своей территории имперским войскам, их королевство после долгого правления Атанагильда приобрело внутреннюю стабильность. Когда речь зашла о женитьбе Сигиберта на вестготской принцессе, стало понятно, что, случись война с Хильпериком, — и с тыла на того обрушится вся армия вестготов. Поняв, какие выгоды сулит ему родство с Атанагильдом, Сигиберт женился на его дочери. Впрочем, Брунгильда, видимо, тоже была не прочь выйти замуж, и даже отказалась от арианства и перешла в католичество.

Наверное, старший брат, король Нейстрии Хильперик, не особо обрадовался, узнав о выгодном браке Сигиберта. Он уже имел жену из своего рода-племени, но, похоже, это не особенно его заботило. Он устроил так, что церковь одобрила его развод, после чего женился на другой дочери Атанагильда, принцессе Галсвинте. Теперь у обоих братьев был один общий тесть — король Атанагильд, поэтому Сигиберт недолго радовался своей удачной женитьбе.

По сути, все попытки братьев перехитрить друг друга, их осторожные уловки и взаимные интриги обернулись ничем, потому что в тот же год, когда братья женились на сестрах, их общий тесть Атанагильд умер.

Между его наследниками разгорелась ожесточенная борьба за трон. Они были настолько поглощены этим, что совершенно забыли о войнах с внешними врагами. И если франкским королям взбредет в голову подраться друг с другом, то уж как-нибудь они и без вестготов обойдутся.

Хильперика смерть тестя особенно раздосадовала, потому что он женился на Галсвинте только по политическим соображениям. На самом деле он любил другую женщину. Ее звали Фредегонда. Он влюбился в нее еще тогда, когда Фредегонда была простой служанкой в его замке. Заметим, что древних историков больше всего пугало ее низкое происхождение.

Фредегонда конечно же обрадовалась после того, как Хильперик развелся со своей первой женой. Она решила, что теперь король женится на ней. Каково же было ее разочарование, когда Хильперик по политическим мотивам женился на вестготской принцессе! Теперь Атанагильд умер, и политический интерес пропал. Поэтому Фредегонда подстроила убийство новой королевы. Хильперик недолго горевал по этому поводу и в конце концов женился на Фредегонде. Она стала третьей королевой.

Понятно, что ни Хильперик, ни Фредегонда не были добрыми и хорошими людьми. Поэтому Григорий Турский, описывая Хильперика, с отвращением называет его «Нероном и Иродом своего времени». Хотя Хильперик был всего лишь одним из Меровингов, королей своего времени, и зло, которое он воплощал, было злом того времени, в котором он жил.

Великая вражда

Фредегонда достигла желанной цели, став королевой. Но сумела нажить себе злейшего врага.

Убив Галсвинту, она убила родную сестру Брунгильды, королевы Австразии. Естественно, что Брунгильда не собиралась прощать ей этого. Она не простила бы и меньшей обиды. Только Фредегонда тоже не собиралась уступать. Между королевами началась великая вражда.

Сигиберту в его войне с аварами успех не сопутствовал. Какое-то время он даже провел в плену. Поэтому он не особо противился настойчивым уговорам Брунгильды прекратить войну с аварами и бросить войска на запад — на войну с Хильпериком.

Повод нашелся быстро. В 573 году Сигиберт потребовал, чтобы Хильперик вернул обратно приданое убитой королевы, — достаточно весомая причина для войны. Хильперик отказался и между братьями разгорелась война.

Сигиберт изо всех сил стремился захватить Париж и земли вокруг него. В конце концов в 575 году он мог торжествовать победу — казалось, что Хильперик был разбит наголову. Сигиберт торжествовал. Солдаты подняли его и понесли на щитах, ведь теперь он был победоносным королем Австразии и Нейстрии. Но тут в дело вновь вмешалась Фредегонда. Она использовала все то же простое и безотказное оружие. Двое наемных убийц, вооруженные ножами, прикончили новоиспеченного короля. Его подданные оказались деморализованы и отступили.

Брунгильду взяли в плен. Казалось бы, Фредегонда должна была ее сразу же убить, но она не стала этого делать. Очевидно, Брунгильда понравилась Меровею, сыну Хильперика от первой жены. Он устроил ей побег и сам бежал вместе с ней. Меровей и Брунгильда тайно поженились и укрылись за стенами Тура, под защитой Григория, того самого епископа, который написал историю франков.

Свадьба Меровея и Брунгильды была союзом двух людей, объединившихся против общего врага. Меровей был сыном первой жены Хильперика. Вряд ли он мог чувствовать себя в безопасности рядом с детьми Фредегонды, которые тоже претендовали на престол.

Замужество оказалось спасением и для Брунгильды, несмотря на то что через некоторое время Меровей разошелся с ней. Тем не менее, королеве Брунгильде было позволено вернуться в Австразию. Там она объявила своего сына, отцом которого был Сигиберт, королем Хильдебертом II. Так она и правила сыном и королевством, сумев доказать, что она может править страной и подчинить себе своевольную австразийскую аристократию.

Однако для Меровея женитьба на Брунгильде оказалась фатальной. Фредегонда рано или поздно собиралась расправиться с ним, а теперь, когда Меровей какое-то время был женат на ее злейшей

сопернице, он окончательно подписал себе смертный приговор. Поэтому Фредегонда подстроила убийство Меровея, а вместе с ним двух других сыновей Хильперика. Теперь на сцене остался только сам Хильперик, который умер в 584 году при загадочных обстоятельствах. Хронисты того времени приписывают его смерть козням Фредегонды. Скорее всего, так оно и было.

Вскоре после смерти Меровея Фредегонда возвела на трон своего малолетнего сына, которого короновали под именем Хлотаря II, короля Нейстрии. Это было не самым выгодным ходом, но нейстрийская аристократия желала видеть на троне законного наследника.

Но единственный оставшийся в живых сын Хлотаря I, Гонтрам, король Бургундии, отказался признать нового короля. Чтобы уладить возникшие проблемы, Фредегонде пришлось снизойти до того, чтобы уговорить епископов поклясться, что ее ребенок действительно сын Хильперика. Фредегонда так стремилась достичь своего, что самого несговорчивого епископа Руанского ей опять пришлось убить. Как всегда, кровавое дело совершили наемные убийцы.

Но на этом кровожадная Фредегонда не остановилась. Чтобы развеять все сомнения в законности притязаний своего сына на престол, она решила расправиться и с бургундским королем Гонтрамом. Но тому удалось избежать руки убийцы — он умер собственной смертью в 593 году. Гонтрам не оставил сына-наследника. Согласно его воле, Бургундия должна была войти в состав Австразии.

Естественно, такой лакомый кусок, как Бургундия, послужил причиной для раздора: ведь на эти земли претендовали два короля: король Австразии Хильдеберт II, сын Брунгильды, и король Нейстрии Хлотарь II, сын Фредегонды. Понятное дело, что мирным путем решить этот вопрос было невозможно.

Первым в дело ввязался Хильдеберт — он быстро оккупировал Бургундию. Поскольку он являлся законным наследником Гонтрама, у него были все права на захваченные территории.

В 596 году Хильдеберт умер. Говорят, что его отравили по приказу… сами знаете кого. Однако было бы чудом, если бы все люди, которые, как считалось, умерли от отравления, действительно подверглись отравлению.

Болезни в то смутное время могли достаточно быстро свести в могилу и молодого, сильного человека.

После смерти Хильдеберта на престол взошел его сын, десятилетний Теодоберт II. Бургундия досталась другому мальчику — девятилетнему брату Теодоберта. За королями-детьми стояла их старая бабушка — Брунгильда. С другой стороны была ее многолетняя противница, еще одна пожилая женщина — Фредегонда. Война между царственными старухами продолжалась до 597 года, когда Фредегонда умерла в своем парижском замке.

Хлотарь II, король Нейстрии, освободившись от опеки своей матери, вовсе не собирался мириться с Брунгильдой. Он воевал с такой жестокостью, что, если кто-то и сомневался, что его отцом был Хильперик, сомнений в его родстве с Фредегондой не было ни у кого. В конце концов Хлотарь I одержал победу над всеми врагами, а в 613 году взял в плен Брунгильду и ее правнуков, которые были детьми. Правнуков он убил. Правда, некоторые источники утверждают, что одного он пожалел — поступок, совершенно не свойственный Меровингам.

Брунгильда была восьмидесятилетней старухой. Почти полвека прошло с тех пор, как убили ее сестру. Почти полвека длилась вражда между ней и Фредегондой. Теперь она была в руках сына Фредегонды. И он не подвел свою мать, поступив именно так, как поступила бы она на его месте: Брунгильду жестоко оскорбляли и пытали, после чего казнили. Согласно хроникам, ее привязали к хвосту дикой лошади и пустили лошадь вскачь, чтобы она волокла Брунгильду по земле до тех пор, пока та не испустит дух.

История о вражде двух могущественных королев в искаженном варианте легла в основу германского героического эпоса — «Песни о нибелунгах». «Песнь» была написана около 1200 года. Нибелунги — это другое название бургундцев.

В «Песни о нибелунгах» герой Зигфрид сватается к принцессе Кримгильде, дочери Гунтера, короля Бургундии. Затем он правит в Вормсе, городе на Рейне. После этого Гунтер сватается и женится на принцессе-воительнице Брунгильде. Между королевами возникает вражда, в ходе которой Зигфрида убивает предатель. После его смерти Кримгильда выходит замуж за Этцеля, короля гуннов, который мстит за смерть Зигфрида. Бургундское королевство гибнет.

Та часть героического эпоса, где описывается падение Бургундского королевства, несомненно, отражает реальные исторические события, произошедшие в 437 году. Тогда Аттила — в «Песни» он зовется Этцелем — захватил еще совсем молодое королевство на Рейне. История о вражде между двумя королевами относится к более позднему времени, когда Бургундия располагалась к юго-западу от Рейна. Сходство эпоса и реальных событий настолько сильно, что даже имена героев во многом совпадают: Брунгильда — это реальное историческое лицо, Гунтер — это Гонтрам, король Бургундии. И Зигфрид, и его прототип Сигиберт умерли от руки предателя.

Великая вражда завершилась. Казалось, что во Франкском королевстве наступил мир. Хлотарь II, как и его дед, Хлотарь I, правил теперь единым государством. Он царствовал с 613 года до своей смерти в 623 году. Его сын Дагоберт I также провел на троне всю свою жизнь, пока в 639 году не умер.

Несмотря на это, вражда между Брунгильдой и Фредегондой и многолетние войны все равно разрушили Франкское королевство. С ним произошло то же, что и с Италией после военных кампаний Юстиниана.

Крестьяне, разоренные воюющими армиями, с трудом могли прокормить сами себя. Ясно, что продуктов на продажу горожанам у них почти не оставалось. Кроме того, старые дороги, построенные еще римлянами, пришли почти в полную негодность. По ним с трудом можно было возить продовольствие.

Королевство разбилось на небольшие самостоятельные владения, количество городского населения упало до трех процентов. Разор царил и в городах. Система акведуков оказалась нарушенной, чистая вода перестала поступать в города, из-за этого начались болезни…

Тьма над Европой сгущалась.

Глава 5

Мажордомы

Испания объединяется

В то время как франки были заняты своими междоусобными войнами, отчего их страна постепенно слабела и дичала, вестготы, казалось, на некоторое время вспомнили о своем былом могуществе. Отчасти это происходило потому, что франкам было просто не до них.

В 568 году, вскоре после смерти Атанагильда, отца двух роковых сестер-королев, Брунгильды и Галсвинты, на вестготский престол взошел Леовигильд[18].

Следующие двадцать лет он весьма успешно занимался расширением границ своего королевства. В 584 году он завершил покорение свевов. Свевы оказались в Испании в эпоху первых германских

завоеваний, лет за двести до описываемых событий. С тех самых пор им удавалось, порой с большим трудом, сохранять независимость.

Теперь свевы стали добычей вестготов и исчезли с исторической сцены.

Продвинулись вестготы и на юг. Шаг за шагом имперские войска были вынуждены отступать до тех пор, пока не выяснилось, что в их распоряжении осталась только небольшая часть побережья. Теперь вестготы господствовали на всем Пиренейском полуострове, оставив непокоренным только небольшое количество земли на побережье и часть территорий на севере, в горах.

Тем временем опять возник религиозный вопрос. Леовигильд ощущал себя страстным приверженцем арианства в мире, где арианство постепенно умирало. Только вестготы и лангобарды оставались арианами. Вскоре усилиями Григория Великого лангобарды были обращены в католичество.

Конец арианству в Испании положил сам Леовигильд, когда женил своего сына на дочери знаменитой Брунгильды, о которой мы писали в предыдущей главе. Брунгильда, родом из вестготов, вначале исповедовала арианство, а затем, ради замужества, приняла католичество. Однако ее дочь не стала принимать арианство, чтобы выйти замуж за вестгота. Интересно, что ариане принимали католичество, а католики арианство никогда, поэтому католическая вера оказалась сильнее.

Невестка Леовигильда была ревностной католичкой и в конце концов обратила и мужа в свою веру. Так началась религиозная вражда между отцом и сыном. Отец взял верх, сын был взят в плен и казнен.

Но арианство не победило. В 586 году Леовигильд умер. На престол взошел другой сын — Реккаред I. Новый король принял католичество. Его подданные последовали примеру своего короля, и вскоре в Испании не осталось и следа арианства. Реккаред с такой истовостью уничтожал арианство, что не осталось ни одной книги, ни одного пергамента, написанного на языке вестготов. С исторической точки зрения это, конечно, очень грустно, каких бы религиозных взглядов ни придерживался Реккаред.

Переход от арианства к католичеству произошел в Испании совершенно по-иному, чем в соседних государствах.

В Испании это обращение из одной веры в другую было заслугой правящих особ. В случае с вандалами и остготами правители-германцы утратили национальное самосознание вместе с верой. Впрочем, они ничуть не жалели об этом. Что касается лангобардов, то для них короткий период арианства вообще прошел незаметно.

Несмотря на это, вестготы исповедовали арианство уже два столетия. И, став католиками, они не перестали быть вестготами. Казалось, что новообращенные вестготы своим религиозным рвением пытаются искупить грехи предков-язычников. Вестготы стали еще более ревностными католиками, чем сами католики. И до наших дней испанцы остаются очень религиозными людьми.

Религиозная нетерпимость распространилась по всей Испании. До этого времени запад был относительно веротерпимым. Нейтральное отношение к людям иной веры было отличительной чертой большинства арианских королей, правивших германскими королевствами. Причиной того, что арианские правители были более терпимыми, чем короли-католики, был отчасти тот факт, что они всегда оставались в меньшинстве. Если бы королю-арианину пришло в голову силой подавить католицизм, он встретил бы такое сопротивление, что мог бы легко попрощаться с жизнью. Просто потому, что против него восстали бы все франки-католики.

Религиозная терпимость распространялась в то время и на евреев. Евреев было совсем немного. Они исповедовали свою религию — иудаизм — и жили изолированно.

Однако годы шли, и ситуация изменилась. Теперь, когда Вестготское королевство стало католическим, короли стремились показать свою набожность, жестоко расправляясь с иноверцами. Казалось, что их гнев будет направлен против ариан, но те почти исчезли, они стали католиками. А иноверцы-евреи — вот, на виду. Поэтому вестготские короли позднего времени самым жестоким образом расправлялись с евреями. Подобное отношение к ним сохранялось на протяжении всего Средневековья.

И опять, очевидно вследствие своего обращения в новую веру, король и аристократы, которые на протяжении почти ста двадцати пяти лет после принятия католичества оставались вестготами, показывали свою преданность римско-католическому духовенству.

Испанское духовенство настояло на своем праве короновать вестготских королей. Во время коронации корону вручали королю, подразумевая, что это дар церкви, который можно взять обратно, если король не оправдает надежд священников. Такая позиция церкви препятствовала прямому наследованию престола. Корона переходила не от отца к сыну, а к тому, кого выберет духовенство. Поэтому монархия слабела, аристократы спорили и ссорились между собой. Впоследствии это стало одной из причин падения Вестготского королевства.

Но пока никаких признаков упадка видно не было. Вестготские короли, царствовавшие после Реккареда I, продолжали расширять границы государства на юге, постепенно захватывая территории

Восточной Римской империи. Безнаказанно захватывать чужие территории вестготские короли могли еще и из-за того, что в самой империи произошла череда неприятных и страшных событий, о которых мы расскажем позже. В 625 году, в правление вестготского короля Суинтилы, были завоеваны последние имперские владения в Испании. Таким образом, все, что удалось завоевать Юстиниану, оставалось во владении империи немногим более семидесяти лет.

Тот же самый Суинтила сумел покорить последнюю твердыню горцев на севере страны. Горцы, о которых пойдет речь, называли себя басками. Язык этих людей не похож ни на один другой язык на земле. Историки предполагают, что баски являются потомками людей, населявших Европу еще до Великого переселения народов.

Кельты, которые наводнили Западную Европу в те дни, когда Рим был маленькой, никому не известной деревушкой, вытеснили с насиженных, обжитых мест коренное население Галлии и Испании. Эти люди укрылись в маленьких горных деревушках Западных Пиренеев. Это и были баски.

С тех пор баски пережили кельтское, а затем и римское владычество в Испании. После падения Западной Римской империи они мужественно отражали набеги свевов, вандалов и вестготов. Даже тогда, когда вестготам в конце концов удалось захватить их земли, они не покорились. Баски затаились, ожидая, что судьба даст им еще один шанс обрести собственную независимость.

В правление Суинтилы Вестготское королевство достигло расцвета. Ему принадлежали большие территории. Вестготы контролировали весь Пиренейский полуостров и часть Средиземноморского побережья Галлии.

Вестготское королевство оказало также немалое влияние на развитие раннесредневековой культуры. В правление Суинтилы жил и творил ученый Исидор. Исидор происходил из древнего римского рода выходцев из Северной Африки. В 600 году он становится епископом Севильи. Поэтому мы знаем этого человека под именем Исидор Севильский.

Свою жизнь Исидор Севильский посвятил сбору научных знаний, доступных в то время. Многое из того, о чем он писал, было уже описано до него в сочинениях других авторов, в более ранних трудах. Тем не менее, в работах Исидора есть неизбежные искажения и ошибки, когда легенды принимались за реальный исторический факт, а суеверия за правду. Тем не менее, сочинения Исидора Севильского были необычайно популярны в Средние века. Несмотря на то что в них много неточностей и ошибок, они были так написаны, что делали обучение интересным.

Правление Суинтилы закончилось плачевно. Он попытался сделать так, чтобы после него царствовал его сын, что совершенно не устраивало ни аристократов, ни церковь. Аристократы выбрали другого короля, духовенство поддержало их выбор. В 633 году в Толедо под председательством Исидора Севильского состоялось заседание синода, во время которого Суинтила был отлучен от церкви и низложен.

После Суинтилы правила череда королей, старавшихся намного аккуратнее относиться к духовенству. Эти люди были ярыми католиками и беспощадными антисемитами. Одним из таких королей был Вамба. Он правил в 672 году. Железной рукой Вамба подавлял любое недовольство и изгнал из королевства всех евреев, не пожелавших принять христианства. Свое царствование он закончил весьма необычным образом.

В 680 году его частично парализовало. Пока Вамба лежал разбитый параличом и почти умирал, его подданные обрили ему голову и обрядили в монашеский плащ. Другими словами, его постригли в монахи, чтобы он мог держать ответ перед Богом за свои деяния. Когда Вамба очнулся и пришел в себя, было слишком поздно что-либо менять. Он окончательно и безвозвратно стал монахом и больше не мог быть королем.

Рассказывали, что паралич Вамбы отнюдь не был внезапным — он случился после того, как королю дали яд. Этот яд приготовили по приказу человека, ставшего королем в тот момент, когда Вамба сделался монахом. Поэтому подданные Вамбы, побрившие ему голову, прекрасно понимали, что они делают. Может, и так! Короли Западной Европы в темные века вели захватывающую жизнь, полную разных, подчас таинственных событий. Многие из них пали жертвами интриг и заговоров.

В любом случае Вамба стал последним вестготским королем. Расцвет Вестготского королевства прошел, начался его упадок.

Империя рушится

Время шло. Стоял VII век. Вестготы отчаянно боролись за расширение границ своего государства, а франки неистово сражались друг с другом. А в это время другое государство, Восточная Римская империя, еще столетие назад, при Юстиниане, бывшее могучим и цветущим, столкнулось с большими неприятностями. Как последняя вспышка костра, который гаснет, начался недолгий период борьбы Восточной Римской империи за свое выживание.

Не прошло и двадцати лет со смерти Юстиниана, как империя оказалась со всех сторон окруженной чужаками. В Европе хозяйничали авары; захватив земли вдоль Дуная, они докатились почти до стен Константинополя. Славянские племена просочились на Балканский полуостров и постепенно обживали его.

На востоке, в Персии, у власти стоял Хосрой II. Именно он, честолюбивый и амбициозный человек, затеял последнюю великую войну между Персией и империей. Невероятно быстро ему удалось овладеть Сирией, Египтом и Малой Азией.

В 626 году, когда на франкский престол взошел Хлотарь II, сын Фредегонды, а королем вестготов сделался Суинтила, владения Восточно-Римской империи сузились до границ города Константинополя и некоторых районов на западе, оставшихся от завоеваний Юстиниана.

И тут в Константинополе появился человек, который, как оказалось, способен решить многие проблемы. Гераклий, родом из Карфагена, из провинции отправился в Константинополь для того, чтобы взвалить на себя все бремя возникших проблем. После длительной подготовки и героических усилий Гераклию все же удалось спасти империю от неминуемой гибели. Он отразил набеги аваров, справился с персами и вернул империи потерянные территории. Пока он занимался этой нелегкой работой, империя потеряла свои владения в Испании, которые уже не удалось вернуть.

Успехи Гераклия оказались временными. Потому что, пока он воевал, на востоке возник другой противник, куда более страшный, чем все другие, — противник, появление которого оказалось фатальным не только для Константинополя, но и для всего средневекового Запада.

Около 570 года, когда Леовигильд, король вестготов, предпринимал отчаянные попытки спасти арианство, лангобарды двинулись на Италию, а Брунгильда и Фредегонда увязли в смертельной вражде, в центре Аравийского полуострова родился мальчик. Его назвали Мохаммед. Этому человек было суждено создать новую мировую религию. Взяв за основу христианские и иудейские постулаты и добавив к ним арабские черты своего времени, он назвал новую религию «ислам». Слово «ислам» означает «повиновение», подчинение воле Создателя. Поэтому людей, которые исповедуют ислам, называют «мусульмане», то есть «покорные».

Пока солдаты Восточной Римской империи сражались с персами, Мохаммеду удалось не только обратить арабские племена в свою веру, но и постепенно превратить их в боеспособную, преданную идеалам новой веры армию. Они были готовы сражаться за ислам и, если надо, умереть за свою веру. Эти люди были убеждены, что смерть в бою против неверных поможет им сразу попасть в рай.

В 632 году Мохаммед умер. Арабы, объединенные общей верой, готовы были сражаться за свои идеалы и за пределами Аравийского полуострова. Прошло всего шесть лет после того, как Восточная Римская империя и Персия заключили мир между собой. Ничто больше не напоминало о страшной войне между двумя государствами, которые затянувшийся конфликт окончательно измотал.

Поэтому, когда арабы двинулись на север, они не встретили особого сопротивления. Так им удалось захватить обширные персидские территории, а также Сирию и Египет, принадлежавшие империи.

Гераклий, который с таким трудом отвоевал имперские территории у персов, теперь увидел, как Сирия и Египет почти без боя сдались арабам. И он решил бросить все силы, чтобы отвоевать их вновь. Но история рассудила иначе: и Сирия, и Египет оказались навсегда потерянными не только для империи, но и для всего христианского мира.

Теперь империя отчаянно пыталась удержать Малую Азию. Малая Азия и Балканский полуостров на восемь веков стали оплотом христианства. Эта небольшая территория, оставшаяся от Римской империи, стала называться Византией. До тех пор, пока не пал Константинополь, византийцы считали себя гражданами Римской империи.

С колоссальным трудом, собрав все мужество, византийцы удерживали восточные границы Малой Азии. И при этом не отдавали ни пяди земли своих западных владений.

Германские королевства на Западе тоже будут втянуты в войну, но это произойдет позднее. На долгое время Византия станет единственной преградой на пути арабов в Европу.

Пройдет полстолетия после смерти Мохаммеда, а западная цивилизация все еще будет относиться к арабам как к далекой и едва ли реальной угрозе. В то время как арабы уже хлынули на запад. Теперь, промчавшись по Египту, они напали на Карфаген. Но Карфаген оказался слишком крепким орешком — византийцы отчаянно сражались за него, и до тех пор, пока Карфаген не пал, западному миру ничто не угрожало.

Закат Меровингов

Когда Мохаммед умер, франками правил король Дагоберт I. Полтора столетия минуло с тех пор, как королем франков стал Хлодвиг. За это время Франкское королевство достигло своего расцвета. Казалось, что развитие продолжается. Авары, разбитые имперскими войсками, уже не представляли большой угрозы, как полтора столетия до этого, когда началась великая вражда между Брунгильдой и Фредегондой. Подтверждением их слабости были многочисленные успешные походы Дагоберта в верховья Дуная.

Но благополучие оказалось обманчивым. Королей династии Меровингов поджидали неприятности особого рода — из тех неприятностей, которые невооруженным глазом сразу не заметишь. Королевство стало таким огромным, а дороги были такими плохими, что стало очень сложно, почти невозможно быстро добраться от одного места до другого. Королю становилось все труднее держать в единой власти все королевство.

Выход нашелся такой: король разрешил знатным людям управлять отдельными частями своей державы. Подчиняться они должны были королю. Но на самом деле вышло по-другому: знатные люди, правившие в своих землях, становились все более независимыми.

Отчасти это происходило потому, что король утратил власть над денежными потоками. Сначала Меровинги хотели воспользоваться римской системой контроля за финансами. Для этого им потребовалась бы целая армия образованных и честных чиновников. Но откуда было взяться этой армии, если никто не готовил чиновников для финансовой службы? Поэтому к 600 году стало ясно, что затея с римской системой учета финансов провалилась. Налоги должны были собирать знатные люди, правившие на королевских территориях.

Королевские ставленники, спокойно грабившие своих подданных, прикрываясь именем короля, получили почти неограниченную власть. Теперь этих людей называли «герцоги» и «графы». Изначально титулы давались военным и гражданским людям, представлявшим короля. Теперь они стали синонимом власти и знатности.

Герцоги и графы защищали короля во время войн и распрей, когда шла великая вражда между Брунгильдой и Фредегондой. За это король даровал им большую власть в тех землях, где они жили. Вот почему герцоги и графы становились все более независимыми.

Теперь каждый герцог или граф мог почувствовать себя почти что королем на своих землях. Люди, которыми он правил, прекрасно понимали, что повиноваться одному местному герцогу или графу намного удобнее, чем быть под властью короля, который находится очень далеко. Поэтому страна становилась все более раздробленной.

В Австразии дела шли еще хуже, чем в Нейстрии. В старые времена римлянам так и не удалось до конца захватить Австразию, поэтому люди, жившие там, и представления не имели о том, что такое централизованное государство. То есть государство, которым правит один человек.

И была еще одна причина для того, чтобы поменять систему государственной власти…

В то время как король завяз в бесконечных войнах на границе своего королевства, заниматься внутренними делами его государства было некому. Поэтому он понял, что необходимо срочно найти себе «заместителя», который бы следил за порядком, пока его величество воюет.

Королевский «заместитель» должен был находиться во дворце и управлять всеми делами, пока король воюет. Должность этого человека стала называться «мажордом», буквально «старший во дворце». В английском и испанском языках до сих пор сохранилось слово «мажордом». Хотя теперь так называют только дворецкого.

Изначально мажордом был всего лишь слугой короля, чиновником, который следил за правильным ведением дел, порядком в королевских бумагах.

Постепенно, когда королевская власть стала слабеть, а герцоги и графы становиться все более независимыми, мажордомам приходилось заниматься все большим количеством дел. Так мажордом по своей власти и положению стал сродни современному премьер-министру.

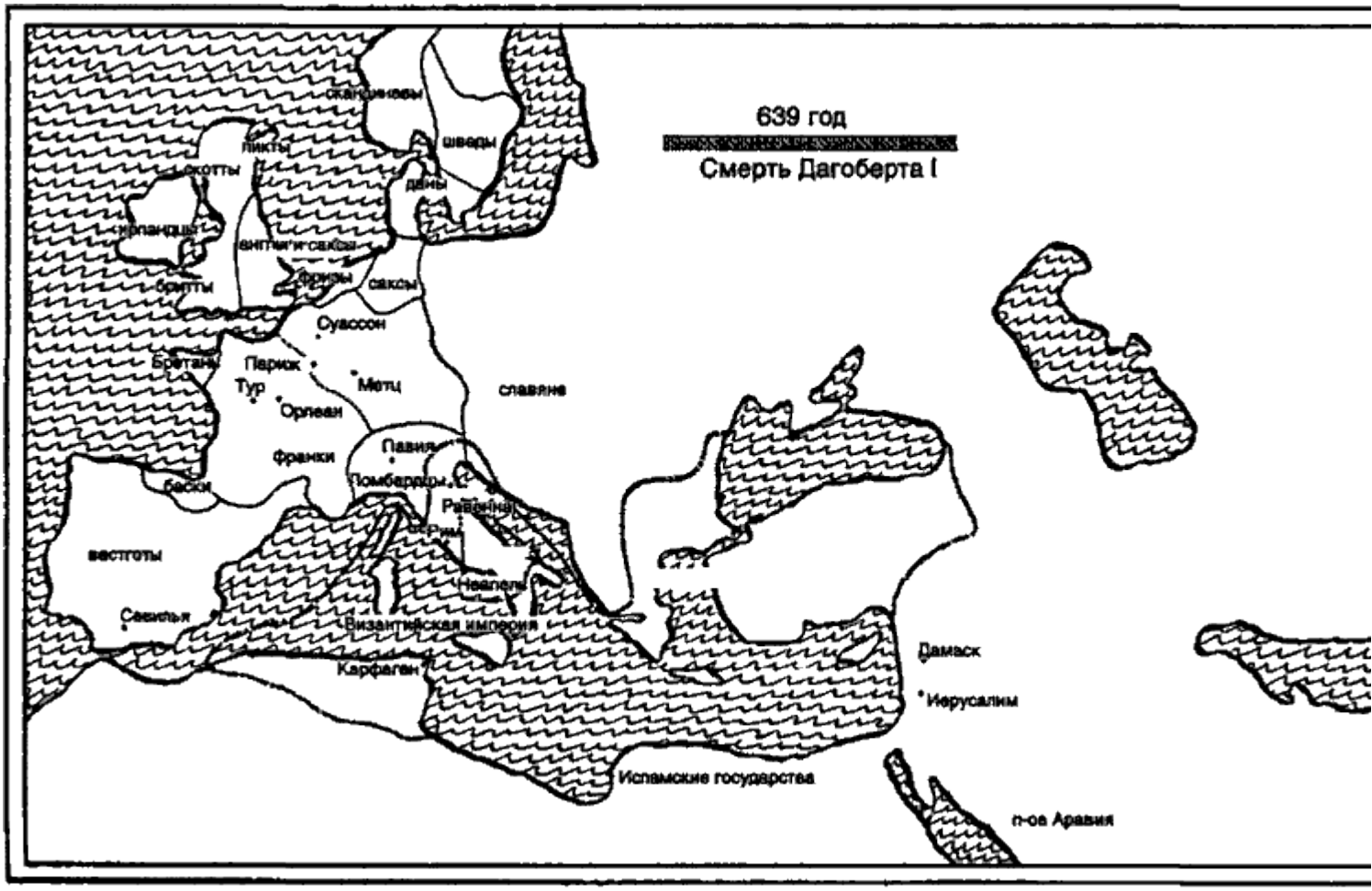
Мажордомы обладали такой властью, что даже самые богатые из землевладельцев — лорды — состязались за право занять эту должность. Стать мажордомом мог только человек их круга. Самый великий и могущественный из лордов.

Первый мажордом появился во время правления короля Хлотаря II, сына Фредегонды. Этот человек был родом из Австразии, и звали его Пипин I Ланденский. Ланден — так называлась земля, откуда он был родом. Ланден находился в ста пятидесяти километрах от Метца, столицы Австразии.

Когда королем стал Дагоберт, ему, несмотря ни на что, удалось сосредоточить всю власть в своих руках. Он был последним из Меровингов, о котором можно сказать, что он был настоящим, полновластным королем. Пипин невзлюбил нового короля. Но Дагоберту в конце концов удалось сместить его с должности и всю жизнь править единолично. Однако, когда в 638 году Дагоберт умер, Пипин на короткий период вернулся к власти. Через два года, в 640 году, он умер.

Со смертью Дагоберта положение дел изменилось. Франкское королевство оказалось поделенным между двумя сыновьями Дагоберта. Один, Сигиберт III, правил Австразией, а другой, Хлодвиг II, — Нейстрией. Оба они были слишком молодыми, чтобы править самостоятельно, поэтому молодые короли полностью зависели от власти мажордомов. Когда оба юноши повзрослели, было уже слишком поздно: всем управляли мажордомы, и им пришлось довольствоваться лишь королевскими титулами, но не властью. Потомки Сигиберта III и Хлодвига II лишь номинально считались королями. На деле всем правили лорды, обладавшие достаточным количеством денег и солдат.

Власть мажордомов стала настолько сильной, что потомки меровингских королей были совершенно беспомощными. Поэтому неудивительно, что в один прекрасный день один из мажордомов задумался: а почему бы ему на самом деле не стать королем?



По обычаю, королями могли становиться только Меровинги, потомки Хлодвига. Часть франков с почти мистической убежденностью верила в то, что править ими сумеет только такой человек — потомок Хлодвига. Именно он может быть законным королем. «Законность» наследника престола обычно является действенным оружием в руках претендентов на трон. Поэтому самозванцу обычно очень трудно доказать законность своих притязаний.

В нашем случае самозванцем оказался некий Гримвальд I, сын Пипина Ланденского. Он не стал мажордомом по причине наследования, потому что тогда этот пост еще не передавался от отца к сыну. Гримвальд I стал мажордомом после долгой борьбы с другими претендентами на это место. Заняв пост, Гримвальд получил прекрасную возможность убедиться в том, насколько его собственная власть и могущество сильнее власти короля — Сигиберта III.

В 656 году Сигиберт умер. Гримвальд объявил, что покойный король назначил своим наследником его сына, которого он и провозгласил королем под именем Хильдеберт III. Однако вскоре Гримвальд понял, что законность престолонаследования отнюдь не пустой звук. Франкская знать с большей или меньшей преданностью была готова повиноваться потомку великого Хлодвига. А вот подчиняться королю, который отнюдь не был знатнее, чем они, им совершенно не хотелось. Поэтому Гримвальда и его сына быстро убили. Законному королю Нейстрии Хлодвигу II на какое-то время опять удалось объединить Нейстрию с Австразией и править обоими государствами.

Однако союзу Австразии и Нейстрии не было суждено просуществовать долго. Слишком велики были различия между двумя государствами. Оба государства настолько различались в культурном плане, что люди, жившие в них, не чувствовали себя единым народом. Поэтому управлять ими могли только разные короли. Если бы обоими государствами задумал править один монарх, ему бы пришлось сильно постараться, чтобы держать оба государства в повиновении. Хлодвиг II сильным монархом не был. Поэтому на троне Австразии быстро воцарился Дагоберт II, сын Сигиберта III. Это произошло с такой скоростью, что никто не обратил внимания на попытку Гримвальда и его сына захватить власть.

В Нейстрии в то время был свой мажордом. Он решил поступить хитрее.

Этого человека звали Эброин. Он занял должность мажордома в 664 году, когда на троне был Хлотарь III, сын Хлодвига II. В Нейстрии еще сильны были прежние традиции, когда страной управлял один человек. Поэтому Эброин решил стать воплощением этой традиции. Он прекрасно понимал, что

единственный способ добиться повиновения — подчинить непокорных лордов, и для этого ему пришлось прикрыться маской законности и действовать от имени Хлотаря III. Однако лорды по понятным причинам относились к Эброину очень враждебно.

Когда в 670 году Хлотарь умер, Эброин почувствовал, что жизнь его держится на волоске. Кто будет мажордомом при новом короле? Эброин попытался обезопасить себя. Он не стал пытаться захватить трон, как Гримвальд, но поступил хитрее. Он самым тщательным образом выбирал наследника престола. В конце концов Эброин выбрал младшего брата последнего короля, с которым ему проще всего было договориться, и объявил его королем Теодериком III. При этом он не стал советоваться ни со знатью, ни с духовенством, чтобы они не могли изменить его решения.

Это переполнило чашу терпения нейстрийских аристократов. В стране вспыхнуло восстание, и на трон взошел другой брат покойного короля, Хильдерик II. Однако в 672 году и он умер, а на троне опять оказался ранее свергнутый Теодерик III. Но Эброина при нем уже не было. Лорды больше не собирались терпеть его у власти.

Эброин оказался очень находчивым человеком. Он бежал в Австразию, где решил посадить на трон другого короля-марионетку из Меровингов — Хлодвига II, сына Теодерика. Теперь, несмотря на яростные протесты лордов, он опять рвался к власти. Более того, когда в 678 году король Австразии Дагоберт II умер, Эброин попытался снова стать мажордомом.

В то же самое время на эту должность претендовал еще один человек, происходивший из семьи уже известного нам Пипина Ланденского. У Пипина была старшая сестра, сыну которой удалось избежать жестокой смерти, настигшей его дядю и двоюродного брата. Сына старшей сестры Пипина звали Пипин II Геристальский. Геристаль — так назывался город, где Пипин родился. Сейчас это место находится в Восточной Бельгии.

Пипин Геристальский представлял интересы лордов, которым совершенно не нравилась централизация власти, к которой стремился Эброин.

Два мажордома затеяли такую яростную войну друг против друга, как будто они были королями. На настоящих королей, Меровингов, они не обращали никакого внимания. Короли нужны были только для того, чтобы соблюсти формальную законность.

В начале войны успех сопутствовал Эброину. Пипин был разбит и вынужден бежать. Главный соратник Пипина Мартин спрятался в церкви, откуда его выманили вполне в духе времени.

Эброин отправил в церковь, где скрывался Мартин, двух епископов, которые должны были убедить Мартина покинуть укрытие. Согласно церковным законам, вывести скрывавшегося силой можно было, только если бы он совершил серьезное святотатство. Поэтому епископы принялись уговаривать Мартина, пообещав, что никто не причинит ему никакого вреда. После этого они даже поклялись на раке, в которой были святые реликвии. Мартин был в полной уверенности, что в раке хранятся мощи святых, поэтому пошел вместе с епископами. На самом деле рака была пустая. Поэтому, когда Мартина привели к Эброину, тот велел его немедленно казнить. Никому и в голову не пришло, что подобная подлость противоречит как церковным, так и людским законам.

Однако Пипин вышел сухим из воды. В 681 году его соперник Эброин был убит по причинам личной вражды. Его смерть уничтожила последние шансы Меровингов стать сильными королями. Постепенно Пипин собрал новую армию и начал войну против нового нейстрийского мажордома. В 687 году Пипин одержал полную победу и стал мажордомом всего Франкского королевства, в то время как Теодерик III и его наследники номинально продолжали оставаться королями.

Меровинги после Дагоберта I были беспомощными людьми, которые предавались развлечениям и пьянству. Они пренебрегали образованием и часто умирали молодыми. Эти длинноволосые люди никогда не покидали дворцов, появляясь на публике лишь изредка, когда надо было сказать или сделать то, что им было велено сделать или сказать.

Эту плеяду королей Меровингов прозвали «ленивыми королями». Но что они могли сделать? Положение «ленивых королей» напоминает ситуацию, в которой в 20-х годах XX века оказался итальянский король Виктор-Эммануил III, когда номинально королем был он, а страной правил диктатор Муссолини.

Последние готы

В то время как королевство франков разваливалось, угроза с юга возрастала. Пускай арабы были далеко, но, завоевывая страну за страной, они обращали покоренные народы в свою веру. Люди принимали ислам быстрее, чем на их землях появлялись арабские армии.

Пока византийские гарнизоны несли потери, воюя в Северной Африке, жители граничащих с Византией стран приняли ислам. Отчасти они сделали это потому, что ненавидели византийцев, которые когда-то завоевали их земли и установили там свой порядок. Арабы же казались им освободителями.

Византийцам пришлось туго. Теперь им приходилось не просто воевать с арабами, а делать это против воли местного населения, которое отнюдь не было на стороне византийцев. Долго так продолжаться не могло, и в 698 году нарыв лопнул. Земли, которые за сто пятьдесят лет до этого Велисарий завоевал для Восточной Римской империи, оказались навсегда потеряны для христианства и для империи. Теперь, кроме самого Константинополя, все, что осталось от могучей империи Юстиниана, — это земли в Италии.

Арабы, подобно волне, сметающей все на своем пути, промчались по Северной Африке и докатились до южных берегов Средиземного моря, превратив завоеванные земли в мусульманские страны, какими они являются и поныне.

Наверное, эта потеря кажется невосполнимой, если считать Северную Африку навсегда потерянной для европейской цивилизации. В Древнем мире Средиземное море было пересечением всех культурных и торговых связей, потому что по морю было гораздо проще перемещаться, чем по суше. Во времена Римской империи все страны, расположенные на берегах Средиземного моря, объединяла одна культура и общий язык — латынь.

Североафриканские провинции, Карфаген были такими же римскими, как, например, Галлия, расположенная в Европе.

Жители Северной Африки исповедовали христианство, в этих землях жили известные писатели раннехристианского периода: Тертуллиан и святой Августин. В христианской церкви святой Августин является одним из самых известных теологов после апостола Павла.

Теперь Северная Африка была потеряна для христианства. Отныне Средиземное море не объединяло культуры, а превратилось в поле противоречий двух великих цивилизаций, христианской и мусульманской, которые стали ярыми врагами. Торговля постепенно ухудшалась, и приморские города приходили в упадок.

Но самое страшное было еще впереди.

Мусульмане, одерживающие победу за победой, так и не встретили на своем пути серьезного сопротивления. Поэтому они не собирались останавливаться. Средиземноморские территории, принадлежавшие христианам, сократились теперь до небольшой полоски земли в Северной Африке. За этой полоской земли начинался узкий пролив, который сейчас называется Гибралтар, а за ним Испания, принадлежавшая вестготам, и собственно Европа. Испания была очень лакомым кусочком для завоевателей, тем более что внутри страны царил хаос.

За некоторое время до описываемых событий Вамба, последний сильный король вестготов, попытался создать морской флот. Это происходило как раз тогда, когда византийцы сдерживали натиск арабов у Карфагена. Наследники Вамбы не разделяли его взглядов. Поэтому идея с морским флотом оказалась забытой, а побережье незащищенным.

В 709 году король вестготов Витица умер. Могучая арабская армия стояла вблизи, едва ли не на другом берегу Гибралтара, в то время как знать в Испании начала свою обычную возню за королевский трон. Так или иначе — хроники того времени порой сильно расходятся друг с другом, — но человек по имени Родерик взошел на трон и был официально коронован.

Сыновья Витицы, которые рассчитывали стать законными наследниками, остались в стороне. Они были в ярости. Поэтому они собрали вокруг себя преданных людей и начали войну за трон.

А пока они были поглощены жаждой мести и власти, никому и в голову не приходило оказать здесь помощь испанцам, оборонявшим последний клочок христианской земли по другую сторону Гибралтара.

Вот что говорится в более поздних испанских хрониках об этом драматическом моменте. Родерик был влюблен в женщину по имени Флоринда. Флоринда была дочерью графа Хулиана. Граф Хулиан являлся правителем испанской Сеуты, главного города на том клочке земли в Северной Африке, который был со всех сторон окружен арабской армией. Флоринда отвергла ухаживания Родерика, и тогда он взял ее силой. Разгневанный поступком Родерика Хулиан сам открыл арабам проход к Гибралтару и вместе с ними отправился на Испанию.

На первый взгляд весьма нелепая история. Ни в каких хрониках, кроме тех, которые были написаны через четыре столетия после того, как все случилось, о Родерике и Флоринде ничего не упоминается. Нет никаких упоминаний и о том, что Сеута была испанской и принадлежала вестготам. Скорее всего, до пришествия мусульман Сеута принадлежала византийцам.

Вполне можно предположить, что граф Хулиан был византийским правителем Сеуты, который, поняв, что арабов не остановить, смирился с неизбежным и присоединился к завоевателям. Вполне вероятно также, что в Испанию арабы попали не из-за предательства Хулиана, а благодаря вестготским дворянам, настроенным против Родерика.

Как бы то ни было, враг вторгся в южные владения Испании. Но среди завоевателей были не только арабы. Исламская империя того времени простиралась на восемь тысяч километров на восток и на запад, и одним арабам было не под силу управлять такой территорией. В Северной Африке жили берберы, они и составляли основу арабской армии. Та часть Северной Африки, которая была ближе всего к Испании, еще в римские времена называлась Мавританией. Поэтому живших там людей называли маврами.

Войсками мавров в Северной Африке командовал человек по имени Муса ибн Нузаир. Муса ибн Нузаир очень внимательно отнесся к нападению на Испанию. Сначала он, взяв небольшое количество солдат, отправился в Испанию на разведку. Когда он увидел, что Испания действительно не представляет никакой опасности, он отправил туда войско из семи тысяч мавров, которыми командовал Тарик ибн Зайид. Войска высадились на самом юге Испании, возле большой скалы.

Место высадки мавры назвали Гебель-аль-Тарик, что переводится как «скала Тарика». Позднее это длинное название уменьшилось до привычного нам — «Гибралтар», а пролив между Испанией и Северной Африкой стали называть Гибралтарским.

19 июля 711 года недалеко от Кадиса армия мавров, увеличившаяся до двенадцати тысяч, встретилась с намного более многочисленной армией вестготов. Казалось бы, вестготы должны победить. Но раздоры среди вестготских правителей стали причиной предательства. В решающий момент битвы часть вестготской армии покинула поле боя. Командовавшие ими люди решили, что, если мавры победят Родерика, один из них станет королем. Их предательство оказалось роковым не только для Родерика, но и для всей армии в целом. Мавры наголову разбили вестготов.

Родерика последний раз видели в самой гуще битвы. Скорее всего, он утонул, пытаясь переправиться через речку возле поля боя. Так вестготы, как и остготы до них, исчезли. Родерик остался в истории под именем «последнего гота».

Около 260 года готы достигли Черного моря и начали теснить римлян, чтобы основать свое королевство. В 711 году Вестготское королевство прекратило свое существование. За почти четыре с половиной столетия существования готские королевства прошли через череду войн и дворцовых интриг, оставив память о великом короле остготов Теодорихе.

Испания быстро пала под ударами мавров Тарика. Скорая победа мавров совершенно деморализовала вестготов. Испанские крестьяне были абсолютно беспомощны перед завоевателями. Хуже того, маврам помогали евреи, которым нечего было терять, потому что вот уже более столетия они подвергались жесточайшим гонениям со стороны христиан.

Муса, командир Тарика, довершил дело, начатое его подчиненным. Со своими солдатами он завоевал все земли вокруг Гибралтара. Мусе вовсе не хотелось, чтобы лавры победителя достались одному Тарику. К 714 году оба военачальника, Муса и Тарик, завершили завоевание земель, когда-то принадлежавших Вестготскому королевству. И только север страны — горы, в которых жили баски, — оказался незахваченным.

На севере страны, в горах, укрылись свободные люди, которым было суждено основать маленькое христианское королевство и еще семь веков воевать против мавров за освобождение своей земли.

Но этому только суждено было случиться. А пока христианская Испания исчезла с исторической сцены средневекового Запада.

Карл Мартелл

В то время как мавры завоевывали Испанию, а франкам предстояло лицом к лицу встретиться с грозным противником, мажордом Пипин Геристальский лежал при смерти. Этот человек был сильным мажордомом, и его смерть сама по себе могла стать большой потерей для франков. Хуже того, после Пипина не осталось наследника. Поэтому за его спиной, несмотря на приближение мавров, уже началась беспощадная борьба за место мажордома.

Сам Пипин прочил себе в наследники собственного сына Гримвальда II. Однако существовал испытанный и проверенный веками способ лишить законного наследника возможности стать мажордомом. Отнюдь не всем знатным влиятельным людям, или, как их еще называли, нобилям, нравился Пипин. Поэтому, когда стало ясно, что Пипин умирает, нобили, пользуясь безнаказанностью, подослали к Гримвальду наемных убийц.

Несмотря на это, Пипин нечеловеческим усилием воли отсрочил собственную смерть на некоторое время. Он успел сразиться со своими обидчиками и разбить их наголову, после чего умер в декабре 714 года.

Тем не менее, самое плохое, что могло случиться, уже случилось. После смерти Пипина во Франкском королевстве началась междоусобица. За ней с большим интересом наблюдали расположившиеся на Пиренеях мавры.

Сыновья Пипина были мертвы. Их мать, вдова Пипина, пыталась управлять страной от имени своих внуков, детей убитого Гримвальда. Нейстрийцев такое положение не устраивало: им не нравилось, что при помощи малолетних детей ими правила женщина, к тому же эта женщина была родом из Австразии. Поэтому нейстрийцы подняли восстание. Надо сказать, что во время всех этих событий имел место еще и законный король, Дагоберт III, который номинально правил Австразией и Нейстрией. Но это никого не смущало.

Имел значение и еще один человек, о котором пойдет наш рассказ.

У Пипина был внебрачный сын, которому к моменту смерти отца исполнилось двадцать шесть лет. Молодого человека звали Карл, и о его имени можно рассказать интересную историю. Имя Карл происходит от старого тевтонского слова, которым обозначали низший класс свободных людей, а позднее даже рабов. Английское слово «churl» («простолюдин») происходит от тех же корней.

Применительно к сыну Пипина можно сказать, что, скорее всего, его имя сначала было шутливым прозвищем, указывавшим на незаконное происхождение. Как бы то ни было, а Карлу суждено было покрыть себя такой славой, что его имя, изначально имевшее не самое благородное значение, стало очень популярным в королевских семьях Европы. Славы удостоились также внук и тезка Карла. Карлами называли королей Австрии, Великобритании, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Испании и Швеции. Но факт остается фактом: первым Карлом был сын Пипина Геристальского. Латинская транскрипция этого имени звучит как «каролус»[19], поэтому потомков Карла стали называть Каролингами.

Поскольку человеку, о котором мы рассказываем, было суждено совершить немало славных военных деяний, к его имени Карл добавилось еще одно — Мартелл, то есть «молот». Поэтому дальше мы так и будем его называть — Карл Мартелл.

Как только Пипин Геристальский умер, его вдова немедленно заточила молодого Карла Мартелла в тюрьму. Она прекрасно понимала, что он представляет собой немалую опасность для ее внуков. Однако ее владычеству пришел конец, когда нейстрийцы разбили ее войска в битве. В это время Карлу Мартеллу удалось бежать. Он взял на себя руководство отчаявшимися австразийскими солдатами и нанес нейстрийцам два серьезных поражения. После этого он заставил законную вдову своего отца признать его владыкой Австразии. Затем Карл Мартелл вновь выступил против Нейстрии и опять победил.

Более десяти лет Карл Мартелл провел в боях, объединяя Франкское королевство под своим владычеством так, как это было при его отце. А в это время в соседней Испании мавры наращивали силы.

К югу от Нейстрии, между рекой Луарой и Пиренеями, располагалась страна, которая называлась Аквитания.

Когда-то Аквитания входила в состав Тулузского королевства, первого германского королевства, основанного на бывших римских территориях.

За два столетия до описываемых нами событий Хлодвиг I отвоевал Аквитанию у вестготского короля Алариха II. Это было последним великим завоеванием Хлодвига, но Аквитания так и не стала по-настоящему франкской территорией. Она оставалась почти независимой. Аквитанией правили аквитанские герцоги, а культура этой страны была очень близка к римской. Во всяком случае, Аквитания была намного более цивилизованной страной, чем соседняя, франкская Нейстрия. Австразию мы в расчет не берем.

Когда мавры завоевали Испанию, Аквитанией правил герцог по имени Юд. Когда Пипин Геристальский умер, после чего между Австразией и Нейстрией началась война, Юд решил использовать эту ситуацию для того, чтобы сделать Аквитанию независимой. Наверное, это могло получиться, если бы под боком у Юда не было такого грозного противника, как мавры.

Поэтому Юд изменил решение на противоположное и заключил союз с сильным и готовым к обороне Карлом Мартеллом, чем обезопасил себя от набегов мавров. В 721 году ему удалось разбить армию мавров на подступах к своей столице, Тулузе. Таким образом он выиграл несколько лет мира. На этом Юд не остановился: он решил укрепить мир, посеяв раздор среди арабских военачальников. Говорят, что один из арабских командиров, Отоман, влюбился в дочку Юда и женился на ней, несмотря на протесты со стороны Абд ер-Рахмана, своего непосредственного начальника. Хотя в старых хрониках порой и не разберешь, где правда, а где вымысел.

В какой-то момент Абд ер-Рахман понял, что по горло сыт интригами Юда, и решил действовать жестко. В 732 году мавры отправились в поход на Аквитанию. Юд понял, что не справится с ними, и был вынужден обратиться за помощью к Карлу Мартеллу.

Мартелл был не настолько слеп, чтобы не видеть возникшей угрозы. Поэтому он расположил свои войска на реке Луаре, недалеко от города Тура, у северных границ герцогства Аквитанского. Чтобы воевать с маврами, которые славились великолепной легкой конницей, молниеносно перемещавшейся на быстроногих арабских скакунах, Карл Мартелл решил обзавестись собственной кавалерией.

Учитывая франкскую манеру сражаться, это должна была быть тяжелая кавалерия. Так на полях Европы появилась новая военная сила, говоря о которой мы будем вспоминать о рыцарях, подвигах и турнирах[20].

Чтобы подготовить и вооружить тяжелую конницу, Карлу требовались деньги. Ему не оставалось ничего другого, как взять их у церкви. Веками церковь умножала свои земельные богатства и теперь владела почти третью земель королевства. Часть земель принадлежала епископам, воевавшим в войне с Карлом на стороне Нейстрии. Карл рассудил, что может забрать земли себе, объяснив это тем, что воевавшие против него епископы утратили права на свои владения.

Карл пожаловал своим солдатам достаточно земли для того, чтобы у них хватило средств на хорошее оружие и коней. Поскольку причина была уважительная — борьба с маврами, церкви ничего не оставалось, как согласиться. Да и вряд ли кто-то отважился бы спорить с самим Карлом Мартеллом. Однако в более позднее время церковные хронисты писали, что за грехи — грабеж церкви — черти утащили Карла Мартелла прямо в ад.

Решающим для судьбы тяжелой кавалерии стал 732 год. В этот год кавалерия по призыву Юда пересекла Луару и продвинулась на сто километров, остановившись у местечка Пуатье. Сейчас мы не можем определить точное место, где произошло знаменательное сражение, поэтому его называют битвой при Туре или, чаще, битвой при Пуатье.

Конница мавров раз за разом пыталась пробить защиту франков, но тяжелая кавалерия Мартелла стояла насмерть.

Мавры несли большие потери. С каждой атакой их становилось все меньше. Когда на поле боя опустилась ночь, маврским военачальникам предстояло решить, стоит ли им на следующий день продолжать сражение с такой грозной силой, как франкские конники. Мавры предпочли остаться в живых, чем геройски погибнуть, поэтому, когда наступил рассвет, франки увидели, что враг исчез. Мавры отступили ночью, и Карл Мартелл понял, что его тяжелая кавалерия одержала первую великую победу.

Некоторые историки любят говорить, что битва при Пуатье явилась поворотным моментом истории, потому что тогда удалось остановить наступление мавров в Европу. И это произошло ровно через сто лет после смерти Мохаммеда. Если бы франки проиграли, настаивают историки, вся Европа была бы мусульманской.

Однако справедливость этих утверждений сомнительна. Вряд ли мавры были столь опасны. У них хватало проблем в Испании, которая вовсе не собиралась покоряться. Испанские партизаны постоянно досаждали завоевателям, да и сами захватчики не ладили между собой. Поэтому мавры, которых разгромил Мартелл при Пуатье, не были такой грозной силой, какими их рисовали. Скорее всего, это был обычный конный отряд. Если бы Мартелл и проиграл сражение, вряд ли Европа безропотно покорилась маврам. Гигантская империя арабов уже трещала по швам.

На самом деле если и была сила, которая сдерживала мавров, то это была Византия. В 717–718 годах, когда арабы только завоевывали Испанию, Константинополь выдержал долгую осаду мавров. Византийцы организовали отчаянное сопротивление врагу. Разгром арабов в самом сердце христианского мира был намного важнее, чем небольшая потасовка на диких окраинах Франкского королевства.

Историки частенько преувеличивают. Впрочем, современная западная культура ведет начало от Античности и европейского Средневековья, а не византийских традиций.

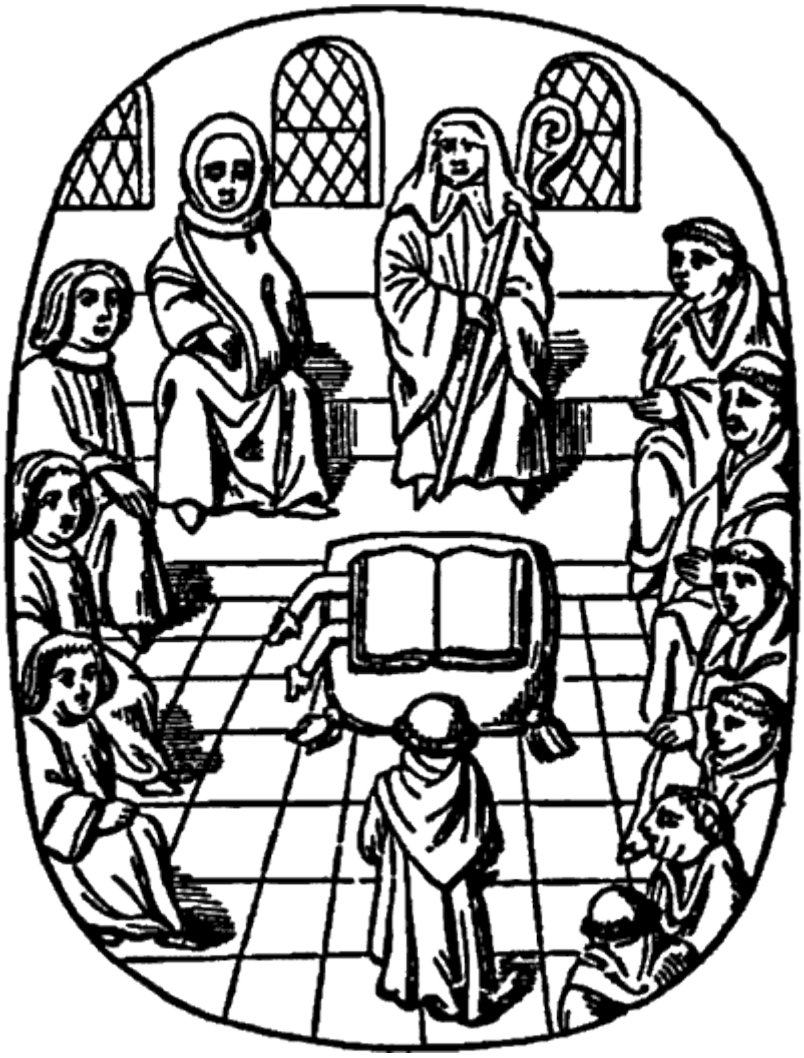
Поэтому с точки зрения европейца битва при Пуатье выглядит более впечатляющей, чем осада Константинополя.

Как бы то ни было, но значение битвы при Пуатье в другом: победа неимоверно подняла престиж Карла Мартелла и помогла ему объединить Франкское королевство.

Несмотря на это, Карл не пытался превышать границ своей власти — он был и оставался мажордомом, в то время как на троне один король династии Меровингов сменял другого. После Дагоберта III, царствовавшего в то время, когда великий мажордом только начинал свою карьеру, на трон взошел его двоюродный брат, Хильперик II, а потом его сын — Теодерик IV. В 737 году Теодерик умирает. Трон освободился. И Карл Мартелл позволил ему остаться незанятым. Примечательно, что никто не заметил того, что трон свободен. Настолько Меровинги были далеки от реальной власти.

Но даже тогда, когда королевский трон опустел, Карл Мартелл не предпринял попытки занять его. Также он не пытался посадить на трон своего сына. Законность короля по-прежнему была очень важна для франков. Кроме того, Мартелл никогда не забывал, что случилось с братом его бабушки, Гримвальдом.

Глава 6
От мажордомов до королей



Кризис в Риме

После смерти папы Григория Великого, в 604 году, вокруг папского престола разгорелась борьба. За папский трон боролись две силы, которые, строго говоря, к церкви никакого отношения не имели. Одной силой был имперский экзарх в Равенне, а другой — ломбардские герцоги, самым влиятельным из которых считался герцог Павии.

И имперский экзарх, и ломбардские герцоги были очень опасны, поскольку имели собственные армии. Им ничего не стоило, при определенных условиях, захватить власть в Риме и посадить на трон своего папу, который бы послушно исполнял волю победителя. Тем не менее, на короткое время войны удалось избежать: между ломбардскими герцогами начались распри, а Византия оказалась втянута в долгую, затяжную войну с персами, а потом с арабами.

Опасность, с которой столкнулась Византия, пришла не на наконечниках копий, а появилась в представлениях людей. Когда Гераклий был императором, он никак не мог понять, что персы завоевали Сирию и Египет так быстро потому, что сирийцам и египтянам намного ближе были верования персов, чем христианская теология Константинополя.

Каким же горьким оказалось известие о том, что Сирия и Египет приветствовали персов как освободителей!

Гераклий решил найти компромисс между константинопольским ортодоксальным христианством и ересями в Египте и Сирии. Этот компромисс получил название «монофелитство»[21] и обернулся катастрофой для империи. Египтяне и сирийцы не приняли ересь монофелитов и сдались маврам-мусульманам с той же легкостью, как до того персам. В самом Константинополе монофелитство разгневало ортодоксальных христиан. Оно повергло в ужас и папу.

Религиозные распри достигли апогея вскоре после 649 года, когда папой стал Мартин I. Мартин I сразу после избрания созвал церковный собор, на котором обличил ересь монофелитов и призвал западную церковь объединиться против общего врага — Византии, откуда пришло монофелитство. Но Византия, со всех сторон окруженная наступавшими арабами, все еще сохраняла сильные позиции в Италии. Поэтому в 653 году экзарх арестовал Мартина. Его отправили в Константинополь, где Мартина пытали, угрожали смертью и в конце концов сослали в Крым, который в Византии считался таким же местом ссылки, как Сибирь в старой России. Там Мартин и скончался в 655 году.

Но Константинополь все равно оказался в проигрыше. Навсегда потеряв Сирию и Египет, нечего было и пытаться усмирить еретиков. Безопасность Константинополя сильно пошатнулась. Сначала арабы осадили в 717–718 годах столицу. После того как осада была снята и врага прогнали, стало ясно, что затишье будет недолгим: арабы вернутся с новыми силами. Теперь империи было не до гордости — Константинополь согласился бы искать союзника где угодно.

Поэтому Константинопольский собор 680 года постановил полностью отказаться от монофелитства. В 692 году константинопольский патриарх даже возжелал сделаться равным папе.

Но у папы были в это время другие неприятности: не успели закончиться теологические разногласия, как шаткое спокойствие нарушила иная опасность, совершенно не имевшая отношения к церковным делам. В 712 году на ломбардский трон в Павии взошел новый, решительно настроенный монарх, Лютпранд. Первым делом он захотел подчинить себе своевольную ломбардскую аристократию. Опасность заключалась в том, что, если бы Лютпранду это удалось, папа оказался бы полностью беззащитным перед ним.

Думается, что Лютпранд, энергичный король, в 712 году и в течение нескольких лет после этого был полностью занят делами Ломбардии. Потому что каждый, кто был в состоянии взглянуть на Европу в целом, увидел бы, как с двух сторон одновременно ей грозила страшная опасность. На западе мавры захватили почти всю Испанию и совершали набеги за Пиренеи. На востоке арабы постепенно проникали в Малую Азию, а война против Византии была в самом разгаре.

Разве не должно было это время стать для Европы и Византии переломным, когда следует забыть все распри и объединиться, чтобы противостоять врагам?

Но Европа в 712 году была не готова к этому. Слишком велика была раздробленность: дороги полностью разрушены, передвижение затруднено, разобщенность столь значительна, что отголоски жестокой войны в Пиренеях даже не доходили до Альп, возвышавшихся всего в ста пятидесяти с лишним километрах.

И если Европе удалось было выжить и сохраниться, то это было заслугой армий, действовавших независимо друг от друга, без единого руководства. К счастью, этого оказалось достаточно.

В 717 году на трон Византийской империи, с моря и сущи окруженной врагами, взошел новый император — энергичный и решительный Лев III. Он организовал защиту Византии и перешел в решительное наступление. При Льве III был изобретен «греческий огонь» — зажигательные бомбы, предположительно сделанные из нефтепродуктов, которые при соприкосновении с водой воспламенялись. При помощи зажигательных бомб византийцам удалось поджечь флот арабов. Уцелевшие корабли предпочли убраться восвояси.

Победив арабов на море, византийцы расчистили дорогу кораблям, которые привезли продовольствие и оружие.

Стало ясно, что теперь Константинополь продержится намного дольше. Началось и увенчалось успехом контрнаступление на арабов в Малой Азии. В 718 году византийцам удалось наголову разгромить арабов, и оставшимся в живых врагам пришлось позорно удирать.

Это была та самая победа, которая остановила первое нашествие арабов. Именно она явилась переломным моментом в истории, а не победа Карла Мартелла, которую он пятнадцать лет спустя одержал над небольшим отрядом мавров при Пуатье.

Из Рима тоже наблюдали за успехами византийцев. Для папы византийцы могли стать подспорьем в борьбе с набиравшими силу ломбардцами. Поэтому вполне допустимо предположение, что папа склонялся к союзу с экзархом, чтобы объединиться против Лютпранда.

К сожалению, этого не случилось. Одержав победы над маврами, византийцы почувствовали себя уверенно не только в делах военных, но и в делах церковных. А поскольку религиозные расхождения между ними и Римом уже были достаточно сильными, стремление византийцев примириться с папой, возникшее в трудную минуту, исчезло. Лев III даже сделался церковным реформатором. На его взгляд, христианская церковь изобиловала большим количеством суеверий. В особенности много поклонялись статуям и иконам.

Официальное мнение восточной церкви гласило, что изображения святых и Бога, то есть иконы, помогают верующим людям сосредоточиться на мыслях и молитве, обращенной к тем, кто изображен на

этих иконах. Лев и его сторонники придерживались другого мнения. Они считали, что люди молятся не святым, а поклоняются иконам и статуям, как древним языческим идолам. Поэтому христианство находится в опасности.

Поэтому Лев III велел уничтожать иконы и статуи. Так начался в церковной истории период, именуемый «иконоборчеством». Иконоборчество, возглавляемое Львом и его последователями, продолжалось около пятидесяти лет. И все это время западная церковь во главе с папой противостояла иконоборчеству.

Гнев Рима против византийцев был настолько силен, что папа Григорий II предпочел заключить союз с Лютпрандом. Ломбардские копья оказались ближе, чем имперские ереси.

Лютпранду союз с папой тоже пришелся на руку. В тот самый момент, когда дело шло к перемирию, на место экзарха готовился взойти его злейший враг.

Теперь, когда имперская власть ослабла, можно было примириться и с папой. Поэтому Лютпранд, недолго думая, атаковал имперские войска и принялся шаг за шагом изгонять их с их же земель. В 728 году ему на какое-то время даже удалось захватить Равенну.

И тут папа Григорий II задумался. Он очень хорошо понимал, что, если Лютпранд прогонит византийцев из Италии, папа будет совершенно беззащитен перед ломбардцами. И помощи ждать будет неоткуда и не от кого.

Сначала Григорий подумал о франках. Те были хоть и далеко, но зато настоящие католики. В свое время папа Григорий Великий уже писал письмо королю Меровингов, но нынешний папа прекрасно понимал, что писать письмо королю — это все равно что кидать камни в воду.

Поэтому Григорий II написал письмо мажордому, Карлу Мартеллу, прося его о помощи. Однако Карл Мартелл прислал вежливый отказ. У него, дескать, своих дел по горло, дома надо подчинять непокорных нобилей, скоро будет битва при Пуатье — надо подготовить кавалерию. Более поздние хронисты писали об отказе помочь папе как еще об одной причине, по которой черти утащили душу Мартелла в ад.

В 731 году Григорий II умирает, и на папский престол восходит следующий папа — Григорий III. Новый папа — еще более ярый противник иконоборчества, чем его предшественник. Григорий III отлучает императора Льва III от церкви. Отлучение от церкви, однако, не уменьшило опасности, которую представляли собой ломбардцы. Поэтому в 739 году папа вновь обращается к Карлу Мартеллу за помощью.

Теперь положение дел кардинально изменилось. Карл Мартелл уже выиграл свою знаменитую битву при Пуатье, и его престиж как военачальника возрос до небес. Поэтому он мог позволить себе рискнуть. Кроме того, это сулило немалые выгоды. С тех пор как Лев III был отлучен от церкви, папа, по его собственному мнению, получил чуть ли не императорскую власть и, соответственно, мог даровать имперские титулы. Поэтому он предложил Мартеллу титул римского консула в обмен на военную помощь против ломбардцев.

Если бы Карл Мартелл был более молодым человеком, он, возможно, и заглотил бы эту наживку. Но Мартеллу было уже пятьдесят. Он был битый старый лис.

Поэтому мажордом ударился в раздумья. Он колебался, размышлял, взвешивал «за» и «против», а в это время послы продолжали сновать туда сюда между Римом и Франкским королевством. И пока продолжались эти колебания, на исторической сцене вновь произошла смена декораций. В 740 году умирает император Лев III, в 741 году за ним последовали Карл Мартелл и Григорий III.

Однако на этом противостояние между Римом и Константинополем не закончилось. На византийский трон взошел сын Льва, Константин V. Он был еще более неистовым иконоборцем, чем его отец. Новый папа, Захарий, со своей стороны выступил таким же ярым противником иконоборчества, как его предшественник.

На самом деле избрание Захария было важным этапом в развитии папства. После того как императора Льва III отлучили от церкви, Захарий не видел необходимости, да и не нуждался в императорском одобрении в отношении своей кандидатуры. Он водрузил на себя папскую тиару, не обращаясь в Равенну. С тех пор папы избирались без оглядки на мнение императора.

Лютпранд ненадолго пережил своих соперников и умер в 744 году. Но с его смертью угроза со стороны Ломбардии никуда не исчезла. Поэтому проблема отношений папы и Ломбардии осталась. А в это время на исторической сцене появился новый франкский мажордом, которому предстояло эту проблему решить. Правда, не бескорыстно, а за награду.

Награда Пипина

У Карла Мартелла было два сына, между которыми он разделил Франкское королевство. И сделал это так, будто бы его дети были наследными принцами. Это впечатление усиливалось еще больше оттого, что трон Меровингов пустовал уже четыре года.

Старший сын Мартелла, Карломан, был мажордомом Австразии, младший, Пипин, — Нейстрии. Чтобы не спутать этого Пипина с другими, например Пипином Ланденским или Пипином Геристальским, хронисты назвали его Пипином III Коротким, скорее всего, за его невысокий рост.

Однако невысокий рост не мешал Пипину Короткому быть исключительно деятельным человеком. Пипину Короткому удалось с большой пользой устроить междоусобную войну, в которой он весьма преуспел. Не меньше он преуспел в психологической войне.

Карл Мартелл в течение всего правления был застрахован от любых посягательств на свою власть со стороны Меровингов. Его сыновьям пришлось начинать все сначала.

В 742 году братья нашли молодого принца из династии Меровингов. Этот человек был сыном короля, правившего лет за двадцать до описываемых событий. Сыновья Мартелла короновали принца под именем Хильдерик III. Теперь все свои указы они издавали от его имени. Таким образом, пресловутая законность престолонаследия была опять соблюдена. Политические соперники братьев не могли упрекнуть их в самозванстве, отчего их позиции сильно ослабли бы.

Справедливости ради необходимо сказать, что законный король известен в истории под именем Хильдерик Глупый. Вполне возможно, что это прозвище как нельзя лучше говорит о его способностях, хотя его способности никакого значения для управления государством не имели. Законность престолонаследия была лишь удобным прикрытием для мажордомов. Личность короля никого не интересовала.

Получив в лице законного короля большое преимущество, братья в конце концов одержали верх над своими противниками. После этого, в 747 году, старший брат, Карломан, удаляется в монастырь. Карломан слыл очень набожным человеком, и его поступок, видимо, продиктован искренним желанием отдаться служению Богу. Пипин был более удачлив в политических делах, к которым имел немалые таланты. Эти таланты он с успехом применил, воспользовавшись уходом своего брата из светской жизни. Теперь Пипин управлял всем Франкским королевством. В конце концов он почувствовал, что совершенно не нуждается в короле-марионетке из династии Меровингов. Деятельному и решительному мажордому было совершенно не по нраву, что на троне восседала витающая в облаках бездарность, при которой он играл роль первого придворного.

Что делать? Карл Мартелл решил этот вопрос просто: на троне сидел король, который ничего не делал, а когда тот умер, мажордом и не подумал озаботиться тем, чтобы посадить на трон наследника. В случае с Пипином дело осложнялось тем, что король здравствовал и умирать не собирался. Его, конечно, можно было убить или свергнуть, но Пипин, как тонкий политик, понимал, что такой шаг чреват новой междоусобицей.

Поэтому ему требовался иной способ решения возникшей проблемы. В конце концов он понял, что любой закон или правило можно отменить, если оно входит в противоречие с Божьей волей. Кто же может провозгласить Божью волю? В западном христианстве существует только один человек, который способен говорить от имени Бога. И этот человек — папа. Поэтому Пипин обратил свой взор по другую сторону Альп, в Италию. Естественно, сотрудничество с папой сулило ему немалые перспективы. Кроме того, во времена правления его отца папа дважды униженно просил о помощи. Помощь конечно же не оказывалась безвозмездно.

А в это время в Италии все складывалось на руку Пипину. После смерти Лютпранда, в 744 году, давление ломбардцев на папу ослабло. Ломбардцам было не до папы — они боролись за королевский трон. Однако в 749 году борьба закончилась, и на трон взошел Айстульф, который происходил из иного рода, чем Лютпранд. Айстульф начал с того, что вновь повел агрессивную политику по отношению к своим соседям. Было ясно, что долго папе не продержаться.

Сначала Айстульф напал на имперские войска в Италии, и все вернулось на круги своя. В 751 году Айстульф изгнал экзарха и осадил Равенну, сделав то же, что и Лютпранд лет за двадцать до него. На этот раз Равеннскому экзархату действительно пришел конец. Византия ослабла и более не могла владеть землями в Италии.

Три с половиной столетия Равенна была столицей. Она стала столицей Западной Римской империи еще в те времена, когда Аларих во главе вестготов маршировал по направлению к Риму. Здесь царствовали Одоакр и Теодорих Великий. Когда Юстиниан отвоевал Италию, в Равенне правил Нарсес. А после него целая череда экзархов. Теперь слава Равенны окончилась навсегда. Государство, продолжавшее именовать себя Римской империей, более не владело землями в Центральной Италии.

Но не все завоевания Велисария были потеряны. У самого носка итальянского «сапога», на юге страны, оставался остров Сицилия. И этот остров принадлежал Византии. Города Венеция и Неаполь считали выгодным подчиняться империи. Тем не менее, остальная часть итальянского «сапога» принадлежала ломбардцам.

Захарий наблюдал за успехами Айстульфа с мрачными предчувствиями. Он вновь начал задумываться о франках как о союзниках. Впрочем, у него не было другого выбора.

Пипин думал о папе и Божьей воле, папа думал о спасении и военной помощи, и все, что им было нужно, — это найти способ связаться друг с другом. И этот способ быстро нашелся. Карломан, старший брат Пипина и бывший король, жил в монастыре бенедиктинцев, в Монте-Кассино. Он оказался великолепным посредником между папой и своим братом. Папа принял Карломана, и они обо всем договорились.

И папа, и Пипин были нужны друг другу как воздух. Хильдерик III Глупый, последний король из династии Меровингов, мог перестать быть законным королем, если бы папа сказал, что он более не является им. Ломбардцы перестали бы угрожать папе, если бы с тыла по ним ударили превосходящие силы франков. В этом прекрасном плане одно звено цепи было неразрывно связано с другим. Поэтому королевский посланник быстро договорился с Захарием. Теперь дело было за малым: осуществить задуманное официальным путем.

Поэтому в 751 году, когда Айстульф осаждал Равенну, из Суассона в Рим отправилось официальное посольство. Королевские послы собирались задать папе всего два вопроса: справедливо ли, что человек, у которого нет никакой власти, зовется королем? можно ли передать этот титул тому, кто действительно управляет государством?

Папа ответил, соблюдая все подобающие церемонии, что по праву королевский титул должен носить человек, который имеет королевскую власть.

Послы вернулись и передали ответ папы Пипину. После этого Хильдерик III Глупый, потомок Хлодвига в девятнадцатом поколении, был лишен трона. Его длинные волосы — отличительная черта всех королей Меровингов — остригли, а самого бывшего короля сослали в монастырь, где он в конце концов и умер. Его смерть прошла незамеченной. Никто не оплакивал бывшего короля. Так закончилось правление Меровингов, продолжавшееся двести семьдесят лет, с тех пор как на трон взошел первый из них — Хлодвиг. Правление этой династией начинал решительный и жестокий человек, а окончил ни к чему не способный лентяй, прозванный Глупым.

В январе 752 года франкские нобили собрались в Суассоне, чтобы выбрать королем Пипина, первого короля династии Каролингов. Пипин получил долгожданную награду, но ему пришлось заплатить за нее. Приветственные крики нобилей и появление нового короля Пипина — все это было лишь лицевой стороной медали. А обратной стороной было то, что коронация осуществлялась как религиозная церемония. Пипин стал королем «по воле Божьей».

Говоря другими словами, Пипину пришлось признать, что право решать, быть или не быть императором, принадлежит папе. Позволив папе один раз воспользоваться этим правом, Пипин обрек всех средневековых королей на зависимость от его воли. Позднее эта зависимость стала в средневековой Европе предметом больших споров и разногласий.

Папское государство

В обмен на королевский титул Пипину пришлось дать папе обещание послать свою армию на защиту папы от ломбардцев. Не успел Пипин это сделать, как ему представилась возможность подтвердить свои слова делом.

Через месяц после коронации Пипина Захарий умер. После его смерти случилось некоторое недоразумение. На папский престол был выбран человек по имени Стефан, который также умер через три дня после избрания, так и не успев официально стать папой. На место умершего выбрали другого претендента, также по имени Стефан. Он и стал новым римским папой. Однако хронисты так и не договорились, считать ли предыдущего, рано умершего Стефана папой или нет. Поэтому нового папу иногда называют Стефан III, учитывая его предшественника, иногда Стефан II, если не считают умершего Стефана папой. Мы назовем его Стефан III.

Как бы то ни было, но вскоре новоиспеченному главе католической церкви пришлось лицом к лицу столкнуться с Айстульфом и его ломбардцами. Настал момент истины. Ломбардцы взяли приступом Равенну, выбили оттуда имперские войска и стали лагерем у стен Рима, намереваясь добраться до папы.

Теперь все замкнулось на франках. Стефан III понимал, что его жизнь зависит от того, поможет ему Пипин или нет. Он отчаянно тянул время, предлагал ломбардцам немалый выкуп за свою голову, устраивал длительные переговоры с ними. Он был готов на все, лишь бы успеть сообщить Пипину, что пришло время выполнять свое обещание.

Айстульф также находился в затруднительном положении. Отойти от Рима он не мог — ломбардские нобили не простили бы этого и могли запросто свергнуть его как неспособного вождя. С другой стороны, ему совершенно не хотелось, чтобы папе на помощь пришел Пипин со своей армией. А нападение на Рим могло повлечь за собой именно такие ответные действия со стороны франков.

С другой стороны, Айстульф понимал, что Пипин, получив королевский титул, бывший его главной целью, вряд ли захочет воевать с ломбардцами и постарается избежать войны. Если бы папа без лишнего шума сдался на милость ломбардцев, Пипин вполне бы удовлетворился этим.

Положение было тупиковым — теперь все зависело от Пипина.

Когда дело приняло такой оборот, Пипин, этот превосходный политик, дал понять, что вовсе не против выполнить свои обязательства, прийти на помощь папе. Но не просто так, а на определенных условиях. Он решил еще больше «закрутить гайки» и извлечь немалую выгоду из бедственного положения папы.

Например, Пипин прекрасно понимал, что стал королем с разрешения папы. Он запросто мог вообразить себе, что этот факт бросает тень на его королевский титул. Поэтому, если папе нужна помощь, так пусть папа сам попросит Пипина об этом. Пусть он приползет на коленях и валяется в ногах у короля — такие мысли немало развлекали Пипина. А кроме того, он полагал, что, если все произойдет именно так, как он себе воображал, тень с его королевского титула исчезнет раз и навсегда.

Возможно, что хитроумный Пипин думал также, что его возможный союз с папой укрепит позиции новой династии. Будет еще лучше, если их встреча произойдет в Нейстрии, где Пипина, происходившего из Австразии, до сих пор некоторые воспринимали как чужака.

Поэтому Пипин отправил посла к ломбардскому двору.

Айстульф должен был гарантировать неприкосновенность папы по дороге к франкам. Предполагалось, что папа в целости и сохранности проедет всю ломбардскую часть Италии, даже Павию.

Айстульфу очень не хотелось давать такое обещание, но делать было нечего. Отказать он не посмел, иначе разъяренный Пипин со своими войсками уже был бы в Италии. Единственное, что оставалось Айстульфу, — это постараться убедить папу, что он ослабит свое давление по возвращении Стефана в Рим.

А что же сам Стефан? Он хотел заехать в Павию и увидеться с Айстульфом. Может быть, он хотел убедить Айстульфа сдаться и, таким образом, избавить себя от унизительных переговоров с Пипином?

Но Айстульф не пошел на переговоры — он решил играть ва-банк. Айстульф полагал, что папа и Пипин не договорятся друг с другом. Наверняка один из них захочет слишком многого, а другой откажется пойти на уступки.

Поэтому Стефану ничего не оставалось, как отправиться в путь. Он стал первым папой, который покинул Рим и отправился через Альпы.

В начале 754 года Стефан прибыл в Шалон, где находилась тогдашняя резиденция Пипина и где за три столетия до этого Аэций остановил Аттилу и его гуннов. Вместе с Пипином на встречу к папе пришел его двенадцатилетний сын Карл (в будущем король Карл Великий).

Папа и король провели вместе четыре месяца, наполненных торжественными церемониями. Пипин обратил присутствие папы себе на пользу. Он вновь прошел помазание на царство и коронацию; теперь торжественную церемонию провел сам папа. Папа помазал на царствие и двух сыновей Пипина — Карла и его младшего брата, трехлетнего Карломана. Пипин заставил папу написать указ о том, что отныне и навеки королями франков будут только Карл и члены его семьи.

Более того, папа дал Пипину титул римского патриция. Точно такой же титул носил когда-то Хлодвиг. Таким образом, вновь была показана преемственность между Меровингами и новой королевской династией.

Пипин был доволен. Он получил все, что хотел, даже более того. Все, что можно было сделать для того, чтобы подтвердить законность его власти, было сделано.

Теперь настал его черед. Пипин потребовал от Айстульфа, чтобы тот освободил все захваченные территории, принадлежавшие Равеннскому экзархату. Айстульф отказался, добавив, что единственное, что он может предложить, — это безопасное возвращение папы обратно.

Должно быть, Пипин ответил, что будет лично сопровождать папу обратно. Поэтому, когда в 755 году папа отправился в Рим, с ним вместе двигался внушительный эскорт в лице франкской армии.

Айстульф попытался не пустить Пипина в Альпы, но был наголову разбит. Франки вторглись в Северную Италию и даже взяли Павию в осаду.

Айстульф сразу же пообещал отдать захваченные территории. Обещание было воспринято всерьез, ведь Пипину тоже не очень хотелось долго возиться с осадой так далеко от дома.

Но пообещать легко, а вот выполнить обещанное намного труднее. Айстульфа осада Павии не сильно напугала, поэтому он был готов к новым авантюрам. Наверное, он решил, что франки находились в Италии только потому, что Пипин обещал папе защиту. Он последовал когда-то данному слову с успехом и выгодой для себя, и теперь пора было возвращаться домой. Папа заплатил за свою безопасность, а Пипин за законное признание своей власти.

Похоже, Айстульф был готов опять наступить на грабли, рискуя потерять все, что у него было. В 756 году он вновь взял Рим в осаду.

Поначалу расчет Айстульфа оказался верным, но потом ему пришлось сполна заплатить за свое вероломство. Пипину очень не хотелось возвращаться в Италию, но многие франкские нобили выступили за новый итальянский поход. Одновременно с этим папа отправлял письмо за письмом, умоляя и грозя, употребляя все искусство своего красноречия, чтобы убедить Пипина вновь прийти к нему на помощь. В конце концов Пипин согласился. Во второй раз, через год с небольшим, франкская армия вторглась в Италию.

Пипин железной рукой сломил сопротивление ломбардцев и взял Павию в осаду.

Айстульфу вновь пришлось пообещать отдать все завоеванные земли, только теперь Пипин настоял на торжественной клятве, что к землям добавятся заложники и большие деньги.

В то время как Пипин осаждал Павию, к нему приехал посланник из Византии. Земли, которые захватил Айстульф и которые собирался отобрать у него Пипин, принадлежали константинопольскому императору. Поэтому византиец высокомерно потребовал, чтобы все территории были возвращены империи.

Если бы Пипин согласился с этими требованиями, то совершил был величайшую глупость. Но Пипин был кем угодно, только не глупцом. И дружба, и вражда с далекой Византией были одинаково неинтересны ему, в то время как хорошие отношения с папой имели для Пипина колоссальное значение. Поэтому все территории, некогда принадлежавшие Равеннскому экзархату, он отдал папе.

Теперь папа сделался не только церковным главой, но и правителем государства, как Пипин. И Пипин согласился с новым статусом папы и даже несколько шагов церемонно вел под уздцы лошадь папы, как будто бы он слуга. Таким образом один монарх выражал свое уважительное отношение другому.

Этот поступок вошел в историю под названием «Пипинов дар». Большая часть земли в Центральной Италии находилась теперь во власти папы. Папы владели этой землей, которую стали называть Папским государством, больше одиннадцати столетий. По меркам Средневековья получилось довольно большое государство. В период расцвета площадь Папского государства равнялась почти сорока тысячам квадратных километров. Это приблизительно как два штата Массачусетс.

Несмотря на это, папа был не особо рад тому, что теперь он был обязан своею властью Пипину. (Впрочем, как и Пипин когда-то, когда законностью своей власти он был обязан папе.) Ведь королевский подарок есть королевский подарок: король дал, король и отнял.

И тут папе срочно потребовался весомый аргумент, чтобы доказать законность своих притязаний не только на часть Италии, но и на все итальянские владения, прежде принадлежавшие Византии.

Этим аргументом стала легенда. Григорий Турский, написавший историю франков, рассказал нам эту легенду.

В 330 году император Римской империи Константин I тяжело заболел проказой. Константин, бывший язычником, обратился к колдунам. Колдуны посоветовали ему принять ванну из крови младенцев. Человеколюбивый император в ужасе отказался. И тут во сне ему явился папа Сильвестр I.

Папа крестил императора Константина, и его болезнь прошла. Благодарный Константин тут же пожаловал папе власть в западной части империи и главенство среди епископов. Затем, чтобы не спорить с папой из-за власти, он удалился в новую столицу, Константинополь, на восток страны.

Понятно, что эта история — не больше чем легенда. Поэтому маловероятно, что Пипин, да и любой умный король на его месте, поверил, что претензии папы на власть в Италии являются законными.

И все же документ, подтверждающий, что Константин действительно даровал земли Сильвестру, появился. Если считать его подлинным, то получается, что итальянские земли должны были принадлежать папе еще задолго до того, как возникло Франкское королевство. И Пипин всего лишь возвращает папе то, что должно было принадлежать ему с самого начала…

Документ, подтверждающий претензии папы на итальянские земли, понятное дело, был фальшивкой. Даже если судить только по языку, на котором он был написан, становится понятным, что Константин не мог написать его.

Историки разошлись во мнениях относительно времени появления этого документа, названного «Константинов дар». Некоторые верят, что его написали в Риме, когда город был осажден ломбардцами. Приверженцы этой теории считают, что Стефан III намерен был взять «Константинов дар» с собой, чтобы показать его Пипину. По мнению папы, Пипин, увидев древний манускрипт, решил бы, что защищает законные права папы в его войне против ломбардцев.

Однако более вероятным представляется, что «Константинов дар» был создан недалеко от Парижа, лет через пятьдесят после войны с ломбардцами. Об этом свидетельствует язык манускрипта: человек, написавший его, был современником франков, а не византийцев. Однако «Константинов дар» появился как нельзя вовремя: ведь, опираясь на этот документ, можно было захватить все византийские земли в Италии. В том, что это нужно сделать, мнения папы и Пипина полностью совпадали.

До 1440 года подлинность «Константинова дара» ни у кого не вызывала сомнений. Позже, несмотря на то что многие католики пытались защищать «Константинов дар», всем стало ясно, что это подделка. Но это произошло позднее. А в VIII веке, да и в течение многих веков спустя, никто и не сомневался в том, что «Константинов дар» является подлинным документом. И это сыграло в укреплении папской власти в Средние века немалую роль.

Первый из Каролингов

Второй поход Пипина в Италию оказался очень удачным. В 756 году его соперник Айстульф умер во время охоты. К власти пришел один из его военачальников, Дезидерий. Дезидерий не собирался завоевывать Рим. Он вообще не хотел воевать с папой. Наоборот, он попросил у папы поддержки, пообещав ему взамен еще земель и заплатив немалую сумму денег. Стефан, естественно, не возражал против таких подарков.

Уладив дела в Италии, Пипин мог обратить взор на собственные владения.

Теперь он был законным королем, в чем никто больше не сомневался. Однако в его королевстве оставались владения, которые хотели независимости и вовсе не собирались подчиняться чужеземному королю, пусть и законному.

Главным из этих королевств была Аквитания, где все еще сохранялись римские традиции.

Жители Аквитании были уверены в своем превосходстве над варварами, жившими к востоку и к северу от их королевства. Много столетий они придерживались таких взглядов.

Справедливости ради надо сказать, что аквитанскому герцогу когда-то пришлось заключить мир и подчиниться северным варварам, которыми правил Карл Мартелл. Это было сделано для того, чтобы бороться против общего врага — мавров. Но с тех пор прошло много времени.

И аквитанские герцоги старались держаться как можно дальше от союзников-варваров. Ведь мавры, закрепившись на Пиренеях, похоже, и не собирались опять нападать на северных соседей. Даже мавры, что захватили Средиземноморское побережье к востоку от Пиренеев — эта земля когда-то была частью большого Вестготского королевства, — и те не доставляли особых хлопот. Поэтому у аквитанских герцогов не осталось причин искать союза с франками. А кроме того, очень удобно стремиться к независимости, пока Пипин занят тем, что завоевывает Италию.

Такое положение вещей привело к тому, что на границе Нейстрии и Аквитании образовалась полоса земли, где власти не было, а соседи воевали друг с другом. Если аквитанцы отправлялись пограбить соседей, не надо думать, что нейстрийцы встречали их хлебом-солью и приглашали заходить еще. Они точно так же грабили аквитанцев.

Пипину в это время было не до них: вернувшись из Италии, он первым делом занялся укреплением своих восточных границ. Соседи — все еще независимые германские племена — не давали королю покоя. И только после этого Пипин обратил свой взор на юго-запад.

С 759 года он начал ежегодные набеги на непокорную Аквитанию. И в 766 году добился результатов: Аквитания покорилась. Герцога убили, франкские чиновники отправились в герцогство, чтобы занять основные государственные посты. На этом Пипин не остановился: он выбил мавров с побережья Средиземного моря. Впервые в истории франкские владения достигли Средиземноморского побережья, распростерлись от Альп до Пиренеев.

Пипин умер в 768 году. Уходя, он испытывал немалое удовлетворение оттого, что Франкское королевство, за три столетия до этого основанное Хлодвигом, теперь включало в себя всю территорию бывшей Галлии — от Ла-Манша до Средиземного моря и от берегов Атлантики до Рейна. Громадные земли к востоку от Рейна также были частью королевства.

Единственным изъяном в этой идиллической картине была Бретань — маленький полуостров на северо-восточной оконечности королевства. Римляне называли эту землю Арморика. В последние дни Западной Римской империи, когда саксы напали на Британию, многочисленные бритты переправились через Ла-Манш и обосновались в Арморике, которую в свою честь назвали Бретань. С тех пор Бретань оставалась независимой, упорно сопротивляясь попыткам франков подчинить себе эту землю. Даже в правление Пипина бретонцы продолжали цепляться за собственную независимость.

Пипин Короткий правил двадцать семь лет. За это время его королевство достигло небывалого расцвета. Пипин подчинил непокорных лордов. Он сделал так, что его выбрали королем, и заставил признать законность своего правления. Дважды Пипин был в Италии, разбил ломбардцев и установил самые хорошие отношения с папой. Он обезопасил границы своего королевства и расправился с мятежниками. Когда Пипин умер, Франкское королевство, которым он правил единолично, стало таким мощным и сильным, как никогда до этого.

Сама собой напрашивается мысль, что правление Пипина стало поворотной вехой в истории франков, а самого Пипина можно назвать самым знаменитым франкским королем, и даже увековечить его имя титулом Великий…

Но это не так. Пипин оказался одним из немногих монархов первой величины, которого полностью затмил его наследник. Этим наследником стал старший сын Пипина Карл. Тот самый мальчик, двенадцати лет от роду, скакавший вслед за отцом навстречу папе Стефану III, который приехал умолять Пипина о помощи в войне с ломбардцами.

Глава 7

Карл Великий

Последний из ломбардцев

Карлу было двадцать шесть лет, когда он вступил на престол. И Карл, и его семнадцатилетний брат Карломан были помазаны на царство еще в детском возрасте папой Стефаном. Согласно старому нелепому обычаю франков, королевство вновь поделили между наследниками, так что оно опять оказалось разорванным на две части.

Карлу достались прибрежные районы на берегу Атлантики и Ла-Манша. Очертание земель, принадлежавших Карлу, напоминало хищную лапу, хватающую более компактное королевство его брата. Карломану достались земли, расположенные к северу и западу от Альп.

Карл был настоящий король. Имевший отменное здоровье, почти под два метра ростом, он обладал богатырским телосложением. Говорят, что длина его стопы была равна тридцати с половиной сантиметрам. Именно этой цифре соответствует английский фут. Поэтому некоторые историки считают, что фут как единица измерения стал использоваться со времен Карла.

До нас дошла биография короля, написанная его современником. Справедливости ради надо сказать, что к старости у Карла появились и телесные недостатки: толстая шея, большой живот и пронзительный голос. Король обожал вкусную еду (отчего, вероятно, и растолстел), но в вине был умерен, что совершенно необычно для франка.

Карломан, очевидно, не доверял своему старшему брату и поэтому не собирался поддерживать отношений с ним. Когда Пипин умер, Аквитания решила использовать его смерть для того, чтобы вновь

обрести независимость. Аквитания номинально подчинялась Карлу, поэтому ему пришлось самому улаживать дела в герцогстве. Карломан не сделал ничего, чтобы помочь брату.

Справедливости ради надо сказать, что Аквитания, измотанная долгими войнами против Пипина, была не в состоянии вести долгую войну против Карла. Аквитанцы попытались было восстать, когда Карл только пришел к власти. Наверное, они надеялись, что новый король еще неопытен в государственных делах. Может быть, они думали, что начнется междоусобица, и Карлу будет не до Аквитании.

Но ни того ни другого не произошло. Аквитанцы жестоко просчитались, недооценив Карла. Новый король коршуном обрушился на герцогство, заставив всех до единого признать его власть. После этого Карл стал править Аквитанией еще более жестко, чем его отец.

Подчинение Аквитании стало первым успешным походом Карла, за которым последовало немало других, не менее успешных. Военные подвиги Карла и успех в государственных делах были такими, что его прозвали Великим. По-немецки Карл Великий пишется как Karl der Grosse, по-латински Carolus Magnus. А вот во французском языке имя и прозвище Карла слились в одно слово, отчего Карла стали называть Шарлеманом.

После того как Карл подавил мятеж в Аквитании и более не ощущал, что трон шатается под ним, он решил основать столицу в Ахене. Современный Ахен находится на границе Германии, Бельгии и Голландии. Скорее всего, Карл устроил столицу в Ахене потому, что родился там. В то время Ахен находился на территории Австразии.

Карл Великий любил простую одежду франков: куртку, отделанную мехом, и штаны с подвязками. У него были простые франкские манеры.

Видимо, поэтому Карл решил основать столицу именно в Ахене, а не в нейстрийских городах с их церемонными римскими нравами, где имели обыкновение устраивать столицы другие франкские короли.

А в это время король ломбардцев Дезидерий с тревогой наблюдал за успехами Карла из своей столицы, Павии. К Ломбардии примыкали земли Карломана, волей-неволей оказавшегося в роли буфера между Дезидерием и своим энергичным братом Карлом.

Дезидерий завел дружбу с Карломаном, младшим сыном Пипина, и при помощи лести постарался разжечь в нем зависть к старшему, более сильному брату. Два короля даже вступили в родственные отношения: Дезидерий выдал замуж за Карломана одну из своих дочерей.

Продолжая свою политику, Дезидерий заручился поддержкой и расположением вдовы Пипина, матери обоих франкских королей. Королеву-мать звали Бертрада, но в историю она вошла под именем Берта Большеногая. Вероятно, Карл Великий унаследовал размер ноги от своей матери, вряд ли от отца.

Берта тоже была заинтересована в хороших отношениях между сыновьями. Поэтому она убедила Карла жениться на другой дочери Дезидерия. Теперь между франками и ломбардцами, как и между франкскими королями, были родственные отношения, которые обязывали дружить друг с другом.

Но даже самые благие намерения могут разрушить превратности судьбы. В 771 году Карломан умер в возрасте всего лишь двадцати лет. Он оставил после себя молодую вдову из ломбардцев и двух малолетних детей. Карл быстро понял, что не может оставить королевство на попечение детей, потому что на деле править будет их дед — король ломбардцев Дезидерий. Поэтому Карл с молниеносной быстротой, что вообще было ему свойственно, ворвался в королевство своего покойного брата и присоединил его к своему. Вдове Карломана с детьми пришлось от его гнева бежать в Павию.

В Павии она начала докучать своему отцу жалобами на то, что Карл ненавидит ее и детей. После чего безутешная вдова потребовала от короля ломбардцев ответных действий.

В это время Карл Великий, поняв, что теперь они с Дезидерием враги, решил, что брак с ломбардской принцессой ему более не нужен. Он нуждался в свободе для войны с ломбардцами, а жена не может быть помехой на пути короля. Справедливости ради можно предположить, что королеву он не любил. Во всяком случае, Карл выгнал свою жену и отослал ее обратно в Павию. Теперь в столице Ломбардии у него было уже два врага — бывшая жена и ее сестра.

Дезидерий прекрасно понимал, что в открытом бою ему франков не одолеть. Но разве все бои велись в открытую? У Дезидерия была своя правда: Карл выгнал законную жену, захватил земли своего брата, да еще обидел, лишил дома его вдову с детьми.

Все это было подходящей причиной для того, чтобы поднять недовольных дворян на справедливую борьбу против Карла, хотя нельзя сказать, чтобы дворяне были ярыми поборниками справедливости.

Однако более всего Дезидерий нуждался в папском признании того, что притязания детей умершего Карломана на трон являются законными. Дезидерий понимал, что заручиться поддержкой папы просто так, без всякого нажима, не удастся. Пока он размышлял, в Ватикане начались свои сложности — выборы нового папы. В 772 году Дезидерий решил убить двух зайцев сразу: помочь

выбрать папу и заручиться его одобрением. Для этого он вторгся в Папское государство и взял Рим в осаду. Новый папа просто обязан был принять правильное решение.

Этим новым папой стал Адриан I, и первое, что он сделал, полностью шло вразрез с ожиданиями Дезидерия, — Адриан обратился за помощью к Карлу Великому. И тут Дезидерий понял, как сильно он просчитался. Не только папа, но и аристократы, на которых он рассчитывал, не выказали ни малейшего желания воевать с Карлом.

Карл, который был намного решительнее своего отца, когда дело доходило до войны на чужих территориях, долго не раздумывал. В 773 году во главе своей армии он переправился через Альпы. Так началось третье вторжение франков в Северную Италию.

В третий раз Павия была взята в осаду. Карл Великий не был таким, как его отец. Он не верил обещаниям. Пипин дважды снимал осаду в обмен на обещания. Карл поступил по-другому. Осада продолжалась девять месяцев. И закончилась безоговорочной капитуляцией Дезидерия. Ему пришлось отказаться от ломбардского трона. Королевство ломбардцев перестало существовать через два столетия после того, как ломбардцы вторглись в Италию. Дезидерий, последний из ломбардских королей, был увезен во Франкское королевство, где ему предстояло до конца дней прожить в заточении.

С исторической сцены исчезли почти все варварские племена, которые когда-то, во времена Алариха, разгромили Западную Римскую империю. Больше не было вестготов, вандалов, свевов, алеманнов, остготов и ломбардцев. Оставались только франки.

Номинально, правда, еще оставалось одно ломбардское герцогство. Оно было расположено к югу от Папского государства и называлось герцогство Беневентское, по названию своей столицы — Беневенто. Герцогство Беневентское старалось сохранять независимость, хотя и признавало власть некоторых сильных ломбардских королей, например Лютпранда. Теперь оно оказалось в стороне от Франкского королевства, в состав которого вошла Ломбардия. Свою независимость герцогство Беневентское сохраняло еще целое столетие. Но в его жителях было мало ломбардского. Это были уже не ломбардцы, а итальянцы.

Однако на севере Италии название Ломбардия сохранилось. Карл Великий оставил завоеванному королевству прежнее название, а сам короновал себя под именем короля Ломбардского. Чтобы ломбардцы не поднимали восстаний против нового короля, а также для того, чтобы создать у них иллюзию самостоятельности, Карл поставил наместником в Ломбардии своего младшего сына, Пипина. Название Ломбардия и сегодня есть на карте, сейчас так называется богатая провинция на севере Италии.

Как бы то ни было, но теперь север Италии был частью Франкской империи, и это сыграет немаловажную роль в будущем.

Все короли после Карла Великого помнили, что их великий предшественник правил Италией, и продолжали демонстрировать свою власть там еще тысячу лет на горе итальянцам и на беду себе. Потому что часто случалось так, что властолюбивые монархи забывали об интересах собственного государства в погоне за «блуждающим огоньком» — Италией.

Победа Карла навсегда избавила папу от угрозы со стороны ломбардцев. Более того, франкский монарх вновь подтвердил законность «Пипинова дара» и установил теплые отношения с папой Адрианом. Карл Великий был очень набожным человеком, посещал все церковные службы и всегда выказывал папе глубокое уважение. Он первым из франкских королей дважды посетил папу, в 780-м и 785 годах. Его отношение к папе стало примером идеальных отношений между монархом и главой церкви.

Но расположение королей может таить не меньшую опасность, чем их враждебность. Карл Великий заботился об укреплении церковной власти, однако эту власть олицетворял не папа, а он сам. Все сильные монархи того времени не устояли от соблазна так поступить: и Юстиниан, и Константин. Поэтому Карл был вдохновителем реформы богослужения, он созывал церковные соборы, чтобы обличать ереси. Но при этом он никогда не забывал о собственных интересах и всегда добивался того, чего хотел.

Папе оставалось только набраться терпения.

Крещение мечом

Набожность и неутолимая жажда военной славы заставили Карла Великого отправиться в походы, которые в более поздние века будут называть Крестовыми. Можно сказать, что 1-й Крестовый поход, то есть войну христиан против нехристиан, начал Карл. Одной из основных причин, заставивших предпринять поход, явилось желание обратить язычников, пусть даже силой, в христианство.

Врагами франкского короля стали германские племена, которые на протяжении трех столетий, пока их собратья воевали друг с другом и завоевывали новые земли, продолжали жить на том месте, где жили всегда. При этом они оставались язычниками. Во времена Меровингов земли этих племен граничили с Австразией. Назывались эти племена баварцы, тюринги, саксы и фризы[22].

Тюрингию еще в 531 году завоевали сыновья Хлодвига. Другие племена продолжали сохранять номинальную независимость, несмотря на то что время от времени на них нападали сначала Карл Мартелл, потом Пипин Короткий, а с востока наседали авары.

Но германцы подвергались не только военным атакам. Не менее сильным было религиозное давление — война, которую вели не солдаты, а миссионеры, подчиненные воле одного человека, жившего на далеких Британских островах. Об этом человеке мы еще расскажем, а пока вернемся к Британии, где миссионеры появились благодаря Григорию Великому, который посылал проповедников на острова, даже не предполагая, к каким последствиям это приведет.

Пока германцы громили Западную Римскую империю, Британские острова, брошенные римскими гарнизонами, которые должны были их охранять, подверглись нападению других германских племен, приплывших по Северному морю. Это были англы, саксы и юты. До них на острова нападали кельтские племена бриттов, но англы, саксы и юты быстро прогнали их. Поскольку англов было больше всего, острова назвали «землей англов», или «Англией».

Англы и саксы были язычниками, их предшествениики-кельты — христианами. Христианство дошло даже до Ирландии, которая никогда не была завоевана римлянами. Во времена Меровингов Ирландия переживала период культурного расцвета. Ирландские монахи-проповедники распространяли христианство среди англов и саксов, они основали на Британских островах монастыри. В этих монастырях правила святого Бенедикта не соблюдались. Богослужение во многом отличалось от римской традиции.

Миссионеры Григория Великого, пришедшие с материка, проповедовали христианство в римской традиции. В 664 году римская традиция богослужения окончательно утвердилась над ирландской, даже сама Ирландия приняла римскую традицию.

Через восемь лет после того, как Англия стала римско-католической, родился мальчик, которого назвали Уинфрид. Когда ему исполнилось семь лет, он выбрал путь монашества и принял постриг под именем Бонифаций. Когда он вырос, то решил посвятить свою жизнь обращению языческих германских племен в христианство. Именно об этом человеке мы рассказывали в начале главы.

Благодаря Григорию Великому Уинфрид, или Бонифаций, проповедовал среди германцев римско-католические традиции богослужения, а не кельтские. Так удалось избежать возникновения еще одной ереси.

В 716 году Бонифаций совершил свое первое путешествие в качестве проповедника. Он перебрался через Па-де-Кале и высадился во Фризии, там, где сейчас находится побережье Голландии. Не успел Бонифаций обосноваться там, как его немедленно изгнал из Фризии король Радбод, который был вовсе не рад христианскому проповеднику.

Бонифаций отправился в Рим, где получил согласие папы на проповедническую деятельность среди германцев. После этого он много лет провел в Баварии и Тюрингии, где обращал язычников в христианство, строил церкви и уничтожал идолы повсюду, где только возможно. Когда он узнал, что король фризов Радбод умер, он вновь отправился в эти земли, и на сей раз его миссия увенчалась

успехом. У Бонифация было одно преимущество: поскольку его предки были саксами, он говорил на языке германцев и знал их жизненный уклад. А еще пользовался Библией, которую еще Ульфила перевел на язык готов.

Карл Мартелл, в то время правивший франками, выступал покровителем Бонифация. Под охраной Мартелла Бонифаций мог беспрепятственно путешествовать, направляясь на восток. Вряд ли кто-нибудь осмелился бы напасть на человека, которого защищал могучий мажордом, — Мартелл в гневе был страшен.

После смерти Карла Мартелла Бонифаций вернулся к франкам.

Он поддерживал Пипина и Карломана в их борьбе за власть. Бонифацию удалось реформировать франкскую церковь, и, возможно, в том, что Карломан принял монашество, есть и его заслуга. Бонифаций выступал одним из посредников в переговорах между папой и Пипином. Переговоры закончились коронацией Пипина. В обряде коронования, который существует до сих пор, возможно, есть и заслуга Бонифация.

Пипин тоже не остался в долгу и, как и его отец, всецело поддерживал миссионерскую деятельность Бонифация. Даже если не рассматривать его помощь как жест благодарности, нельзя не восхититься прозорливостью Пипина: ведь германцев-христиан намного легче присоединить к христианскому королевству, чем германцев-язычников.

Бонифаций прожил достаточно долго, чтобы убедиться — христианство прочно укоренилось среди всех германских племен, обитавших к востоку от Франкского королевства. В конце концов в 755 году Бонифаций принял мученическую смерть от рук язычников-фризов, как и его покровитель Пипин, павший в борьбе с ломбардцами.

Возвращаясь к Карлу Великому, можно сказать, что покойный Пипин правильно оценил ситуацию. Поэтому Карл вовсе не тяготился размышлениями над тем, каким образом присоединить к своему королевству обширные земли баварцев и фризов, давно обратившихся в христианство.

Оставалась, правда, проблема, которую Бонифаций разрешить не успел. Эта проблема называлась «саксы». Саксы вовсе не торопились креститься и со временем стали непримиримыми язычниками. Они опасались, что христианство превратит их из саксов во франков, поэтому рассматривали свою веру как единственный способ сохранить свободу. Когда-то саксы отразили набеги Каролингов, теперь они были готовы сражаться с самим Карлом Великим.

Карл собирался отплатить им той же монетой: он считал войну против язычников святой, а возможность увеличить свое королевство за счет присоединения их земель — делом богоугодным. Карл послал войска в Саксонию уже в 772 году. Это случилось после смерти Карломана, когда он единолично правил королевством, еще до того, как началась война с непокорным Дезидерием.

Франки вступили на территорию саксов, но никто их не встретил — саксы будто бы растаяли в воздухе.

Солдаты Карла Великого принялись решительно насаждать христианство, будучи уверенными, что только их религия является истинной. Они считали, что саксы вовсе не имеют права на веру, отличную от их собственной.

Однажды франки подошли к громадному деревянному столбу, который у язычников носил имя Ирминсул. Саксы особо поклонялись этому столбу. Согласно верованиям скандинавов, он символизировал дерево, которое поддерживает мироздание. Франкские проповедники без всякого сожаления велели разрушить «богомерзкий идол», что и было сделано.

Однако осквернение языческих святынь привело к тому, что саксы только укрепились в своей вере. Саксония сильно отличалась от Ломбардии: здесь не было обжитых земель с равнодушными крестьянами, здесь не было больших городов, жители которых ждали, когда их возьмут в осаду. Бескрайние, дикие земли, где не было дорог, лишь маленькие деревушки, разрушая которые можно было только еще более ожесточить саксов.

Поэтому саксы начали партизанскую войну, к которой франки оказались совершенно не готовы. Когда армия франков наступала, саксы немедленно отступали. Они соглашались креститься — если не добровольно, то с мечом, приставленным к горлу. Они признавались во всем и позволяли брать заложников. После того как франки уходили, оставив после себя гарнизоны и построив церкви, саксы вновь поднимались на войну. Они сжигали церкви, убивали тех, кто крестился, громили гарнизоны, и все начиналось сначала.

Карл Великий вновь отправлял свою армию в Саксонию. Франки продвигались все глубже, убивали саксов с еще большей яростью, брали еще больше заложников и выдумывали еще более страшные пытки. Саксы каждый раз сдавались. Но, как только франки уходили, все начиналось сначала.

В 718 году у саксов появился вождь по имени Видукинд, который с новой силой принялся воевать против франков. Карлу Великому в это время было не до него — король франков был занят войной в Испании, на другом конце света.

Саксы полагали, что Карл потерпел там поражение или даже погиб. Поэтому Видукинд нисколько не испытывал страха и призывал своих людей не бояться франков. Он убивал каждого священника и мирянина из франков, который попадался ему под руку. Видукинд осмелел до того, что стал совершать набеги на Австразию, дойдя даже до Рейна.

Карлу Великому не оставалось ничего иного, как ответить на этот дерзкий вызов подобающим образом. Или признать себя проигравшим, чего он сделать не мог. Поэтому, как утверждают некоторые источники, он велел схватить и обезглавить четыре с половиной тысячи саксов за один день. Это случилось не позднее 785 года, когда Видукинд сдался и сам принял христианство. Даже после этого саксы время от времени восставали против франков, хотя это были вспышки уже затухающего костра. Тем не менее, в 804 году восстание саксов оказалось настолько сильным, что франкам вновь пришлось послать против них карательную экспедицию. Это восстание считается последним, после чего война затихла более чем на тридцать лет.

В итоге Карл Великий стал правителем всех земель в Европе, где жили германцы. Исключением были только Англия и Скандинавия, земли независимые и малонаселенные германцами, к тому же отделенные от Франкского королевства водой, как Англия, или большим расстоянием, как Дания. Поэтому на них никто не обращал внимания — казалось, они были дальше, чем за горизонтом.

Не только германцы

После того как Карл стал править всеми германцами, он задумался, почему бы не подчинить себе и соседние племена. Еще до того, как он справился с непокорными саксами, король франков обратил свое внимание на восток, на славянские племена, жившие за Эльбой.

Славяне пока еще не воевали ни с кем из соседей. Они терпеливо и покорно относились ко всем завоевателям, от готов до аваров, которые на них нападали. Поэтому они вовсе не собирались воевать с Карлом. Наоборот, славяне надеялись, что франки освободят их от аваров.

Справедливости ради надо сказать, что авары во времена Карла Великого были уже не теми аварами, которые за два столетия ранее добрались до Константинополя. Они по-прежнему владели значительными землями, располагавшимися на территории современной Венгрии. Но на востоке, там, где сейчас находится Румыния, часть племен уже откололась от них и основала самостоятельное королевство.

Эти люди назвали себя булгарами. Вероятно, слово имеет те же корни, что и название реки Волга. Во времена Карла Великого на Волге даже существовало могучее Булгарское царство.

Аварское владычество не было для славян таким уж плохим. Под защитой своих завоевателей славяне начали постепенно просачиваться на запад, на те земли, откуда германские племена, такие, как ломбардцы, ушли, спасаясь от аваров. Например, там, где сейчас находятся Чехия и Словакия, когда-то жили германские племена. После них там поселились славяне и живут по сей день. Славяне начали селиться и на западном берегу Эльбы, но оттуда их позднее оттеснили германцы.

Во времена Карла Великого славяне постепенно начали отстаивать свою независимость от аваров. Теперь, когда с одной стороны аварам пришлось столкнуться с непокорством славян, с другой стороны их одолевали набегами булгары, на аваров свалилась самая большая беда: франки во главе со своим могучим королем. За три военные кампании Карл Великий, хоть и не без помощи булгар, разгромил аваров.

Последние авары были побеждены в 804 году, после чего они окончательно исчезли. Это произошло настолько стремительно, что с тех пор возникла поговорка: «сгинули, как авары». На самом деле авары не исчезли, они просто растворились среди своих победителей и бывших побежденных.

Западные славяне, обитавшие на побережье Дуная, там, где сейчас находится Будапешт, признали владычество Карла Великого, несмотря на то что Ахен отделен от них значительным расстоянием.

После этого король франков обратил свой взор в сторону Британии. Туда, где жили независимые бретонцы, осмеливавшиеся воспротивиться власти его отца, Пипина. Однако не подчиниться Карлу они не посмели. Королю франков даже не пришлось посылать против них армию. Угрюмые бретонцы заплатили дань Карлу и изобразили покорность.

И тут Карл Великий страстно возжелал подчинить себе земли, расположенные на юге. Он уже давно присматривался к Пиренеям, где его королевство соприкасалось с исламским миром. Война между христианами и мусульманами шла на полуострове уже полтора столетия.

Большая часть исламских государств в то время подчинялась власти династии Аббасидов. Столица Аббасидов была в Багдаде, городе, расположенном на берегу реки Тигр, там, где находится современный Ирак. Во времена Карла Великого государство Аббасидов входило в период расцвета. Более того: когда король франков воевал с саксами, халифом Багдада стал Гарун аль-Рашид. Тот самый Гарун аль-Рашид, которого так красочно описывают арабские сказки «Тысяча и одна ночь». Но сказки есть сказки.

Потому что, несмотря на то что власть Аббасидов распространялась на всю Западную Азию и Северную Африку, были мусульмане, которые не признавали их владычества.

Выходило так, что Аббасиды пришли к власти еще до Гаруна аль-Рашида, сменив на троне предыдущую династию, Омейядов. Чтобы избежать ненужных осложнений с установлением своей власти, первый из Аббасидов хладнокровно убивал каждого из Омейядов, кого мог обнаружить. Делалось это для того, чтобы никто не мог потребовать трон обратно и уж тем более затеять гражданскую войну против новых правителей.

Аббасиды потрудились на славу. Никого или почти никого из Омейядов в живых не осталось. Кроме Абдурахмана, внука Омейяда, бывшего халифом как раз в то время, когда Карл Мартелл выиграл битву при Пуатье. Скрываясь, многие годы живя на волоске от гибели, Абдурахман обогнул все побережье Средиземного моря, пройдя от Сирии до Испании. В Испании он, наконец, остановился. И здесь, на другом конце мусульманского мира, он в 756 году провозгласил себя королем Абдурахманом I. Это случилось приблизительно в то же время, когда Пипин сделался королем франков.

Абдурахман основал свою столицу в Кордове. Во времена его правления Испания превратилась в совершенно независимую мусульманскую страну. Абдурахман оказался прекрасным правителем. При нем страна начала процветать. Пока Абдурахман спасался от кровожадных Аббасидов, он сумел неплохо изучить жизнь простых людей. Поэтому он правил так, что народ его любил. Абдурахман позволил христианам совершать богослужения, установив за это невысокую плату, и с большим уважением относился к евреям.

Беда пришла, однако, не от христиан и не от евреев, а от его собственных подданных. Мавританское дворянство, ненавидевшее Абдурахмана, зашло так далеко, что обратилось за помощью к франкам-христианам.

Пипину, а после него Карлу раздоры между подданными были только на руку, поэтому они старались подливать масла в огонь, насколько это возможно. Но тут на сцене появился еще один игрок — баски, жившие в Западных Пиренеях.

Баски были христианами. Они неистово боролись против владычества мавров на их земле. Однако баски жили в своих горах и до мавров и после мавров. И, несмотря на то что франки тоже были христианами, баски считали их такими же чужаками, как мавров. Поэтому, отправляясь в очередной набег, они с равной дерзостью грабили и тех и других.

Карл Великий, по горло сытый набегами басков, решил поступить так же, как и его дед, и напасть на Испанию.

Поэтому он благосклонно отнесся к предложению трех мавританских эмиров принять участие в войне против Кордовы. А попутно с этим расправиться с басками.

План Карла Великого выглядел хорошо на бумаге. А на самом деле оказалось, что Абдурахман, уже немолодой к тому времени человек, отнюдь не разучился воевать. Он по-прежнему был энергичным и

воинственным монархом. Поэтому, когда христиане вступили на испанскую землю, всем маврам пришлось забыть о раздорах и сплотиться на борьбу против завоевателей.

Несмотря на это, Карл Великий решительно наступал, дойдя до Сарагосы — города на реке Эбро, в ста милях от Пиренеев. Король франков взял город в осаду. Однако Карл находился слишком далеко от своей столицы, а гонцы один за другим приносили новости о том, что Видукинд поднял мятеж. Скрипя зубами от злости, Карл снял осаду и увел свои войска обратно. Испанская кампания провалилась.

Во время отступления франков произошла еще одна неприятность. Баски решили извлечь свою выгоду. Когда франки проходили через Ронсевальское ущелье в Западных Пиренеях, баски сидели в засаде, выжидая, чтобы большая часть войска Карла уже вышла из ущелья. Тогда баски напали на арьергард, поубивав всех отставших. Им досталась большая добыча. Среди убитых франков найден наместник Карла в Британии, который приехал специально для того, чтобы присоединиться к походу короля против мавров. Этого человека звали Роланд. Пройдет много лет, и о его гибели сложат прекрасные стихи — «Песнь о Роланде».

В 788 году Абдурахман умер, и Испания ослабела. Карл в это время воевал с саксами, и было бы полным безрассудством с его стороны бросить все и отправиться за Пиренеи. В 793 году отряд мавров за один стремительный набег дошел до Нарбонна, города в ста километрах к северу от Пиренеев.

Карл в это время обдумывал, как бы ему половчее напасть на аваров, однако такой наглости со стороны мавров вынести не смог. И вновь отряды франков двинулись на Испанию.

На этот раз Карл не собирался вторгаться далеко в глубь страны, он постарался создать большую буферную зону к югу от Пиренеев. Она должна была оградить Франкское королевство от набегов мавров.

Замысел удался в 801 году, когда Карл Великий взял приступом Барселону. К югу от Пиренеев была захвачена полоса земли шириной около восьмидесяти километров. К западу эта полоса заходила на землю басков. Теперь эти территории всецело принадлежали Карлу. Страна басков получила название Наварра. Восточная часть отвоеванных земель стала называться Испанская марка.

Слово «марка» происходит от древнегерманского слова «граница». Так стали называть все приграничные земли. Во времена правления Карла появилось немало приграничных земель — хорошо укрепленных, управляемых военными территорий. Отсюда было удобно наблюдать за ненадежными соседями, защищая сердце королевства от врагов.

Северо-восточная часть королевства называлась Дания, или Датская марка, по-немецки Denmark. Сами датчане называют свою страну Danmark, что означает то же самое.

На востоке находилась Восточная марка — Остмарк, ныне здесь современная Австрия. В более поздние века, когда Остмарк стал независимым сильным государством, укоренилось название «Восточное царство» — по-немецки Osterreich, по-английски Austria, а по-русски — Австрия. Присоединив 1938 году Австрию к Германии, фашисты вновь стали именовать государство по-старому — Остмарк. Но в 1945 году, после победы над фашизмом, Австрия вернула себе свое имя.

Человека, который управлял маркой, называли маркграфом, по-французски маркизом.

К 800 году Карл Великий управлял огромным королевством. Оно выглядит еще больше, если представить, что в то время не существовало ни современных коммуникаций, ни такого транспорта, как сейчас. Напоминая формой неправильный, вытянутый на восток прямоугольник, королевство франков распростерлось на полторы тысячи километров с востока на запад, от Атлантики до срединного течения Дуная. С севера на юг его протяженность была равна почти полутора тысячам километров, от Фризии до Рима.

Общая площадь владений, находившихся под прямым или косвенным правлением Карла, составляла 1,5 миллиона квадратных километров. Это чуть больше, чем пятая часть территории Соединенных Штатов Америки.

Королевство франков было самым большим государством со времен императора Феодосия, правившего Римской империей за четыре столетия до Карла Великого.

Император поневоле

Несмотря на свое могущество, Карл поддерживал очень хорошие взаимоотношения с римским папой. Когда в 781 году король франков посетил Рим, папа Адриан короновал его сына Пипина IV на царство в Ломбардии, а другого сына, Людвига, — на царство в Аквитании. Таким образом, оба сына Карла Великого получили законное право перенять королевскую власть от своего отца, который еще жил и здравствовал. Карл поступил точно так же, как когда-то его отец Пипин.

Адриан в ответ отрекся от своих деяний, совершенных во времена правления константинопольского императора-еретика. Это был очень тонкий, хотя и льстивый комплимент королю франков.

К моменту смерти, последовавшей в 795 году, Адриан занимал папский трон почти четверть века. Все это время папа и Карл Великий поддерживали прекрасные отношения. Взаимное расположение подкреплялось еще и тем, что в их владении были одни и те же земли. Только власть короля франков была светской, а власть папы римского — церковной. Даже маленькие христианские княжества в Англии и Испании признавали главенство Каролингов и соглашались с властью папы в церковных делах. Таким образом, где бы ни признавали власть папы, соглашались с властью Карла и наоборот. Никогда до и никогда после в истории не было такого периода, чтобы власть светская в лице императора и церковная власть в лице папы действовали так согласованно.

Новый папа, Лев III, сразу же повел дела, взяв за образец своего предшественника.

Он, как и Адриан, хотел заручиться дружбой могучего короля франков. Впервые в истории уведомление о выборах нового папы отправили не в Константинополь, императору Восточной Римской империи, а Карлу Великому. Подумав, новый папа пошел еще дальше. Он пожаловал Карлу титул римского патриция. Если бы у Льва III хватило сообразительности признать главенство франкского императора более скромно, ему, возможно, удалось бы избежать многих неприятностей.

Отчасти Львом двигало желание обезопасить самого себя от неприятностей дома. Папа был владыкой духовным, а у духовных владык точно так же, как и у светских, есть свои трудности. Так, например, в их окружении всегда обретаются непокорные церковные сановники, которые жаждут подчинить папу себе в обмен на мир и спокойствие в подвластных землях.

Именно это и произошло. Льву не удалось сделать так, чтобы все были довольны, вследствие заговора в 799 году Льва схватили и искалечили. Это было сделано для того, чтобы заставить его отказаться от папской власти и назначить новые выборы.

До крайности не дошло, но в Риме начались беспорядки. Франкский наместник не смог или не захотел остановить волнения. Толпа горожан преследовала папу, и он был вынужден бежать. Лев послал Карлу письмо с просьбой о помощи, но Карл никак не отреагировал. И сделал это намеренно. Папе ничего не оставалось, как собственной персоной явиться к королю франков, так же как и его предшественник лично обращался к Пипину. У Льва не было другого выбора. Поэтому он перешел через Альпы, как и Стефан за сто лет до него.

Карл Великий в то время находился в Саксонии. Он встретил папу с наивысшими почестями. Удовлетворившись тем, что папа проделал такую долгую дорогу, Карл согласился сопровождать Льва на обратном пути в Рим. На всякий случай он не преминул взять армию.

Однако в Риме папу ждало еще одно унижение. Те самые люди, которые составили заговор против Льва, стали утверждать, что их целью была борьба за добродетель. А папа, как они настаивали, был повинен во многих отвратительных грехах. Карл Великий мог пропустить эти наветы мимо ушей, однако он решил использовать их в своих целях. Король приказал подготовить священный ритуал, устроить суд над папой. В этом случае папе пришлось бы перед Карлом отстаивать свою честь.

После суда всем должно было стать понятно, что Карл Великий могущественнее папы.

23 декабря 800 года король франков собрал высших церковных сановников, заняв место во главе. Настоящим судом процесс быть не мог, потому что в истории еще не было случая, чтобы кто-то судил папу. Льву пришлось пройти через это унижение для того, чтобы перед Богом поклясться, что он ни в чем не виноват. Клятвы оказалось достаточно, чтобы папа смог подтвердить титул.

Суд свершился. И судьей был король, а папа стоял перед ним в роли преступника, которого, будь его вина доказана, могли осудить и даже казнить по воле короля. Льву пришлось немало поразмыслить над тем, как изменить положение вещей в свою пользу. Ему удалось это сделать настолько неординарным способом, что его поступок вошел в историю как один из наиболее хитрых политических ходов того времени.

Для того чтобы разобраться, что он сделал и как ему это удалось, необходимо вернуться к Византийской империи.

После того как в 476 году был свергнут последний император Западной Римской империи, владыка Константинополя, император Восточной Римской империи теоретически становился правителем всей империи, а значит, и всего христианского мира.

Формально его главенство признавалось даже на Западе, где император имел власть только на территориях, находившихся под контролем его армий.

В VIII столетии из-за иконоборчества византийских владык отношения между папой и Константинополем окончательно испортились. Папа отлучил византийских императоров от церкви и начал присваивать себе некоторые их права. Несмотря на это, притягательность слова «император» продолжала сохраняться. Кто бы ни взошел на константинопольский трон, он по-прежнему был наследником Августа и Константина. И никто не мог с этим спорить.

В 780 году умер император Лев IV. На трон взошел его сын, Константин VI. Константин был еще ребенком. Ему было всего девять лет. Вместо него государством в качестве регента при малолетнем императоре стала править мать Константина Ирина. Во время ее правления, в 787 году, период иконоборчества, продлившийся шестьдесят лет, закончился. Поклонение образам опять разрешили, что означало торжество сторонников папы.

Но возвращения в лоно церкви и примирения между папой и Византией не произошло, потому что по-прежнему оставалось немало разногласий в богослужении и взглядах на церковные вопросы. На деле конец иконоборчества оказался для папы еще большим неудобством. Потому что теперь у него не было поводов для оправдания собственной независимости от константинопольского императора.

Однако папе повезло. До примирения так и не дошло, потому что Константин VI вырос, и опека матери его сильно раздражала. Поэтому он попытался взять власть в свои руки. Ирина воспротивилась этому и победила. Жестокая мать повелела убить своего сына. В 797 году на трон Константинополя взошла императрица Ирина.

В 800 году, когда Карл Великий и папа Лев находились в Риме, Константинополем правила женщина! Да, она была императрицей, но франки едва ли считали это достаточным основанием для того, чтобы женщина занимала трон. Они вообще не могли представить, как женщина может чем-то управлять, ведь по Салическому праву женщина не входила в число наследников власти.

Наверное, в тот момент, когда Ирина провозгласила себя императрицей, в голове Льва созрел план, как ему раз и навсегда исправить отношения с Константинополем. Лучшего момента, чем 25 декабря 800 года, и быть не могло.

Два дня прошло с тех пор, как обвиненный во всех грехах Лев стоял перед судом и умоляюще смотрел на Карла Великого. Теперь, на Рождество, папа и король вместе преклонили колени в соборе Святого Петра, чтобы помолиться в этот святой праздник.

Лев приготовил искусно сделанную корону и, выбрав удобный момент, когда набожный король, закрыв глаза, истово молился, поднялся с колен и водрузил корону ему на голову. После этого папа провозгласил Карла императором. Из толпы, в которой, скорее всего, были специально нанятые люди, раздались громкие восторженные крики. Весь собор наполнился ликованием — народ приветствовал императора Карла Августа.

Карлу ничего не оставалось, как принять титул. Отказаться от оказанной ему чести он не мог никак. Его возвели на престол, помазали елеем.

Продуманный до мельчайших подробностей ритуал свершился. Теперь Карл был императором!

После трех веков на западе вновь появился император. Впоследствии историки давали западным императорам порядковые номера. Согласно этой нумерации, королю франков следовало стать императором Карлом I.

И, только став императором, Карл понял, что нажил себе этим одни неприятности, причем самого разного толка. Новый титул не укрепил его власть, наоборот, только ослабил. Два дня назад папа был у

его ног. Теперь Карл был у ног папы. Два дня назад он был королем франков по праву наследования и благодаря своим добродетелям и военным подвигам. Теперь он провозглашен императором по милости папы. А папа что дал, то может и отобрать…

Более того, приняв императорский титул, Карл мог навлечь на себя неприятности с Византией, а этого он не хотел. Карл вторгся на территорию Византии на северном побережье Адриатического моря, и до открытой войны оставался один шаг. Этим последним шагом могло стать провозглашение Карла императором. А ему хватало проблем в Саксонии, Испании, да и с аварами все было непросто. Новая война была совершенно не нужна.

Карл, конечно, спал и видел себя в императорской короне, поэтому был очень польщен, когда получил этот титул. Однако он не тешил себя иллюзиями относительно последствий, которые ждали его после того, как он стал императором. После того как закончилась торжественная церемония, Карл с горечью сказал, что, если бы знал, что задумал папа, никогда бы не поехал в Рим. Его заявление вовсе не следует считать признанием в собственной несостоятельности, просто Карл в таких выражениях дал понять, что ему очень неприятно оттого, что его обманули. Самое главное — Карл никогда не называл себя «императором Римской империи», что явилось бы прямым вызовом Константинополю. Карл именовал себя «император, король франков и ломбардов», показывая таким образом пределы владений, где он действительно правил.

Если судить со светской точки зрения, то вопрос, было ли у папы право провозглашать Карла императором или нет, остается спорным.

Тем не менее, сомнений ни у кого не возникло. Ведь Карл стал императором через некоторое время после того, как появился «Константинов дар». Волею Константина папа римский получал абсолютную светскую и церковную власть в Западной Римской империи. Поэтому он имел полное право на то, чтобы провозгласить Карла императором.

Война с Византией была все равно неизбежна. Пока на троне оставалась Ирина, сохранялся мир. Потому что командовать войсками она не умела. Но как только нашелся военачальник, способный повести армию за собой, императрица потеряла власть. В 802 году ее свергли, и императором стал государственный чиновник — Никифор. Вскоре началась война.

Казалось бы, как может слабая, загнивающая Византия противостоять Франкской империи? Победа франков под сомнение не ставилась. Однако на деле все оказалось не так просто. Карл Великий достиг преклонного возраста (ему было за шестьдесят) — он уже не был похож на юного пылкого воина, который стремится к военной славе. Войну предстояло вести далеко от центра государства, подвоз продовольствия и связь со столицей были очень ненадежными. К тому же оказалось, что византийцы отнюдь не столь слабы, как представлялось. Может быть, они и не умели бешено мчаться на лошадях, размахивая боевыми топорами, зато их армия была намного более организованной. Война затянулась на долгие годы и шла с переменным успехом.

Таким образом, получилось, что императорская корона сослужила плохую службу Карлу Великому. Теперь Средиземное море окружали четыре враждебные силы. Если начать с Франкской империи и двигаться по часовой стрелке, это были: Византийская империя, Аббасидский халифат и Испания, которой владели Омейяды. Каждая из этих сил смертельно ненавидела своих соседей.

И франки, и Аббасиды независимо друг от друга воевали с византийцами и Омейядами, которые, в свою очередь, также вели войну друг против друга. Получалось, что на побережье Средиземного моря шли четыре войны, то затихавшие, то вновь разгоравшиеся.

Но у истории свои законы. И если твой враг — это и мой враг, ничто не мешает нам стать друзьями. Поэтому Карл Великий и Гарун аль-Рашид наладили отношения в борьбе против общего врага.

И это несмотря на то, что Карл был самым влиятельным христианским монархом в мире, а халиф — наиболее влиятельным мусульманским правителем. С 801 года между двумя странами снуют одно за другим посольства, дорогие подарки везут из империи в халифат и обратно. Обе страны находились слишком далеко, чтобы быть реальным военным подспорьем друг другу, однако одного факта, что великий Карл, император, король франков, и могущественный Гарун аль-Рашид, владыка халифата, более не воюют друг с другом, должно было произвести самое что ни есть устрашающее впечатление на их противников.

Неудивительно, что Никифор, увязнув в войне с Аббасидами, в 810 году решил подписать мирный договор с Карлом Великим. Разумеется, на условиях, выгодных Карлу. Никифору пришлось отдать в собственность императору территории, некогда именовавшиеся Равеннским экзархатом, Венецию и побережье Адриатического моря вплоть до Константинополя. Наследник Никифора, Михаил I, пошел еще дальше: в 812 году он признал Карла Великого императором Западной Римской империи.

Луч света

Большая часть наших познаний о Карле Великом и его предшественниках исчерпывается сведениями, с кем, сколько и когда они воевали. Потому что именно войны в основном интересовали хронистов того времени. Никому из них не приходило в голову написать, как жили обыкновенные люди, какую одежду они носили и в какие игрушки играли их дети. Если бы кто-то спросил хрониста, почему он не написал об этом, то, скорее всего, тот ответил бы: «Зачем писать о том, что знает каждый?»

Однако войны войнами, а повседневная жизнь продолжала течь своим чередом. Простые люди продолжали строить дома, трудиться, отдыхать, растить детей. И казалось, что с каждым новым поколением их жизнь становится все тяжелее и тяжелее. Карл Великий правил в самый расцвет Средних веков[23].

Тем не менее, мы вовсе не должны думать, что Средние века были такими уж мрачными. Культуры восточных стран, расположенных вне Европы, продолжали развиваться по своему пути, независимо от средиземноморских государств. Да и в Европе не везде царил мрак. Византия в течение всего Средневековья оставалась оплотом греческой культуры. Мавры оставили в Испании немалое культурное наследие. Да и в европейских странах, таких, как Италия и Англия, временами наблюдались всплески культурного развития.

Однако именно франки распространили по Европе мрак Средневековья. Жестокие и яростные воины, они целиком уничтожали завоеванные страны.

Их невежественность переходила всякие границы. Правящая знать привыкла воевать с той же легкостью, с какой купцы более позднего времени вели торговлю. Жизнь в Средние века была короткой и в мирное время, что уж говорить о бесконечных войнах. Обучение военному ремеслу было необходимо начинать с ранних лет. Поэтому франкские юноши хорошо обращались с мечом, но вовсе не умели читать или писать.

Грамотность была уделом церковных людей, да и то не всех. Воины по большей части происходили из франкских земель, а клирики рождались в семьях римлян. Поэтому навыки чтения и письма оставались привилегией побежденных. Для франка научиться читать и писать означало не только поставить под сомнение свою доблесть и мужество, но и вообще перестать быть франком.

Пока читать и писать умели только церковные люди, для того чтобы отличить настоящего священника от самозванца, достаточно было положить перед ним Библию и сказать: «Читай!»

Полнейшая безграмотность среди богатых людей и их неспособность к простейшим математическим действиям привела к тому, что они оказались не способны разумно управлять собственными владениями. Должно быть, они считали, что только вести учет и заниматься мелкими хозяйственными делами — недостойное занятие для настоящих мужчин. Поэтому контроль над экономикой, как сказали бы сейчас, перешел в руки грамотных людей. То есть священников. Их роль во Франкском государстве заметно возросла. До сих пор человека, который ведет учет чему-нибудь, мы называем словом «клерк». «Клерк» — это производная форма от слова «клирик», то есть церковный человек. Вспомните, есть клерки в городском управлении, есть банковские клерки.

Поскольку многие дороги были разрушены, хозяйство стало приходить в упадок. Города, процветавшие во времена Рима, постепенно зачахли. Они стояли наполовину заброшенные, как тени своего былого величия. То тут, то там еще жили какие-то люди, но городские здания разбирались на

строительные материалы. Если бы города были сильнее, они могли бы разбогатеть и стать подспорьем для короля в его борьбе со своевольными дворянами. Но этого не произошло.

Последние остатки городского богатства утекли к сельским жителям, а оттуда перекочевали к богатым землевладельцам. Крестьяне вернулись к тому способу хозяйствования, который существовал за тысячу лет до того, как пришли римляне. Люди опять жили только за счет сельского хозяйства. Жители деревни трудились в поле, потому что никакой надежды на то, что удастся добыть себе пропитание каким-то другим способом, у них не было.

Сообщение было настолько плохим, что исключало возможность перевозить продовольствие на большие расстояния, даже в случае опасности. В неурожайный год целые села вымирали от голода.

Даже если урожай выдавался хороший, способы его обработки были такими примитивными, что почти не удавалось что-то отложить на будущее. А кроме того, никак не удавалось обойти прожорливых нахлебников — землевладельцев-лендлордов и их солдат, которые не производили ничего, а занимались тем, что отнимали все у крестьян. Естественно, что люди голодали. Население непрерывно уменьшалось.

Мало того, каждый лендлорд устанавливал в своих владениях собственные порядки и не подчинялся никому, ни королю, ни соседнему лендлорду, даже если тот был выше его по рангу. Поэтому страна разбилась на отдельные островки почти независимых образований, которые беспрестанно воевали друг с другом. Все это отнюдь не добавляло радости крестьянам, а, наоборот, только пуще разрушало их и без того слабое хозяйство.

Неудивительно, что если землей правил жестокий и своенравный хозяин, то крестьяне стремились уйти в соседние владения, надеясь на более мягкое обращение. Землевладельцы были против этого, потому что с уходом людей в распоряжении хозяина оставалось слишком много пустующей земли — ее некому было обрабатывать. Вряд ли землевладельцы спокойно себя чувствовали, если бы крестьяне, от труда которых они питались и одевались, имели возможность по своей воле уйти от них. Такая свобода вынуждала бы лордов по-другому относиться к своим крестьянам.

Поэтому обычаи сложились так, что крестьяне были привязаны к своей земле, — им запрещалось покидать те земли, где они родились и работали. Таким образом, лендлорды образовали своего рода союз против крестьян для того, чтобы заставить их выполнять свои требования.

Нельзя сказать, что это было рабство, потому что за крестьянами были закреплены некоторые права. Лендлорд обязан был защищать их и брать ровно столько урожая, сколько позволяли обычаи. Но назвать этих крестьян свободными все равно нельзя. Поэтому их стали именовать «сервами» (от латинского слова «сервант» — «раб»).

И только при Карле Великом в сердце Франкской империи на долгие годы воцарился мир. Настолько надолго, что некоторые люди стали опасаться падения морали. Карл и сам этого боялся. Возможно, его ранние походы в Италию, где царили достаточно свободные нравы, укрепили его в том, что в любое время, мирное или военное, людьми необходимо править жестко.

Поэтому император франков приложил все силы, чтобы изменить существующее положение вещей, создать самую эффективную систему управления государством. Такая система управления должна была стать лучшей в Европе со времен правления Теодориха Великого, короля остготов, жившего за три столетия до этого.

Так, например, споры в то жестокое время разрешались при помощи очень простого варварского способа. Человек, которого подозревали в преступлении, должен был пройти через так называемый «суд Божий» — суровое испытание. Ему предстояло взять в руку кусок раскаленного железа или вытащить камень из котла с кипящей водой.

Если после этого испытания рука подозреваемого заживала в течение трех дней, что было очень маловероятно, его считали невиновным. Такие методы применялись в отношении простых людей. Фактически, даже если человек был невиновен, доказать свою правоту у него не было никаких шансов.

Для людей более знатных придумали испытание боем, во время которого два воина, каждый от одной из спорящих сторон, сражались друг с другом. Правым признавался победитель. Понятно, что кто сильнее, тот и оказывался прав.

Во времена Карла Великого такое положение вещей стало меняться. Развивалась судебная система, земельные споры передавались в ведение уважаемых людей, не только понимавших суть вопроса, но и присягавших судить по справедливости. Конечно, и здесь можно было дать взятку судье. Но согласитесь, что найти честного человека все-таки чуть проще, чем обнаружить кусок раскаленного железа, который не оставляет ожогов, если за него схватиться. Судебная система в ее современном виде стала формироваться именно тогда, со времен Карла Великого.

Очень мешало Карлу Великому отсутствие удобной системы сбора налогов. Возможно, он страдал от этого даже больше, чем его предшественники — Меровинги. Карл находился в зависимости от

лордов, что давало лордам слишком много власти над императором. Карлу пришлось отказаться от использования золотых монет, потому что они были неудобны для обращения в Европе. Взамен король ввел в обращение серебряные монеты. Он разделил фунт серебра на 240 равных частей. Каждая из этих монет стала называться денарий. И до до сих пор в английском фунте стерлингов 240 пенни, которые обозначаются латинской буквой «d», как денарий.

Немало сделал Карл и для родного города, Ахена. Он строил соборы и дома. В его правление Ахен стал, пожалуй, самым красивым городом в империи. Карл прекрасно понимал, что просто так ничего не бывает, поэтому постарался устроить школы, в которых учили читать и писать. Он понимал, что, даже если в этих школах обучат совсем немного людей, те сумеют распространить свои знания дальше.

Кто были первые преподаватели этих школ? Пожалуй, во всей Франкской империи не нашлось бы и десятка по-настоящему грамотных людей. Поэтому Карл постарался привлечь к своему двору преподавателей из других стран — из Италии, Англии и даже Испании.

В истории осталось имя англичанина Алкуина. Алкуин родился в Йорке, в Англии, приблизительно тогда, когда Карл Мартелл выгнал мавров из своего государства. Школа в Йорке — далекое подобие сегодняшних университетов — стала самой знаменитой на Западе. В 778 году Алкуин возглавил школу. В 781 году, в Риме, он встречается с Карлом Великим. Известность Алкуина и его научная репутация были столь велики, что Карл пригласил его в Ахен. Алкуин принял приглашение и основал школу при дворе императора франков.

Карлу так понравилась идея образования, что он и сам решил учиться, причем заставил посещать школу членов своей семьи и придворных. Для того чтобы школьники не чувствовали разницы в своем положении — ведь за одной партой с ними могли оказаться и император, и первый министр, — Карл придумал называть друг друга вымышленными именами, например, себя он называл Давид. И хотя придворные и члены королевской семьи находили учение чрезвычайно скучным занятием, вряд ли кто из них осмелился перечить императору.

Карл Великий прекрасно знал латынь и древнегреческий, но не более того. Поэтому, когда его секретарь, франк по имени Эйнхард, писал краткую биографию Карла Великого, он с большим удовлетворением отмечает его успехи в школе.

«Он освоил искусство вычисления при помощи цифр», — пишет Эйнхард. Это означало, что мудрый император выучился математике на уровне третьего класса. Конечно, в те времена, когда для счета пользовались римскими цифрами, считать на уровне третьего класса было не так просто, как нам сегодня представляется.

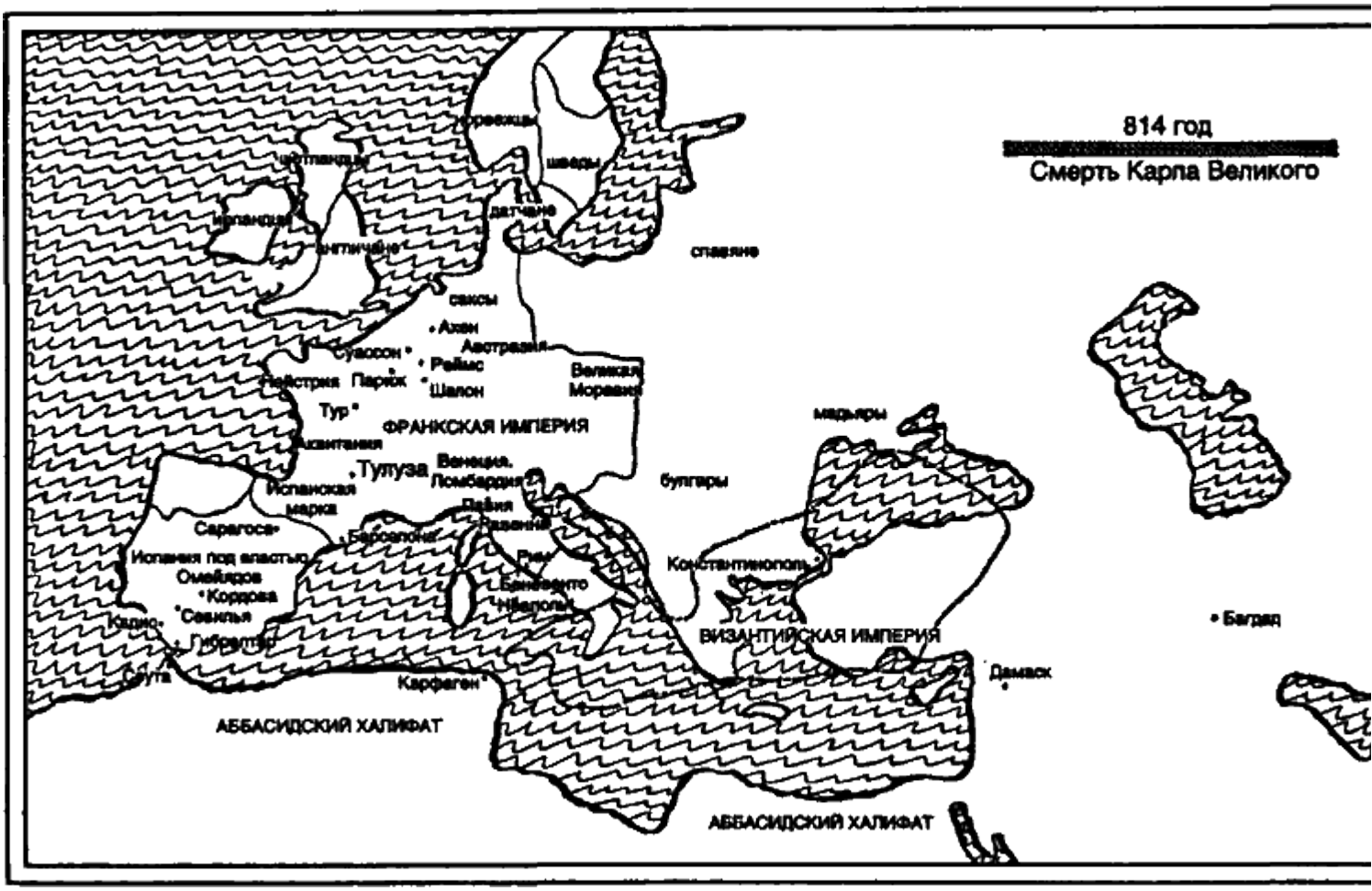
Еще Карл научился кое-как читать и отчаянно пытался научиться писать. Но это ему так и не удалось, несмотря на все усилия. Эйнхард пишет о том, что Карл даже в постель брал с собой таблички с буквами, по которым учился писать. Император клал их под подушку. Рано утром или посреди ночи, если вдруг просыпался, король вынимал свои таблички и упорно учился писать. Но это было очень трудное занятие для его больших, грубых солдатских рук, поэтому больших успехов Карл не добился.

Это время, когда император учился писать и читать, улучшал судебную и административную систему в государстве, называют «Каролингское Возрождение». Потому что тот слабый лучик света, который зажегся в Ахене, должен был, как надеялся император, осветить всю империю.

Карл отказался от стиля письма, принятого при Меровингах, потому что он был таким не разборчивым, что записи того времени читались с трудом. Более того, Карл предложил новую систему письма при помощи маленьких букв — так называемый Каролингский минускул. Буквы занимали меньше места, теперь на куске пергамента, очень дорогого материала, можно было написать намного больше слов. Маленькие буквы оказались такими удобными, что, несмотря на их размер, читать рукописи оказалось намного удобнее. Шесть столетий спустя эти буквы вдохновили первых печатников на создание типографских литер, а те, в свою очередь, послужили прообразом строчных букв, которые и по сей день используются в западных языках. Римляне на письме применяли только заглавные буквы[24].

Алкуин стал не только учителем Карла, но и его советником. Именно Алкуин удержал Карла от поспешного ответа папе Льву I, когда тот просил о помощи. Не получив ответа, папа вынужден был лично явиться к королю франков за помощью, о чем мы уже писали. Именно Алкуин убедил Карла отказаться от насильственного обращения саксов в христианство и изменить свое отношение к ним.

Однако ни Карл, ни его современники еще не были готовы к тому, чтобы принять настолько либеральные взгляды.



Если бы придворные Карла жаждали просвещения так же, как их император и Алкуин, свет, зажженный в Ахене, мог разлиться по всей Европе и гореть еще два столетия.

Но этому не суждено было случиться. Потому что после смерти Карла Великого началась череда междоусобных войн, одно нашествие варваров сменяло другое, и свет просвещения сначала распался на отдельные слабые огоньки, а потом начал гаснуть.

Но до конца не погас. Труды Алкуина не пропали даром. В Европе постепенно стали чтить ученых людей и образование.

Глава 8
Наследники Карла Великого

Легенда о Карле Великом

Карл Великий умер в 814 году в возрасте весьма преклонном для того времени. Ему было семьдесят два года. Он правил сорок шесть лет, дольше, чем любой из римских императоров (до Карла дольше всех правил Август — сорок пять лет). Ко времени смерти императора Франкская империя находилась в зените своей славы и могущества. Необыкновенно удачлив был Карл и в военных делах. Благодаря своей силе и благородству он прославился как самый великий король всех времен, великий король-завоеватель.

Мало кто может вспомнить властителей, правивших после Карла. Потому что такие короли, как он, нечасто рождаются на свет. И если наследники Карла думали так же, то они были правы, потому что пройдет семь веков, прежде чем появится правитель, который сможет влиять на Европу так же сильно, как Карл Великий. Этим человеком будет Карл V, но даже он окажется бледным подобием своего царственного тезки.

Мы должны понимать, что Карл жил в то время, когда историков в современном понимании этого слова еще не было, хроники писались редко, ведь умеющих читать было совсем немного. Поэтому новости и сообщения о разных событиях передавались из уст в уста. В давние годы очень любили сказания о святых, об их деяниях и чудесах, которые те творили. Поэтому нет ничего странного в том, что вскоре появились легенды о великом короле. Конечно же эти легенды имели мало общего с реальными событиями.

Люди представляли Карла Великого человеком необыкновенных способностей, светловолосым героем, которого окружали двенадцать великих рыцарей, паладинов. Словом «паладин» изначально обозначали чиновников при дворе. Поскольку в легендах это наименование перешло на рыцарей Карла Великого, со временем паладинами стали называть всех рыцарей — героев средневековых сказаний.

Самым знаменитым из паладинов Карла Великого был Роланд, по одной из версий племянник, а по другой — сын Карла Великого. Вторым по славе и известности был Оливер. Роланд и Оливер соперничали между собой, и, если один совершал подвиг, другой стремился не отстать от него. Дело кончилось тем, что соперники встретились в открытом бою на острове посреди реки Рейн. Пять часов герои сражались друг с другом, и ни один не мог одолеть другого. После битвы Роланд и Оливер помирились и стали верными друзьями.

Самая известная легенда о Карле Великом, созданная через три столетия после его смерти, посвящена его первому походу в Испанию. В то время Европа воевала с маврами, захватившими восточное побережье Средиземного моря, поэтому главными врагами в этой легенде выведены мавры. Первые успешные сражения Карла представляются как блестящие победы.

А сама легенда, состоящая из 400 строк, называется «Песнь о Роланде». Согласно «Песни», Карл завоевал всю Испанию, кроме Сарагосы. Это конечно же неправда.

На самом деле во время своего первого похода в Испанию, в бою при Сарагосе, Карл был отброшен назад, не захватив ни пяди земли. И до конца своей жизни Карл не завоевал ни клочка Пиренейского полуострова, за исключением узенькой полоски земли к югу от Пиренеев.

В «Песни о Роланде» рассказывается о том, что Карл Великий, дойдя до Сарагосы, решил заключить мир. С этой целью он посылает рыцаря Ганелона к маврам. Ганелон должен изложить условия, на которых Карл предлагает мир. Если мавры согласятся, франки отступят обратно, за Пиренеи. Ганелон был отчимом Роланда. Между ним и пасынком разгорелась смертельная вражда. Именно Роланд предложил Карлу отправить Ганелона посланцем в лагерь мавров. Ганелон, естественно, заподозрил, что Роланд таким способом хочет избавиться от него. Поэтому он решил уничтожить Роланда раньше. Ганелон рассказал предводителю мавров в Сарагосе, по какой дороге пойдут франкские войска, и убедил его напасть в горном ущелье на арьергард.

Арьергардом франкской армии командовали Роланд и Оливер. Они шли через узкое Ронсевальское ущелье, когда со всех сторон на них хлынули полчища мавров. У Роланда был чудесный рог. Стоило ему затрубить в этот рог, как король Карл и основные войска спешили ему на помощь. Оливер принялся уговаривать Роланда дунуть в рог, но гордый Роланд отказался просить помощи. Его маленькая армия сражалась с невероятным мужеством, победив несметное количество врагов, пока в живых не осталось только пятьдесят солдат.

Тогда Роланд все-таки подул в свой рог. Но было слишком поздно. Всех его товарищей перебили. Последним в бою пал рыцарь Роланд, паладин Карла Великого. Карл все же услышал звук рога и повернул войска. Он пришел в ущелье, чтобы оплакать своих верных солдат и отомстить за их смерть. Разгромив несметные полчища мавров, король франков устроил суд над Ганелоном и велел казнить предателя.

Мы, конечно, понимаем, что «Песнь о Роланде» основана на реальных исторических событиях и действительно рассказывает о разгроме арьергарда франков в Ронсевальском ущелье. Как уже говорилось в предыдущей главе, среди франкских офицеров действительно был молодой человек по имени Роланд. Вот только не с маврами-мусульманами воевали доблестные франки, а с басками-христианами. Однако об этом благополучно забыли — ведь «Песнь о Роланде» была написана в ту эпоху, когда начинались Крестовые походы. Поэтому весь акцент «Песни» смещен в сторону борьбы христиан против неверных.

Не только Роланд являлся героем средневековых поэм, посвященных Карлу Великому и его паладинам. Другим героем является рыцарь Ожье Датский. По общему мнению, он был сыном датского короля, хотя никаких исторических подтверждений не найдено. На самом деле во времена Карла Дания вообще находилась вне пределов Франкской империи. Более того, датчане помогали саксам бороться против франков, а когда король саксов Видукинд отступал, предложили ему убежище.

Несмотря на это, Карл так и не предпринял попытки захватить Данию. Саксы оказались для него достаточно крепким орешком, чтобы просто так перешагнуть через них и наткнуться на еще одного свирепого врага — датчан. Поэтому Карл ограничился тем, что занял на датской границе оборонительную позицию.

Как бы то ни было, но датчане верили в мифического датского принца Ожье и сотворили из него национального героя по имени Хольгер Датский.

«Песнь о Роланде» породила бесконечное число других легенд и сказаний о Карле и его паладинах, которые известны под общим названием героических сказаний. Позднее героические сказания превратились в истории о приключениях странствующих рыцарей. В этих историях не было ни слова правды, поэтому через восемь столетий после смерти Карла Великого гениальный испанский писатель Мигель де Сервантес положил им конец, высмеяв истории о странствующих рыцарях в своем романе «Дон Кихот».

Сын Карла Великого

Еще при жизни Карл Великий собирался последовать старому обычаю франков и разделить свою империю между сыновьями. Напомним, что так всегда закладывались поводы для междоусобицы. У Карла было три сына: Карл, Пипин и Людовик. Заботливый отец хотел, чтобы каждый из них унаследовал часть империи.

Каждый из сыновей Карла с юных лет успел повоевать. Пипин, при жизни своего отца назначенный королем Ломбардии, ходил войной против Византии. Карл дрался с аварами на востоке. Младший сын императора, Людовик, родился в 778 году и стал королем Аквитании в 781 году, трех лет от роду. Он отвечал за военные действия, которые привели Испанскую марку под императорский скипетр Карла; Людовик командовал армией, осадившей Барселону.

Естественно, чем больше становилась империя, тем острее вставал вопрос о титуле императора. Если империю унаследуют три сына, то кто из них станет императором? Самому императору Карлу этот вопрос сложным не представлялся. Свой императорский титул он не воспринимал настолько серьезно. Поэтому в 806 году Карл подготовился к разделу империи, создав три фактически независимых королевства для своих сыновей. При таком положении вещей наличие императора не предусматривалось.

Но Карл Великий прожил слишком долгую жизнь и стал свидетелем смерти двух из своих сыновей. В последний год при нем оставался только один сын, Людовик. Это был человек средних лет, которому исполнилось сорок пять лет. Таким образом, вопрос об императорском титуле был решен окончательно. Людовик, единственный оставшийся в живых сын, полностью унаследовал империю и, соответственно, титул.

Тем не менее, Карл не собирался повторять ошибок собственной коронации. Лев III, короновавший Карла Великого более чем за десять лет до этого, все еще был на Святом престоле. На коронацию Людовика его не пригласили. Людовика привезли в Ахен, и там в присутствии Карла Великого, а не папы наследник престола короновал самого себя и стал императором наравне с отцом. Вывод напрашивался сам собой. Наследник престола стал императором без вмешательства папы. Папа Лев не посмел возражать.

В следующем году император Карл Великий умер. На трон взошел император Людовик I, единоличный правитель империи. Сложностей не возникло. Кто посмеет оспорить право на престол, если на нем законный наследник?

Людовик взошел на трон, а за его спиной маячила грозная тень его отца. Жизнь новоиспеченного императора была в безопасности.

Ему не пришлось осваивать сложную науку дворцовых интриг Франкского королевства времен междоусобицы. Другие претенденты на трон, готовые в буквальном смысле перерезать друг другу глотку в борьбе за власть, ему не грозили. Это не дало Людовику превратиться в жестокого и подозрительного средневекового короля. Глубоко верующий человек, который старался прожить свою жизнь согласно заповедям Христа, в историю он вошел как Людовик Благочестивый.

Людовик действительно был благочестив, поэтому ему пришлось столкнуться с определенными трудностями. Франкские нобили, отнюдь не привыкшие к добрым королям — им была нужна железная рука, — не знали, смеяться им над новым императором или презирать его. Наверное, они поступали и так и этак.

С одной стороны, набожность Людовика вынуждала его с большим почтением относиться к церкви и подчиняться воле духовенства, которое прекрасно знало, как сыграть на благочестии императора. Однако безвольной марионеткой Людовик тоже не был: император провел несколько реформ, в том числе и монастырские реформы, которые не всем клирикам пришлись по нраву. Нобили считали столь уважительное отношение к церковникам проявлением слабости. С этим нельзя было не считаться, даже

Карл Великий не пренебрегал их мнением. В последние годы его правления железная рука несколько ослабела: власть частично перешла к самым влиятельным нобилям, державшим под своим контролем не только земли, но и солдат и деньги, без которых ни одна война не состоится.

Правда, один благочестивый поступок Людовика действительно полностью шел вразрез с интересами имперской власти. Людовик поставил себя в зависимость от папы.

Папа Лев умер в 816 году, на второй год правления Людовика. Его наследником стал Стефан V. Новый папа не снискал себе популярность среди жителей Рима. Стефан понимал, что может так случиться, что своенравные римляне прогонят его, поэтому он решил заручиться помощью франков, чтобы знать, что в случае чего он получит там помощь. Стефан поклялся в верности императору и заставил римлян сделать то же самое.

Папа и император встретились в том же году в Реймсе, городе в ста пятидесяти километрах к востоку от Парижа. Если бы Людовик был таким же жестким монархом, как его отец, если бы набожность не застила ему глаза, он бы понял, что положение Стефана весьма плачевное и ему необходима поддержка императора. Если бы Людовик был таким же мудрым политиком, как его отец, он бы пообещал папе помощь только в обмен на признание папы, что наследникам франкской короны вовсе не следует обращаться за императорским титулом в Рим. Если бы Людовик так поступил, он полностью избавился бы от зависимости от папы.

Но он так не поступил. Более того, не папа сдавался на милость императора, а Людовик просил о милости папы… Он приветствовал папу со всей покорностью, простершись перед ним, будто блудный сын, молящий о прощении. Между тем Людовик уже три года был императором. Напомним, он короновал себя сам, под зорким оком своего отца. И его императорский титул признавали все, даже папа. Таким образом франкские императоры продемонстрировали свою полную независимость от римских пап. А теперь своими действиями Людовик полностью перечеркнул все, что было достигнуто его отцом.

Стефан короновал его повторно в соборе Реймса, там, где когда-то, за триста двадцать пять лет до этого, Хлодвиг и его солдаты были крещены по римско-католическому обряду. Город Реймс становился дважды святым: здесь крестили Хлодвига, здесь короновали императора франков. И тысячу лет после Людовика Благочестивого здесь будут короновать монархов.

Преклонив колени перед папой, Людовик утратил всякую власть над ним, получив взамен лишь пустые императорские регалии. Себя самого он называл только «император» и никогда «король франков и ломбардов» — титул, который его отец гордо носил до конца своих дней.

Людовик Благочестивый был не только благочестивым человеком, но и любящим супругом и отцом. Его жена Ирмингард подарила ему троих здоровых сыновей: Лотаря, Пипина V и Людовика.

Вскоре после повторной коронации, когда Людовик действительно почувствовал себя императором, он решил подготовиться к разделу империи на случай своей смерти.

Волей судьбы его отцу Карлу Великому не пришлось делить империю между сыновьями. Однако Людовику предстояло это сделать. Он разделил владения между своими сыновьями, дав каждому то, что ему причитается. Разделения на три независимых королевства, как когда-то планировал Карл Великий, не произошло. Этого и не могло случиться, потому что Людовику, в отличие от его отца, предстояло решить, кто будет наследовать императорский титул. Если в его империи должно было быть три короля, то император мог быть только один.

Встретившись с нобилями, в 817 году Людовик провозгласил будущим императором и главным наследником своего старшего сына, Лотаря, в то же время сделав его своим соправителем; он же известен под именем императора Лотаря I. Людовик и Пипин сделались второстепенными королями в противоположных концах империи: Пипин получил трон Аквитании, а Людовик — Баварии. С тех пор как Людовик-младший стал править землями, которые находятся на территории современной Германии, его стали называть Людовик немецкий, чтобы не путать с отцом.

Надо сказать, что младшие сыновья Людовика Благочестивого получили хороший кусок пирога — ровно столько, сколько им причиталось, в зависимости от возраста и заслуг. Поэтому они отнеслись к разделу империи благожелательно.

В это время Лотарь выполнял свои обязанности соправителя отца, будущего императора, в Италии, где его позиции весьма укрепились, когда в 823 году его помазал на царство новый папа — Паскаль I, наследник Стефана.

В 818 году королева Ирмингард умирает. Людовик Благочестивый глубоко горевал о смерти своей супруги. Но через четыре месяца вновь женился на баварской принцессе по имени Юдифь. Юдифь была молода и хороша собой, поэтому старый император влюбился в нее, как мальчишка. В 823 году она родила ему сына, которого назвали Карлом в честь его деда.

Однако случилось непредвиденное. Юдифь никак не могла понять, почему четвертый сын Людовика и ее единственный сын не имеет равных прав со своими братьями. Почему у мальчика не может быть пусть маленького, но собственного королевства?

В 829 году ей удалось убедить своего мужа в справедливости своих требований. Бедный император был вынужден вновь собрать нобилей и объявить о том, что от имперских земель будет отрезан еще один кусок — королевство для его младшего сына, мальчика Карла.

И с этого момента начались неприятности.

Внуки Карла Великого

Соправитель Людовика, его старший сын Лотарь, встретил новый передел империи с ожесточением. Он считал, что его лишают власти над большой частью империи, его достоинство императора и будущего наследника трона ущемляется. Поэтому он яростно возражал против нового передела земель. В какой-то момент Людовик Благочестивый обнаружил, что окружающие его старшие сыновья отнюдь не восторге от поступков своего отца...

Наверное, их можно понять. Взрослым детям может не понравиться, если их старый отец пляшет под дудку девушки, которая моложе, чем они. Понятно, что и к младшему брату они не будут испытывать теплых чувств. Он станет для них чужаком и соперником. Франкские нобили тоже стали на скользкую дорожку противостояния императору. Многие почувствовали возможность поживиться, ведь любая междоусобная война — это прибыль. Военная сила — это товар, который можно выгодно продать в обмен на обещания, укрепив, таким образом, собственное влияние за счет императорской власти. Именно это сгубило когда-то власть Меровингов, да и Карл Великий с трудом удержал в узде непокорное дворянство. Нобили, связанные родственными узами с первой и второй женой Людовика Благочестивого, видели в междоусобной войне возможность откусить свой кусок от пирога.

Поэтому не было недостатка в советчиках, которые принялись убеждать Лотаря не мириться с подобной несправедливостью, а добиться своего силой. В конце концов Лотарь поддался их уговорам и, отбросив сыновнюю любовь, в 830 году вместе с младшими братьями повел армию против отца.

Сначала он добился успеха. Лотарю удалось взять в плен отца, его молодую жену и сына. После чего он отослал их в разные монастыри. Это был большой шаг в сторону гуманизма. Король из династии Меровингов наверняка убил бы молодую женщину с ребенком, а возможно, и старика императора в придачу.

Так получилось, что сыновья Людовика Благочестивого готовы были удовольствоваться согласием отца принять монашеский постриг. Пойди Людовик на это, трон стал бы свободным, о Юдифи и маленьком Карле позаботились бы, а империя была бы поделена так, как это планировалось с самого начала, то есть в 817 году.

Однако Людовик отказался. Слово «император» по-прежнему оказывало на людей магическое воздействие. На стороне императора все еще оставались преданные солдаты, которые чтили сына Карла Великого. Людовика любили и простые люди. Но самое главное, на его стороне было все франкское духовенство.

Поэтому Людовику удалось выйти на свободу и вновь собрать нобилей. Он встретился с ними в Австразии, где его позиции были наиболее сильными. Заседание, или, говоря по-научному, генеральная

ассамблея, состоялось в городе Неймайгене, который находится на территории современной Голландии. Во время генеральной ассамблеи было достигнуто соглашение, по которому маленький Карл получал собственное королевство. Юдифь вновь обрела статус жены императора. Таким образом, все завоевания трех старших сыновей Людовика пропали даром.

Людовик был очень огорчен собственным заточением и поведением своих сыновей. И то, что раньше он намеревался сделать с большой неохотой, он сделал сейчас с утроенной энергией. В 833 году в порыве гнева, вызванного, как считал сам Людовик, враждебностью его второго сына, Пипина, он лишает его наследства и присоединяет Аквитанию к королевству маленького Карла.

Это означало только одно: пора вновь брать в руки меч, седлать коня и готовиться к новой войне с собственными сыновьями. На сей раз позиции Людовика были хуже, чем до этого. Даже духовенство было недовольно им, потому что было понятно, что упрямство и капризы Людовика приведут к расколу империи, а церковь этого не хотела. Духовенство западной церкви, духовной вотчины папы, почувствовало большую опасность в расколе империи. Случись так — и оно оказалось бы между двух огней: мавров на западе и византийцев на востоке.

Лотарь, старший сын Людовика, все еще правивший Италией, постарался воспользоваться этим преимуществом и обратить недовольство клириков себе на пользу. Он попытался уговорить нового папу, Григория IV, повлиять на Людовика, чтобы старик отрекся от престола. Папа, который и так старался лавировать между Людовиком и его сыновьями, был не готов пойти так далеко. Однако размышлять и принимать самостоятельные решения ему не дали. Лотарь собрал войска и готовился вместе со своими братьями начать новую войну против отца. Папе предложили присоединиться к братьям, продемонстрировав очень убедительный аргумент в виде вооруженной до зубов армии. Отказаться от такого предложения было невозможно. Поэтому папа, смирившись, собрался в поход.

И вот в 833 году две армии встретились недалеко от Кольмара — города, расположенного на территории современного Эльзаса. Тогда Кольмар находился в самом центре Франкской империи.

К своему ужасу, солдаты Людовика увидели во вражеском лагере римского папу собственной персоной. Разве можно поднять меч против папы? Разве не обрекут они себя тем самым на вечные муки в аду? Императорская армия бросила бедного Людовика, и он был взят в плен. После того как подданные бросили своего императора на поле боя, что считалось ужасным преступлением в Средние века, это место стали называть Полем Лжи.

Второй раз за три года Людовик оказался в заточении. На сей раз за ним следили намного строже. Людовика обвинили в многочисленных преступлениях, принудили признать свою вину и пройти через унизительный обряд покаяния. На императора наложили епитимью и даже принудили отказаться от трона. После этого Людовика стали убеждать принять постриг, от чего он отчаянно отказывался. Пока монашеский капюшон не опустился на его голову, у него сохранялся хоть какой-то шанс вернуть себе императорскую корону.

Но его надежды были всего лишь плодом больного воображения. Трое сыновей императора были в силе и поделили империю так, как это было сделано в 817 году. Императором был Лотарь. А дальше произошло то, что старый Людовик, возможно, предчувствовал. Трое молодых королей были способны объединиться для того, чтобы справиться со своим отцом, однако были ли они способны жить в мире и дальше, после победы?

Будучи императором, Лотарь рассчитывал чувствовать себя полновластным правителем всей империи. Королевства его братьев, Пипина и Людовика, были лишь частью его владений. Пипин и Людовик, которые лишь позже присоединились к войне Лотаря против своего отца, теперь были готовы повернуть коней и пойти войной на старшего брата.

Началась новая междоусобная война. Духовенство, которое отвернулось от Людовика Благочестивого в надежде, что этим удастся достигнуть мира, вновь обратилось к нему, убедившись, что с воцарением Лотаря на троне мир в империи так и не наступил.

Людовик Благочестивый был оправдан, обвинения с него сняты, после чего часть епископов вновь провозгласили его императором. Младшие сыновья, Пипин и Людовик, быстро присоединились к отцу в его борьбе против старшего, Лотаря, на которого они быстро возложили вину за предательство.

Весной 834 года Людовик вернулся в Ахен, где воссоединился со своею женой Юдифью и сыном Карлом. Нельзя сказать, что на этом все успокоилось, но положение дел было намного лучше, чем ожидалось. Людовик Благочестивый простил своих сыновей. Лотарь вновь вернулся в Италию, младшие дети в свои королевства. Если прежние ссоры и не были до конца забыты, то, по крайней мере, дети больше не затевали открытой войны против отца.

В 838 году умер Пипин, и Людовик решил, что ему вновь представился шанс все изменить. Можно было вернуться к разделу империи, действовавшему в 817 году, когда земли получили все, кроме самого младшего, Карла. Карл должен был занять место умершего Пипина в Аквитании. Разве это не было

решением, которое устраивало все стороны? Лотарь с мрачной неохотой согласился. Наверное, он думал, что его отец уже стар — Людовику было за шестьдесят — и ждать оставалось недолго.

Он был прав. В 840 году после трудного царствования, продлившегося более четверти века, Людовик Благочестивый покинул этот мир. Он умер, оставив империю целостной, по крайней мере внешне. Потому что междоусобные войны, как в прошлом, так и в будущем, были ее бедствием.

Плохо было то, что значимость императорского титула оказалась сильно понижена. После того как Карл Великий облагородил и возвысил этот титул, а его сын показал миру императора, отрекающегося от престола, сидящего в заточении, признающегося в своих грехах, свергнутого...

Положение дел было таким же, как и семь лет назад, до отречения Людовика от престола. Вновь на троне в Ахене сидел его старший сын, правивший как император Лотарь I. На противоположных концах империи, в своих королевствах, правили младшие братья. Людовик немецкий в Баварии, а на месте умершего Пипина юноша Карл, их единокровный брат. Впоследствии Карл, король Аквитании, войдет в историю под именем Карл Лысый.

Все это не мешало Лотарю считать себя единоличным правителем всей империи, а его младшим братьям придерживаться своих убеждений. Они не собирались гнуть спину ни перед кем, даже перед императором — старшим братом. Таким образом, смерть Людовика Благочестивого оказалась поводом к очередной междоусобной войне.

Лотарю пришлось воевать на два фронта: с востока на него напал Людовик, а с запада — Карл. Лотарь был из тех военачальников, которые способны расправиться с противником. Чтобы нарастить силу, младшие братья объединились. 25 июня 841 года, ровно через год после смерти Людовика Благочестивого, в местечке Фонтенуа-ан-Пюизей, в ста двадцати километрах к юго-востоку от Парижа, состоялось сражение.

Духовенство поддерживало Лотаря, видя в его победе последний шанс на объединение империи. Но судьбе было угодно иное, и Лотарь проиграл. Западная и восточная части империи развивались настолько по-разному, что вряд ли могла найтись сила, которая соединила бы их вместе.

Это стало особенно очевидно, когда в 842 году армии двух братьев-союзников, Людовика и Карла, принесли друг другу клятву в верности. Это произошло после того, как младшие братья одолели Лотаря в битве при Фонтенуа-ан-Пюизей. Лотарь был наголову разбит. Спасти его могла только ссора между победителями. Поэтому клятва была призвана не допустить этого. Она прозвучала в соборе Страсбурга на двух языках: солдаты Людвига клялись на старонемецком языке, солдаты Карла — на старофранцузском.

Отличия между западными и восточными франками были настолько велики, что они не понимали язык друг друга.

В тот же месяц Лотарь был вынужден сдаться. Парламентарии трех братьев встретились в городе Вердене, чтобы подписать договор — первый из великих договоров, заключенных в Европе. Более того, этот договор определил контуры границ современной Европы. В договоре говорилось о том, что братья-победители увеличивали свои королевства за счет земель своего старшего брата, императора Лотаря.

Людовик немецкий получил власть не только над Баварией, но и над землями между Рейном и Эльбой. Границы его королевства точно очерчивали границы современной Австрии и западной части Германии. Королевство Людовика немецкого, пожалуй, можно назвать Восточно-Франкской империей. Но если посмотреть на него с точки зрения исторической перспективы, то мы увидим, что эти земли стали зародышем государства, которое в современном мире называется Германия.

Карл Лысый правил не только Аквитанией, но и Нейстрией. Эти земли можно условно обозначить как Западно-Франкскую империю. Из этого королевства выросла современная Франция. В более поздние века Карл Лысый был включен в список французских королей под именем Шарль II. Шарлем I, императором и королем Франции, соответственно, был Карл Великий. Людовик немецкий римской нумерации не удостоился. В тот период истории ее чаще использовали для императоров, чем для германских королей.

Теоретически и Людовик, и Карл продолжали подчиняться императору Лотарю. Естественно, что ни тот ни другой не собирались этого делать, потому что стояли во главе независимых держав. Лотарь все прекрасно понимал. Однако в Верденском договоре было ясно написано, что титул императора наследует старший брат. Поэтому Лотарю причитались земли, расположенные между двумя неимоверно разросшимися королевствами младших братьев.

Королевство Лотаря представляло собой неровный клин земли, простиравшийся от Северного моря до Центральной Италии. Оно включало в себя Ахен и Рим, новую и старую столицу империи. Географическое положение этого королевства было очень неудобным, в нем не было единого языка и культуры. Оно не было ни немецким, ни французским и скорее напоминало кость, брошенную между двумя псами. Так оно и было, потому что одиннадцать столетий между Францией и Германией не прекращался спор за эти земли.

Мавры и викинги

После 843 года междоусобицы во Франкском королевстве закончились и воцарился относительный мир. Однако и в период бесконечных междоусобиц и распрей Людовик Благочестивый старался продолжать дело, начатое его отцом, — Каролингское Возрождение. Ученые, трудившиеся при королевских дворах, получали поддержку, особенно при дворе Карла Лысого. Несмотря на это, свет, зажженный Карлом Великим, гас. Одна междоусобная война сменяла другую — не самая подходящая атмосфера для науки.

Хуже всего было то, что во время, когда все силы франков уходили на братоубийственные распри, на горизонте замаячила новая опасность.

После смерти Никифора, императора, воевавшего против Карла Великого, Византийская империя ослабла. Она потеряла власть над Средиземным морем. У франков этой власти не было никогда. Поэтому море досталось маврам, которые быстро захватили все североафриканское побережье.

Справедливости ради надо сказать, что гигантское государство мавров тоже распалось на части. Но даже его отдельные части были сильнее, чем христианские королевства.

Например, Испания под властью мавров. Смирившись с потерями земель, завоеванных Карлом Великим, она была опустошена целой чередой междоусобных войн. Следствием этого стало бегство пятнадцати тысяч мавров. Они направились в Египет и взяли в осаду Александрию. После этого мавры заявили, что не снимут осаду, пока им не предложат кругленькую сумму денег на обратную дорогу. Получив требуемое, они погрузились на корабли и в 826 году высадились на византийском острове Крит. Мавры захватили остров и основали там свое королевство, которое на полтора столетия стало раем для пиратов и работорговцев.

Случались дела и похуже. Византийский наместник на Сицилии, жаждущий императорской власти, обратился за помощью к маврам, живущим в Тунисе, где когда-то был легендарный Карфаген. Тунисом уже четверть века правили эмиры из династии Аглабидов, названные так по имени первого из них, Ибрахима ибн аль-Аглаба, который не испугался грозных соседей — Аббасидов.

Аглабиды конечно же с радостью откликнулись на призыв византийского наместника, и в 827 году их армия высадилась на Сицилии. Понятно, что мавры вовсе не собирались выполнять функции наемников, которые за вознаграждение пришли на помощь византийцам. Нет. Они высадились на Сицилии, чтобы захватить остров. Наверное, такой поворот событий относится к одному из наиболее часто повторяющихся уроков, которые преподносит нам история. К чужеземцам обращаются за помощью в междоусобной войне, и они приходят. Но вовсе не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы захватить понравившиеся земли. Как часто это происходит и в наши дни!

Шаг за шагом мавры завоевывали остров, несмотря на отчаянное, но безнадежное сопротивление византийцев. Франкам, занятым своими междоусобными войнами, до Сицилии не было дела. И к тому моменту, когда они наконец-то подписали Верденский договор, войска арабов почти полностью захватили Сицилию.

Несмотря на это, было бы несправедливо обвинять византийцев, будто они слишком быстро сдались под ударами мавров. Бои продолжались еще сто лет. Последняя византийская твердыня на

Сицилии пала не ранее 965 года. Так минуло три, а точнее, четыре века с того момента, как Велисарий захватил власть на Сицилии, и до того дня, когда последний византийский солдат покинул ее берега.

Два с половиной столетия остров был под властью мусульман. Мусульманская культура оставила заметный след не только на Сицилии, но и в Испании, где власть арабов продолжалась в течение всего Средневековья.

Но арабы вовсе не собирались ограничиваться Сицилией. Закрепившись на острове, они принялись совершать набеги на Италию. В 837 году мавры разграбили Неаполь, а в 839 году добрались даже до Анконы на Адриатическом побережье, которая принадлежала франкам, а позднее вошла в состав королевства Лотаря.

В 840 году мавры отважились на большее, чем просто набег. Воспользовавшись своим преимуществом на море, они захватили города Бари и Таранто, выставив на пятке итальянского «сапога» свои форпосты. Таким образом византийцы, закрепившиеся на носке «сапога», на территории некогда ломбардского княжества Беневенто, оказались в большой опасности. А мавры между тем пошли еще дальше: они выставили гарнизоны в устье Роны — реки, расположенной на юге современной Франции.

Арабы угрожали с юга, но на севере европейцев ждала еще более серьезная опасность. Завоеватели-арабы были цивилизованными людьми, более цивилизованными, чем их современники европейцы. Они были беспощадны к своим врагам, но не более беспощадны, чем франки.

Но на севере европейцам пришлось столкнуться с совсем другим противникам. Там появились свирепые морские разбойники, не имевшие ни малейшего представления о культуре и цивилизации. Наверное, готы и франки, жившие за несколько столетий до описываемых нами событий, были не менее дикими, но с тех пор прошло так много времени, что потомки тех варваров уже не помнили, какими были их предки. Поэтому северные дикари повергли европейцев в ужас.

Эти дикие люди пришли из Скандинавии, из тех земель, где сейчас находятся современнее Дания, Швеция и Норвегия, страны, являющиеся образцом мира и благополучия в современной Европе. Но вернемся во времена Каролингов: одних людей заставило покинуть родные места перенаселение, другие бежали от междоусобиц и поражений, третьих в путь гнала жажда приключений и наживы.

Дикари явились с севера, поэтому франки называли их «норманнами» — северными людьми. Сами себя норманны называли «викинги», что означало «воины».

Викинги совершали набеги на юг и запад Европы. Они приплывали летом, грабя прибрежные поселения, дерзко нападая на города, расположенные на берегах рек. По рекам викинги поднимались на своих легких ладьях. Они приходили за золотом и женщинами и предавались убийству и разврату с легкостью, приводившей в ужас их жертвы.

Во времена Карла Великого викинги преимущественно нападали на Англию и соседние острова, которые в силу своего географического положения намного лучше подходили для грабежа, чем Европа. Рассказывают, что однажды Карл Великий, стоя на берегу моря, наблюдал за ладьей викингов, видневшейся на горизонте. Внезапно король расплакался, потому что ему представилось, что однажды эти свирепые дикари разграбят его земли. Без сомнения, это более поздняя версия рассказов из жизни франкского короля — истории всегда требуются подобные легенды.

Людовик Благочестивый и его сыновья, если бы они только прислушались к словам своего деда и отца, могли не только построить крепости и наблюдательные посты на севере своей державы, но и обзавестись собственным военным флотом. Но они не сделали ни того ни другого. Вместо этого они воевали друг с другом. И когда викинги попробовали высадиться на северных окраинах Европы, они с радостью для себя обнаружили, что никто не защищает эти земли. Ни крепостей, ни воинов там не оказалось, только несчастные люди, которые тихо молились: «От неистовства норманнов избавь нас, Господи!» Помощи им ждать было неоткуда.

Почти сразу после подписания Верденского договора на север королевства франков обрушились свирепые орды викингов. В 845 году флот из норманнских кораблей поднялся по Эльбе до Гамбурга. Город был дочиста разграблен и почти полностью уничтожен. Все жители, кто не успел убежать, были убиты. Другой флот добрался по Сене до Парижа, где викинги учинили подобный разбой.

На протяжении более полувека, начиная с 825 года, каждое лето вдоль европейского побережья шли корабли норманнов, неспешно выбирающих себе очередную мишень для грабежа.

Богатое западное побережье было конечно же одним из самых лакомых кусков для них. Викингам удалось дойти даже до Средиземного моря.

Казалось, что короли династии Каролингов после Верденского договора начисто утратили боевой дух своих предков. Встретиться лицом к лицу с безжалостными варварами они не решались. Вместо этого они пользовались другим оружием — серебром, откупаясь от викингов везде, где только можно. Этого выкупа обычно хватало не больше чем на год.

Набеги норманнов разрушили последние надежды франков на центральную власть. Люди были брошены на произвол судьбы безо всякой защиты со стороны государства. Тут и там нобили запирались в своих замках вместо того, чтобы объединиться и отразить нападение врагов. Крестьяне просились под защиту крепостных стен, обещая взамен служить господину.

Тенденция распада империи на маленькие удельные княжества, зародившаяся еще во времена Римской империи, достигла своего апогея. В представлении обычных людей король был не больше чем символ. Их истинным господином, которого они боялись, почитали, а порою любили, был хозяин ближайшего замка, окруженного мощными стенами, за которыми они могли укрыться в случае набега викингов.

В более поздние века, когда период распада миновал, была создана целая историческая концепция, объяснявшая такое поведение людей. В XVIII веке французские ученые предложили термин «феодализм». Слово «феодализм» происходит от старогерманского слова «феод», в переводе означавшего «собственность». Как видно из названия, феодализм — это такая система землевладения, при которой единственным источником благосостояния является обладание крупным земельным наделом — «феодом».

Теоретически вся земля в государстве принадлежала королю, владевшему всем национальным богатством. Король, в свою очередь, делил землю на «феоды» — крупные поместья, которыми он жаловал нобилей, бывших его вассалами. Слово «вассал» пришло из древнего кельтского языка и означает «слуга».

Вассалы короля делили свою землю между более мелкими дворянами, которые служили им.

Вассальная служба заключалась в точно определенных обязанностях вассала по отношению к своему господину, или, правильнее сказать, сеньору. Например, вассал был обязан по первому требованию предоставить своему сеньору определенное количество вооруженных людей для его защиты. Вассал должен был быть всецело предан своему сеньору. Если он этого не обеспечивал, сеньор мог лишить его земли — феода (если сеньор был достаточно могущественен, чтобы сделать это).

С одной стороны, такая феодальная схема была очень удобной. Потому что она требовала от вассала верной службы и преданности одному конкретному сеньору, а не кому-то или чему-то абстрактному, например народу, партии или даже королевской семье.

Теоретически феодальная система выглядела как лестница, охватывавшая все без исключения слои средневекового общества. На нижней ступеньке этой лестницы стоял крестьянин-серв, в то время как на самой вершине был император. В представлении средневековых людей эта иерархия простиралась еще выше: от императора к небесным царствам, где существовала своя иерархия ангельских чинов с Господом Богом на вершине.

Однако на деле эта идеальная схема не работала. Вассалы воевали друг против друга и против своих сеньоров, что полностью противоречило стройной теории о феодальной лестнице. По-прежнему действовало правило: кто сильнее, тот и прав. Многие вассалы имели земельные владения в разных местах, пожалованные разными сеньорами. Если бы кому-то пришло в голову составить карту земельных владений того времени, она больше всего напоминала бы шахматную доску.

Поэтому система, в теории кажущаяся совершенно четкой и ясной, оказалась непригодной. На деле она служила лишь дополнительным поводом для междоусобных войн.

Обидно, потому что, если бы реальность соответствовала теории, феодализм был бы достаточно удобен с психологической точки зрения. Каждый человек имел бы свое четко определенное место в социальной и экономической среде. Получилось бы единое общество, чем-то напоминающее большую семью.

На деле же выходило так, что при феодализме каждая часть общества была вынуждена самостоятельно кормить и защищать себя. Поэтому феодализм оказался абсолютно негодной социальной системой при вполне благоприятных условиях.

Когда набеги викингов прекратились, а власть стала более стабильной, возникла потребность в ее централизации. Править должен был кто-то один, чтобы между вассалами и сеньорами выстраивалась четкая зависимость. Это дало бы возможность правильно использовать богатства земли и увеличить благосостояние. Однако в то время, о котором мы рассказываем, феодальные традиции укоренились настолько глубоко и стали настолько привычными, что средневековые люди воспринимали их как данные Богом. Нет такой традиции или обычая, которые со временем не становились бы совершенно бесполезными. Тем не менее, люди упорно продолжают соблюдать их, просто потому, что «так принято».

В результате этого история Европы в течение многих веков демонстрировала попытки короля справиться с непокорными дворянами, свято придерживавшимися своих феодальных традиций.

Королевство Лотаря

Несмотря на злоключения, сыпавшиеся со всех сторон, три франкских короля пытались держаться вместе. Вдохновителем союза был император Лотарь. Ему надоело доказывать собственное превосходство, поэтому он стремился к обычному равенству. Верденский договор был его страшным поражением, и Лотарь понимал, что любое продолжение военных действий приведет к дальнейшим потерям с его стороны.

Поэтому он подготовил несколько «конференций на высшем уровне», как сказали бы сейчас. Во время этих «конференций» братья-короли встречались друг с другом, чтобы обсудить все спорные вопросы. Такой способ решения противоречий оказался очень действенным, по крайней мере во времена Лотаря.

Свое собственное королевство Лотарь поделил между своими сыновьями. Он был готов наступить на те же грабли, что и его отец. Самая важная часть королевства, Италия, отошла его старшему сыну Людовику. Людовик правил Италией после 844 года.

В 844 году папой стал Сергий II, который решил, что пора бы папам обрести определенную самостоятельность. Новый император вовсе не был похож на своего царственного предка, Карла Великого, и Рим, как считал папа, может быть настолько же независим от Ахена, как и от Константинополя. Поэтому он решил не беспокоить императора и не спрашивать его мнения по поводу епископских выборов.

Буря, которая последовала за этим, убедила его в собственной неправоте. Папа был не в состоянии сопротивляться армии не самого могучего императора, поэтому ему пришлось пойти на уступки и провозгласить Людовика королем Ломбардии.

Были у Сергия и другие неприятности. Набеги мавров, имевших форпост в городе Бари, становились все более опустошительными. В 846 году они добрались даже до Рима и оккупировали часть города, разграбив несколько наиболее почитаемых христианских церквей.

Если бы воскресли Карл Мартелл и его солдаты, которые в 732 году в битве при Пуатье разгромили войско арабов, появление мавров у стен Рима повергло бы их в немалое удивление. Ведь считалось, что угроза исчезла раз и навсегда. Однако это было не так. И защитники Рима не смогли оказать достойного сопротивления врагам. Арабы ушли не потому, что явился какой-то герой и наголову разбил их. Просто это был небольшой конный отряд, который вовсе не рассчитывал забраться так далеко.

Приблизительно в это же время умирает папа Сергий II. В 847 году ему на смену приходит папа Лев IV. Он предпочел не воевать с маврами, а занять оборонительную позицию. Поэтому Лев IV построил стену вокруг небольшой части города, включавшей в себя Ватикан и собор Святого Петра. Население города настолько уменьшилось, что все люди в случае опасности могли укрыться за стенами маленького «града Льва». Еще Лев постарался сохранить хорошие отношения с Людовиком, франкским королем в Италии. В 850 году он даже провозгласил его императором наравне с Лотарем.

В 855 году другой император, Лотарь, отец Людовика, внук Карла Великого, понял, что близок тот час, когда смерть придет за ним. Он отказался от престола и как раз ко времени своей смерти принял монашеский постриг, снискав себе славу святого. На трон взошел его сын, император Людовик II.

Но императорский титул уже мало что значил. Император Лотарь был старшим братом, а власть его была такой же, как у младших. Император Людовик II правил всей Италией и на тот момент был еще не способен померяться силой со своими дядями. Императорский титул придавал ему некоторый вес в глазах общества, но не более того.

Как бы то ни было, но военными силами в Италии распоряжался именно Людовик. Поэтому именно на него возложил папа свои надежды, когда задумал расправиться с маврами. Людовик принялся неспешно готовиться к военному походу. Византийцы, которых присутствие арабов в Италии донимало еще больше, чем франков, дали военные корабли для предстоящей войны.

И война началась. Она продолжалась довольно долго и оказалась сущим наказанием для императора. Если когда-то другой человек, носивший императорский титул, был способен, воюя с маврами, захватить всю Испанию, то теперь его потомок оказался не в состоянии справиться с горсткой пиратов. В конце концов в 871 году Людовику удалось отвоевать город Бари и прогнать мавров из Италии, где они оставались достаточно продолжительное время. Это не принесло много пользы его державе, потому что на отвоеванных территориях сразу же осели византийцы, которые именно это и собирались сделать, когда согласились участвовать в экспедиции против мавров.

Еще Людовику пришло в голову, что если уж он правит на юге, то может предъявить права на бывшее когда-то ломбардским княжество Беневенто. То самое княжество, которое оказалось в состоянии выставить сопротивление самому Карлу Великому. Но там его ждало разочарование. Людовику удалось одержать несколько побед, но не в решающих сражениях. Императора даже взяли в плен, и ему пришлось пережить недолгое заточение. После этого Людовик отступил на север, а княжество Беневенто сохранило свою независимость.

Той части королевства Лотаря, что находилась за Альпами, повезло еще меньше. Его южная часть, ныне — территория современной Южной Франции, отошла ко второму сыну Лотаря, Карлу. Северная часть, где расположены современные Нидерланды и земли вдоль Рейна, досталась младшему сыну, Лотарю II.

Когда в 863 году Карл умер, его часть королевства поделили между собой Лотарь II и император Людовик II.

Земли, доставшиеся Лотарю, включали в себя полосу земли между двумя половинками Франкской империи, пролегавшую от Северного моря до Альп. Поскольку хозяином там был Лотарь, эту землю назвали по-латински «Lotharii regnum», то есть «царство Лотаря». Со временем эти два слова превратились в одно — «Лотарингия». Сегодня Лотарингия — одна из исторических областей Франции.

В этот момент Лотарь II попал в затруднительное положение у себя дома — он запутался в любовном треугольнике. У короля была законная жена и была женщина, которую он любил. Вроде бы ничего необычного в этой ситуации, но она осложнялась тем, что законная королева не имела детей. Если бы Лотарь II продолжал состоять в браке со своей женой и окончил дни бездетным, все его королевство могло бы погибнуть. Потому что у его брата Людовика не рождалось сыновей, а единственная дочка не могла претендовать на престол.

Однако случилось так, что у короля Лотаря и его возлюбленной родился сын. Король захотел, чтобы наследником стал этот незаконнорожденный мальчик. Все, что для этого требовалось, — это развестись с женой, жениться на любимой и таким образом сделать мальчика законным наследником.

Все выглядело просто. Однако, согласно обычаям того времени, если кто-то хотел развестись, ему необходимо было в присутствии нескольких епископов выдвинуть тяжкие обвинения против жены, чтобы убедить епископов разрешить развод. И все.

Но здесь была одна проблема. Эта проблема называлась «королевские дядюшки». Потому что отчаянное желание Лотаря развестись натыкалась на такое же отчаянное нежелание Людовика немецкого и Карла Лысого, его дядей, этот развод допустить. Ведь если Лотарь умрет бездетным, родственники смогут поделить его королевство между собой.

Поэтому, когда часть епископов под давлением Лотаря позволила ему развестись, другая часть, находившаяся под влиянием его дядей, опротестовала это решение. Было назначено официальное заседание, перед которым обе стороны пустили в ход подкуп. В конце концов дяди победили, и развод был признан недействительным, несмотря на то что Лотарь уже успел сослать бывшую жену в монастырь, а сам сыграл пышную свадьбу с новой женой.

В 863 году в дело о разводе Лотаря вмешался папа.

Папство несколько оправилось от того плачевного положения, в котором оно находилось в 846 году, когда мавры грабили Рим. Тут, однако, приключилась новая напасть.

После смерти Льва IV возобновился спор о том, кто будет следующим папой. Случившаяся неразбериха даже обернулась небольшой войной. Император Людовик II поддерживал то одного, то

другого кандидата, но в конце концов остановился на человеке, который впоследствии стал папой Бенедиктом III.

Во всей этой неразберихе родилась одна история, о которой нельзя не рассказать. Достойным наследником Льва IV считался один очень образованный монах. На самом деле этот монах был женщиной, англичанкой. Некогда девушка вступила в греческий монастырь, чтобы быть вместе со своим возлюбленным-монахом. Влюбленные жили в Афинах, где получили превосходное образование. Потом мужчина умер. Безутешная женщина вернулась в Рим, где приобрела известность благодаря своей учености и набожности. Естественно, все принимали ее за мужчину, поэтому выбрали папой. Нового папу звали Иоанн VIII. Иоанну VIII долго удавалось держать свой пол в тайне, пока во время одной из процессий у женщины не начались роды. Умерла ли она, родив ребенка, или ее забросали камнями — неизвестно. Но даже после этого в хрониках остались записи о папе Иоанне.

Эта история повторялась в течение всего Средневековья и даже перекочевала в наше время. Но на самом деле это конечно же только легенда.

Вернемся к реальным событиям: Бенедикт III был папой после Льва IV. После короткого трехлетнего пребывания на Святом престоле, не отмеченного никакими великими деяниями, Лев освободил дорогу Николаю I. Новый папа стал самым влиятельным папой после Григория I, жившего за два с половиной столетия до него. Николая I иногда даже называют Николаем Великим.

Николай был яростным поборником папской власти надо всем христианским миром. Например, когда появилась такая возможность, он не преминул воспользоваться случаем и отлучить константинопольского патриарха от церкви.

Он также был первым, кто стал пользоваться «ложными декреталиями». Ложные декреталии представляли собой папские указы и постановления Вселенских соборов до Николая Великого.

Возможно, декреталии были подлинными. Считалось, что их собрал легендарный Исидор Севильский, живший за два с половиной столетия до Николая. Поэтому фальшивые декреталии часто называют Лже-Исидоровыми декреталиями. В настоящее время[25] доказано, что большая часть декреталий была ложной. Их написали франкские священники[26], незадолго до того как Николай стал папой.

В Лже-Исидоровых декреталиях говорится о коллегии кардиналов, назначенных на эти должности папой, которые были призваны помогать папе в законодательных делах. Вся законодательная власть в церкви переходила к папе и коллегии кардиналов. При этом подразумевалось, что епископы, часто надменные и непримиримые поборники независимости от папской власти, лишались всякого права голоса.

Так Николай оказал церкви неоценимую услугу. В то время, когда империи разваливались на части, власть короля слабела, папе Николаю удалось уберечь церковь от раскола. Он не только спас церковь от раздробленности, но еще более укрепил церковную власть, сосредоточив ее в своих руках. Особенно большой поддержкой он пользовался среди младшего духовенства: простых священников, которым намного больше нравилась власть далекого папы, чем деспотизм местных епископов.

Именно Николай I вовсю стал пользоваться «Константиновым даром» в целях пропаганды церковной власти.

Поэтому так не повезло королю Лотарю II. Когда франкские епископы не разрешили ему развестись с женой, ему пришлось столкнуться с ярым защитником церковной справедливости — папой римским.

Лотарь II старался изо всех сил. Он заставил архиепископов Кельнского и Триерского выступить в его защиту (Кельн и Триер находились на землях королевства Лотаря, поэтому оба епископа прекрасно понимали, чем грозит им несогласие). Лотарю удалось даже уговорить своего брата, императора Людовика II, который тоже не хотел, чтобы королевство Лотаря осталось без наследника. Император согласить продемонстрировать Николаю I военную силу, что должно было убедить непокорного папу принять правильное решение.

Однако ни епископы Лотаря, ни армия Людовика не заставили папу изменить свое мнение. Судьба сыграла с Лотарем еще одну злую шутку. Председательствовать в суде над ним стал непоколебимый в своих правовых и нравственных принципах папа Николай I.

Шестьдесят три года назад Карл Великий вершил суд над папой, теперь же папа председательствовал в суде, разбиравшем дело его правнука.

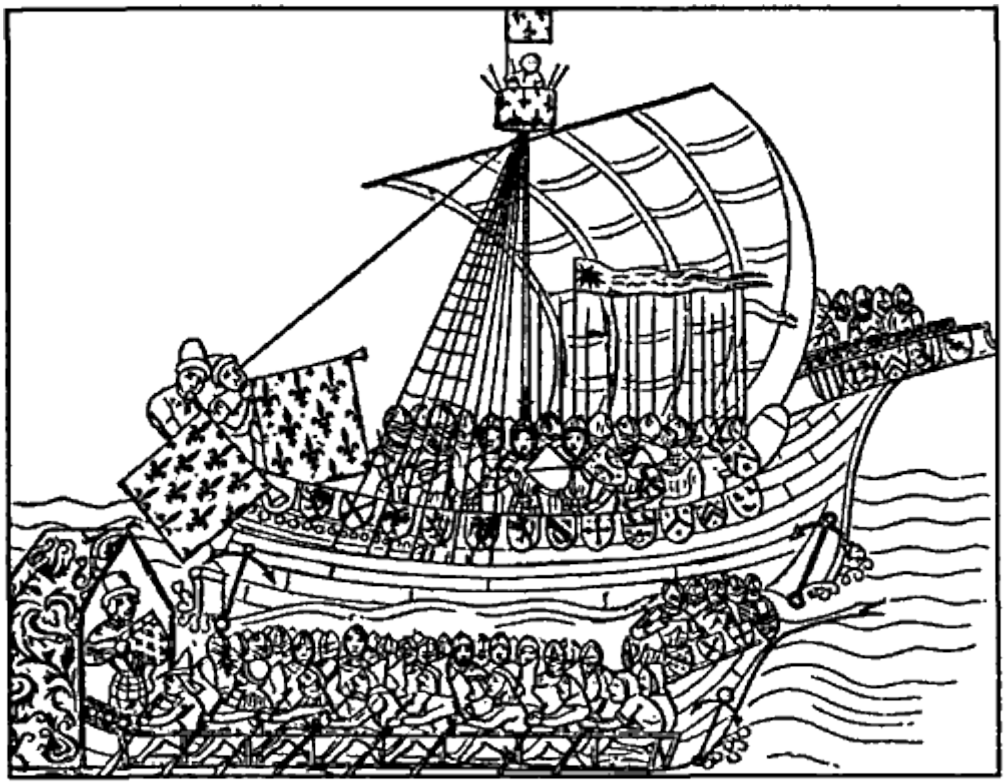
Суд заставил Лотаря II отказаться от любимой женщины и вернуть из монастыря прежнюю жену. Его сын был признан незаконнорожденным и, соответственно, не достойным быть наследником. Более того, епископов, поддержавших Лотаря, лишили епископского сана. Таким образом Николай I не только доказал, что папа имеет право судить королей, но и продемонстрировал епископам свою власть.

Несмотря на это, Лотарь оказался крепким орешком: он не согласился с решением папы и его суда. Папа может быть непоколебим в своих решениях, но папа смертен. Именно это и случилось в 867 году.

После девяти лет правления страдавший от туберкулеза властный папа Николай I скончался. Лотарь поспешно отправился в Италию, к его преемнику, новому папе Адриану II, в надежде на то, что тот изменит решение суда в его пользу.

На сей раз королю повезло. Адриан согласился пересмотреть дело, и надежда слабой искоркой сверкнула в сердце старого короля. Но было уже поздно. В 869 году, по дороге обратно, король Лотарь II умер. Случилось то, чего он больше всего боялся: его королевство осталось без законного наследника.

Глава 9
Закат Каролингов



Последние внуки Карла Великого

Самым близким родственником покойного короля Лотаря был его брат, император Людовик II. Поскольку он был еще и императором, кому, как не Людовику, предстояло стать наследником королевства и хоть ненадолго, но восстановить его в тех границах, которые существовали при его отце, короле Лотаре! Именно в этом Людовик убеждал себя.

Человеком, который принимал решение, был папа Адриан II, чья резиденция располагалась в Риме. Людовик в это время воевал с маврами на юге страны. А папа чувствовал себя весьма неуютно, потому что в случае победы императора безопасность Рима будет зависеть от его войска. Естественно, что Адриан II согласился с Людовиком и пожаловал ему царство покойного Лотаря II.

Но Адриан не был таким властным и сильным папой, как его предшественник. Он не мог навязать свою волю другим претендентам на трон. Поэтому дяди покойного короля, Людовик немецкий и Карл Лысый, отказались принять решение папы. Они немало намучились, когда препятствовали своему племяннику развестись и жениться на любимой женщине, и теперь, когда все получалось, как они хотели, оба короля собирались извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

Из них двоих более способным правителем был Карл Лысый. Несмотря на то что его королевство сильно пострадало от нападений норманнов и нобили были своенравными, Карлу удавалось искусно править. Поэтому он не только удержался на троне, но и укрепил свое королевство, присоединив к

своим землям Бретань, полуостров на западе современной Франции. Присоединил несмотря на то, что упрямые бретонцы были готовы скорее воевать вместе с викингами, чем подчиниться франкам. (Скорее всего, бретонцы хитрили — викинги были никуда не годными союзниками.) Карл сумел отбить нападение викингов на Аквитанию, что помогло ему удержать Аквитанию на своей стороне в борьбе против интриг племянника, Пипина. (Пипин был сыном его старшего, единокровного брата, бывшего королем Аквитании во времена Людовика Благочестивого.)

Несмотря на все, что Карлу удалось сделать, дворянство становилось все более влиятельным, отчего феодальная раздробленность ощущалась сильнее. В 858 году, когда нобили открыто выступили против короля, его единокровный брат Людовик немецкий использовал эту возможность для того, чтобы захватить власть в королевстве. Казалось, что корона зашаталась на голове Карла. То, что Карл остался на троне, во многом было заслугой духовенства, которое возглавлял Гинкмар, архиепископ Рейнский.

При дворе Карла Лысого сохранялись традиции Каролингского Возрождения. Как и его дед, Карл Великий, Карл Лысый устроил при дворе школу. Руководящее положение в этой школе занял ученый ирландского происхождения Иоанн Скотт Эригена.

Эригена — один из самых видных философов и теологов Средневековья. Одним из самых главных его трудов был перевод на латынь трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита[27]. Эти сочинения были написаны неизвестным восточным монахом во времена Юстиниана и приписывались Дионисию Ареопагиту, ссылки на которого есть в новом Завете в связи с апостолом Павлом и его неудачной миссией в Афинах. Копия греческого текста попала Людовику Благочестивому, и позднее Эригена перевел это сочинение на латынь. Трактаты представляют собой смесь из мистических идей, например об ангельских чинах, одни из которых выше, а другие ниже. Поскольку из этого сочинения следовало, что на небе тоже есть своя иерархия, трактаты пришлись очень ко времени.

От имени Гинкмара Эригена также выступал в различных теологических диспутах на стороне архиепископа. Гинкмар попытался установить свою власть над епископами королевства. Он даже наказал одного из них без разрешения папы. Это было ошибкой, потому что папой был Николай Великий. И он настоял на том, что в вопросах дисциплины решающее слово принадлежит ему. Гинкмар был вынужден подчиниться. Может быть, и мог Эригена писать о разделении чинов ангельских, но разделить власть на земле было не в его силах. Никто не смел противоречить папе.

В 864 году Карл Лысый справился с непокорными лордами и собственным старшим братом. Теперь его королевство было стабильным настолько, насколько это было возможно в то время. Поэтому, когда его племянник Лотарь умер, он отреагировал очень быстро. Несмотря на сопротивление императора Людовика II и папы Адриана II, он занял всю Лотарингию.

Людовик немецкий пришел в неописуемую ярость от действий брата и тут же потребовал свою долю добычи. После некоторых размышлений Карл Лысый пришел к выводу, что намного лучше отдать часть добычи по-хорошему, чем во время войны потерять все.

8 августа 870 года посланники обоих королей встретились в Мерсене, городе, расположенном всего в сорока километрах к северу от имперской столицы — Ахена.

Результатом этой встречи стало разделение Лотарингии на две равные части. Если бы такой раздел случился в наше время, часть Германии под названием Рейнланд и Северная Голландия отошли бы к Людовику, а Бельгия и Южная Голландия достались бы Карлу.

Через пять лет, в 875 году, братьям-королям достался еще один лакомый кусок. Умер император Людовик II, не оставив после себя сына. У императора была дочь, Ротильда, которой, естественно, нечего было и мечтать о том, чтобы сесть на императорский трон.

Логика обстоятельств вела к тому, что наследником должен был стать старший внук Карла Великого, Людовик немецкий. Возможно, он думал, что новый папа, Иоанн VIII, поддержит его кандидатуру. Поэтому Людовик не предпринимал никаких поспешных действий.

Но его брат, Карл Лысый, не руководствовался ни логикой, ни здравым смыслом. Поэтому он захватил Прованс — часть королевства Людовика, расположенную к западу от Альп. Он пошел еще дальше, пока не добрался до Рима, чтобы встретиться там с папой Иоанном.

Таков был Карл — стоя со своими войсками у стен Вечного города, он предложил папе немалую мзду за его благосклонность. Папе такой способ решения вопроса понравился. Согласно некоторым источникам, он сам пригласил Карла войти в город. Может быть, он думал, что, предложив императорскую корону Людовику, последует естественной логике обстоятельств и далее будет вынужден подчиняться их воле. А если папа сделает императором Карла Лысого, он лишний раз продемонстрирует, что папа может жаловать императорский титул тому, кого сочтет достойным.

Так и случилось. На Рождество 875 года, ровно через семьдесят пять лет после коронации Карла Великого, папа Иоанн VIII возложил императорскую корону на голову Карла Лысого. Карл получил

корону не по праву наследования, а как дар со стороны папы. Теперь он был императором и королем Карлом II, порядковый номер был один и тот же для обоих титулов.

И это было поразительно, если задуматься, какую карьеру сделал этот человек. Карл родился в 823 году, будучи сыном второй жены. У него было три старших брата, самому младшему из которых, будущему королю Людовику немецкому, на момент рождения брата было семнадцать лет! Единокровные братья, дети Людовика Благочестивого, враждебно относились к Карлу и его матери.

Потому что появление этого мальчика, родившегося от любви старого короля к юной королеве, означало начало междоусобных войн между наследниками. Пятнадцать лет жизнь Карла висела на волоске, потому что его смерть могла бы стать концом междоусобиц.

Мальчику, однако, повезло. Он все-таки получил свою долю во владениях империи. Будучи королем, Карл благодаря везению в войне сумел расширить пределы своего королевства. Оно занимало почти половину Франкской империи. Теперь, после смерти императора, этот пятидесятидвухлетний человек, ненавистный единокровный младший брат, никто, по сравнению с другими, водрузил на свою голову корону великого предка, Карла Великого.

Людовик немецкий не мог этого перенести. Ему и самому было уже под семьдесят, но в его памяти были живы войны с отцом и покойным старшим братом. Войны, причиной которых послужил этот юнец, посмевший надеть императорскую корону! И Людовик решил нанести ответный удар.

Он стал готовиться к войне. Но судьба не благоволила к нему: в августе 876 года, через полгода после коронации Карла Лысого, Людовик немецкий умер. После смерти своего отца, Людовика Благочестивого, он правил тридцать шесть лет.

Карл Лысый пережил трех своих единокровных братьев. Теперь он решил попытаться объединить все франкские земли под своей властью. Как обычно, он не собирался медлить, поэтому начал с той части Лотарингии, которую присоединил к своему королевству покойный Людовик немецкий. Восточно-Франкскую империю Карл Лысый пока не трогал — там шла обычная борьба за трон.

На его беду, сын Людовика немецкого, Людовик Младший, названный так, чтобы не путать его с отцом, оказался намного проворнее своего покойного папаши. В 876 году при Андернахе, в срединном течении Рейна, Людовик Младший разбил войска Карла Лысого. Карл, однако, не собирался отказываться от своих планов: с присущей ему энергией он планировал дальнейшие военные операции. Его планам не суждено было осуществиться: в октябре 877 года Карл умер. Тридцать семь лет он правил Восточно-Франкской империей. Чуть меньше двух лет Карл был императором.

Он был последним внуком Карла Великого.

Объединение и позор

Возник вопрос: кто будет следующим императором?

Решение зависело от папы Иоанна VIII, но он был в ужасном положении. Все время, пока Иоанн был на троне, мавры угрожали Италии. Дела были настолько плохи, что в год смерти императора Карла Лысого папа был вынужден платить дань маврам, чтобы защитить Рим от их атак.

Поэтому папе в конечном счете было все равно, кто станет императором, лишь бы этот человек оказался способен прогнать мавров из Италии так, как Пипин Короткий и Карл Великий когда-то прогнали ломбардцев.

Когда императором стал Карл Лысый, было понятно, что наследником окажется один из его сыновей. Однако Карлу не повезло. Двое из его сыновей умерли еще при жизни отца. В живых остался

только Людовик II. (Во французской системе обозначения королей Людовиком I считался Людовик Благочестивый.)

Людовик II, более известный как Людовик Заика, начал свое царствие с очень неразумного поступка. Он попытался подчинить себе непокорное дворянство и выбрал для этого самый неправильный способ. Людовик Заика решил поставить на ответственные должности людей, которых считал своими союзниками. Но для этого потребовалось сместить прежних, которые этого вовсе не хотели. Сопротивление было таким сильным и опасным для короля, что Людовику пришлось признать унизительное поражение и прекратить свои попытки.

Дело осложнялось еще и тем, что Людовик, несмотря на то что ему было около тридцати лет, был слаб здоровьем. Он умер в 879 году, после двух лет правления, оставив королевство двум сыновьям.

Сыновья Людовика были еще детьми и никак не годились на роль могучего императора, который был так необходим папе Иоанну.

А что же стало с детьми Людовика немецкого? Здесь дела обстояли лучше. Старший сын Людовика, Карломан, правил в Баварии и отличился в войне со славянами.

Славяне, освободившись от аварского гнета, стали селиться в Центральной Европе. Они исправно платили дань Карлу Великому. Но когда начались войны между его детьми и внуками, предпочли незаметно отколоться от империи и перестали платить дань.

Так, славяне, жившие вдоль Моравы, северного притока Дуная, объединились и создали первое сильное славянское государство Европы. Франки называли Мораву Маркой, потому что по ней проходила восточная граница Франкской империи. Славяне, жившие на Мораве, называли сами себя моравами, а своё государство — Великой Моравией.

Великая Моравия образовалась во время правления Людовика Благочестивого и включала в себя земли современных Чехии, Словакии, Венгрии, а также южные части Германии и Польши.

В Великой Моравии доминировала франкская культура, пока в 862 году князь Моравии Ростислав не решил оградить свою страну от влияния франков. Для этого он обратился к византийскому императору с просьбой прислать ему миссионеров. И византийский император откликнулся, послав в Моравию двух братьев, Кирилла и Мефодия. В славянском мире они известны как святые равноапостольные Кирилл и Мефодий.

Великолепно образованные, блестящие ораторы, Кирилл и Мефодий решительно принялись за дело. Используя греческий алфавит, они создали славянскую письменность. В России, Болгарии, Сербии и некоторых других славянских странах до сих пор пользуются алфавитом, который создали солунские братья, — так называли Кирилла и Мефодия, потому что они были родом из Солуни[28]. В других славянских странах, таких, как Польша и Чехия, прижились латинские буквы, потому что в этих странах преобладает католичество. Как мы знаем, латинский язык является языком католической церкви.

Папа Иоанн VIII, опасаясь, что деятельность Кирилла и Мефодия приведет к тому, что славяне начнут объединяться с Константинополем, решился на рискованное предприятие. Он несколько раз приглашал солунских братьев в Рим, оказывал им всяческую поддержку в работе и даже согласился позволить славянам вести богослужение на родном языке. Таким образом, Иоанн VIII создал предпосылки для более позднего обращения славян в католичество.

Если Иоанн вел борьбу за духовное владычество, то Каролинги дополняли его дела вполне светскими делами. В 869 году Карломан (как мы помним, старший сын Людовика немецкого) пошел войной на Великую Моравию. В 874 году моравы были вынуждены признать франкское владычество. Несмотря на это, Великая Моравия оставалась самостоятельным государством. Таким образом, мечта Ростислава о самостоятельности не осуществилась, а славяне, жившие в тех землях, еще более тысячи лет оставались под немецким владычеством.

Вернемся к Карломану. Он считал себя наиболее подходящей кандидатурой на императорский трон. Карломан правил Баварией, и логическим продолжением его действий была поездка через Альпы в сопровождении внушительного войска, увидев которое папа должен был без лишних проволочек провозгласить его императором.

Папа, однако, не собирался отдавать императорский титул в обмен на обещания. Ему нужна была гарантия того, что Вечный город будет раз и навсегда избавлен от угрозы со стороны мавров. Пока продолжались переговоры, Карломан заболел. Он вернулся из Италии на носилках и, промучившись некоторое время, умер в 880 году.

Что же стало со вторым сыном Людовика немецкого? Второго сына, как мы знаем, звали Людовик Младший.

Людовик уже показал себя способным военачальником. Ведь именно он разбил Карла Лысого при Андернахе.

Однако взгляд Людовика Младшего был устремлен на запад, а не на юг.

Когда скончался бедный Людовик Заика, Западно-Франкской империей стали править два мальчика, которых звали Людовик III и Карломан. В законности их происхождения существовали определенные сомнения. Это было только на руку некоторым дворянам, которые, пользуясь ситуацией, искали повода, чтобы пригласить Людовика Младшего править их страной. Если бы Людовик согласился, он был бы так далеко от своих владений, что его власть в Западно-Франкской империи ощущалась бы очень слабо. Настоящими правителями были бы те самые дворяне, которые теперь ждали его появления.

Дети Людовика Заики, опасаясь измены со стороны дворянства, понимали, что не могут противостоять армиям своего восточного кузена. Поэтому они были вынуждены отказаться от той части Лотарингии, которую когда-то захватил Карл Лысый. Больше тысячи лет понадобилось Франции, чтобы вернуть эти территории обратно.

Пока Людовик Младший был поглощен военными действиями к западу от Рима, папа убеждался, что никакой пользы от него не будет. А мавры не собирались убираться из Италии. И папа отчаянно искал человека, которому можно будет предложить императорскую корону в обмен на собственную безопасность.

У Людовика немецкого был и третий сын, самый младший. Что можно сказать о нем? В истории этот человек известен под именем Карл Толстый. Когда в 880 году Карломан умер, Карл Толстый стал королем Италии. Он пришелся очень кстати, потому что папа больше ждать не мог. Четыре года прошло со смерти Карла Лысого, а императора не было. Поэтому папа короновал Карла Толстого под именем императора Карла III.

Папе не суждено было дожить до того дня, когда он увидел, насколько неправильным был его выбор. В следующем году заговорщики убили его в собственном дворце. Согласно легенде, ему размозжили голову дубиной.

Карл Толстый был болезненным человеком, страдавшим эпилепсией. Он был совершенно не способен править государством, и только смерть предшественника и отсутствие других претендентов дало ему в руки власть, которая в десятки раз превосходила его слабые возможности. Смерть старшего брата, Карломана, привела его в 880 году на трон Италии, где он получил еще и императорский титул. Смерть другого его брата, Людовика Младшего, сделала Карла Толстого в 882 году правителем всей Восточно-Франкской империи.

Но и это было не все. Молодых кузенов Карла Толстого, Людовика III и Карломана, совместно правивших западными франками, постигла особенно незавидная участь. Людовик III каким-то одному ему известным способом сумел победить викингов в 881 году, когда ему было всего восемнадцать лет. Он мог бы стать очень хорошим королем, если бы не умер в результате несчастного случая. Карломан остался один на троне, но в 884 году погиб во время охоты.

Ни Людовик III, ни Карломан не оставили наследников, но у них был младший единокровный брат по имени Карл. Карл был сыном второй жены Людовика Заики и родился уже после смерти своего отца. Ему было всего пять лет — не самый подходящий возраст для того, чтобы становиться королем Западно-Франкской империи.

Поэтому дворянство обратилось к последнему оставшемуся в живых королю династии Каролингов — Карлу Толстому. Его призвали стать королем в 884 году, что он не преминул сделать. Так, в последний раз в истории, Франкская империя была объединена под властью одного императора и короля.

Но какой она стала со времен Карла I Великого ко времени правления Карла III! Ее первый император был Великим, последний — просто толстым.

Карл Толстый, тучность которого отчасти объяснялась болезнью, был, вне сомнения, памятником бездействию. Его империя разваливалась на части, а он ничего не мог или не хотел сделать.

Он не стал воевать с маврами в Италии. Мольбы папы не нашли никакого отклика. Хуже того, с норманнами Карл тоже не мог или не хотел воевать.

Беда наступила, когда в 885 году норманны по Сене добрались до Парижа. Карл оставался безучастным и ничего не делал. Обороной города руководил Эд, граф Парижа, владевший крупными землями в Нейстрии.

Эд был сыном влиятельного землевладельца по имени Роберт Сильный. Роберт Сильный когда-то был правой рукой Карла Лысого и погиб, сражаясь с норманнами.

Эд, граф Парижа, как мы уже писали, командовал обороной города. Целый год Париж был в осаде и героически оборонялся. Один факт, что город в течение такого длительного времени не сдался, вызывал надежду на спасение. Прошло несколько месяцев с тех пор, как норманны напали на Париж.

Теперь они не выглядели непобедимыми воинами, одно появление которых внушало страх. Граф Эд стал любимцем народа.

В конце концов, после того как Париж и его защитники несколько месяцев мужественно сражались с врагами, появился толстый увалень — император Карл Толстый.

Он прибыл на войну вовсе не затем, чтобы помочь парижанам. Нет! Карл собрался откупиться от норманнов и предложить им комфортабельные зимние квартиры в одном из уютных уголков собственного королевства, то есть отдать им эти земли на разграбление.

Различие между героическим графом и презренным королем было слишком очевидным, чтобы его терпеть. Дворяне фактически единогласно отказались подчиняться трусливому королю, несмотря на то что он был правнуком Карла Великого.

Карл Толстый не предпринял никаких попыток для того, чтобы оправдаться. Он и сам понимал, что бремя власти не для него. В 887 году он покинул императорский трон, поселился в уединении и в следующем году умер.

С уходом Карла Толстого королевство франков распалось навсегда. Больше никогда две его части не находились под властью одного человека, который был бы их владыкой.

Императоры Италии

Что же было дальше? Неужели династия Каролингов закончилась? Еще нет!

Притягательность, заключавшаяся в принципе законного престолонаследия, и слава побед Карла Великого продолжали воздействовать на умы людей. Предводителем дворян, лишивших Карла Толстого трона, был некий Арнульф, незаконнорожденный сын Карломана. Того самого Карломана, который победил моравов. Следовательно, Арнульф являлся племянником Карла Толстого, внуком Людовика Немецкого и праправнуком Карла Великого.

Если кто-то и сомневался в законности его притязаний, ответ гласил: Арнульф был Каролингом. Лучшей кандидатуры не сыскалось, поэтому аристократия выбрала Арнульфа королем.

Однако, если Арнульф довольно легко стал королем Восточно-Франкской империи, то на западе и в Италии его не признали. Здесь были свои проблемы. Италия раскололась на несколько герцогств, которые погрязли в междоусобице, в борьбе за власть и влияние на папу. Но хотя ни одна из попыток подчинить папу не увенчалась успехом, положение его оставалось неустойчивым и ему не оставалось ничего иного, чем надеяться на милость римской аристократии. Пока Франкская империя и папская власть теряли свое могущество, византийцы решили взять юг Италии, захваченный маврами, под свой контроль. К счастью для Рима, Византийская империя переживала период относительной стабильности. Ее владения на юге Италии расширились, поэтому угрозу со стороны мавров удалось свести к минимуму.

Если мы обратим взор на западных франков, то увидим, что они, по крайней мере на время, полностью освободились от власти Каролингов. Для большинства Париж представлял собой столицу, а граф Эд был именно тем человеком, который мог стать королем. И он им стал. Большая часть дворянства поддержала его. Впервые за сто двадцать пять лет на трон взошел правитель не из династии Каролингов.

Вскоре Эд понял, что управлять народом намного сложнее, чем защищать Париж от норманнов. Став королем, он вдруг понял, что по-настоящему, кроме как в землях в Нейстрии, власти у него нигде нет. Не существовало единой системы сбора налогов, у государства не было своих средств,

аристократия проявляла своеволие. Дворяне за пределами Нейстрии просто не подчинялись новому королю. Понятно, что ни о какой обороне в масштабах государства не могло быть и речи.

В конце концов Эд был вынужден сделать то, что собирался сделать до него Карл Толстый, — откупиться от норманнов. Более того, ему пришлось искать путей для укрепления государства путем принесения вассальной клятвы Арнульфу.

Признавая Арнульфа сеньором, Эд, вероятно, рассчитывал на его военную помощь.

Однако Арнульф был слишком занят собственными проблемами, чтобы оказать помощь Эду. И это был конец для графа Парижа. Если он не в состоянии управлять государством без помощи Каролингов, почему бы Каролингам просто не вернуться на трон?

В Западно-Франкской империи в то время еще имелись Каролинги, способные занять трон. Это был Карл, сын Людовика Заики, родившийся после смерти своего отца. Когда умер старший сын Людовика, Карлу было всего пять лет. Поэтому вместо него на троне оказался совершенно неспособный править Карл Толстый. С того дня минуло несколько лет. Мальчик подрос. Теперь ему было четырнадцать — возраст, по мнению поборников законности, вполне подходящий для того, чтобы стать королем. В 893 году архиепископ Реймсский миропомазал нового короля, провозгласив его Карлом III, королем Западно-Франкского королевства. И вновь, после непродолжительного отсутствия, на тронах обеих частей королевства воцарились Каролинги.

Более того, Каролинги правили и Италией. У Людовика Благочестивого, кроме четырех сыновей, была дочь. Она вышла замуж за маркиза Фриульского, владения которого, Фриули, располагались на севере Адриатики. Там дочь Людовика родила сына. Мальчика назвали Беренгар[29], маркиз Фриули.

Правды ради надо сказать, что наследование по женской линии было не в традициях франков. Современники понимали, что Беренгар был внуком Карла Великого только по матери. Однако в той неразберихе, которая последовала после низложения Карла Толстого, были хороши Каролинги любой степени родства. По крайней мере, Беренгар считал именно так, поэтому осмелился претендовать на императорский титул.

Однако он оказался не единственным наследником по женской линии. У Лотаря, старшего сына Людовика Благочестивого, кроме сыновей, была дочь, которую выдали замуж за Гвидо Сполетского. Сполето — так называлось герцогство неподалеку от Рима. Ребенка, который родился от этого брака, тоже звали Гвидо Сполетский[30]. Он был праправнуком Карла Великого по материнской линии и тоже был не прочь стать императором.

Казалось бы, на что могут надеяться эти легковесные князьки, когда есть Арнульф, король Восточно-Франкской империи, самый подходящий кандидат на императорский трон. А ведь Арнульфа поддерживала еще и аристократия…

Но поддержка аристократии — это еще не все. Согласно традиции, заведенной столетие назад, титул императора мог пожаловать только папа. Для того чтобы получить благословение папы и пройти обряд помазания на царство, Арнульфу нужно было явиться в Италию. А вот этого он сделать не мог. Потому что совершенно увяз в своих войнах: на севере с норманнами, на юге с моравами.

Беренгар и Гвидо оказались куда более проворными. Тут надо заметить, что папы того времени были сделаны совсем из другого теста, чем их непоколебимые предшественники. Они стали разменной монетой в руках римской аристократии: папу можно было с одинаковой быстротой и легкостью возвести в сан или лишить его. Его также можно было заставить делать все, что угодно. Через полтора столетия это время назовут «ночью папства».

Князьки тем временем вступили в борьбу друг с другом. Победу одержал Гвидо. Один из марионеточных пап того времени, Стефан VI, в 891 году провозгласил Гвидо императором. Когда в 894 году Гвидо умер, императором стал его сын Ламберт.

Все эти события говорят о полной деградации императорского титула, который стал своего рода игрушкой в руках итальянских политиков. Приз получал тот, кому удавалось захватить власть в Риме. Настолько обесценилась корона Карла Великого в течение каких-то ста лет.

Арнульф тем временем превзошел сам себя. Он разбил норманнов, чьи набеги теперь случались все реже — их время подходило к концу, — и заключил мир с моравами. Далее король захотел установить свою власть и над моравами. Для этого Арнульф решил объединиться с соседями моравов. Этих людей звали мадьяры или угры, вот уже два века они жили на землях, граничащих с современной Украиной.

Дикие племена, пришедшие из Азии, заставили мадьяр отойти к западу и обосноваться там, где простирались плодородные равнины Восточной Моравии. Именно в этих равнинах много лет назад собрались гунны, а затем авары для того, чтобы двинуться на запад.

Слово «угр» превратилось в «венгр», а на этих равнинах сейчас находится одна из самых красивых стран Европы — Венгрия. По-английски слово «венгр» пишется как «Hungarian». Первая часть слова, «hun», вероятно, возникла от того, что венгры жили на тех же землях, откуда когда-то пришли гунны. А

вторая часть слова происходит от сокращенного «ogre» — «угр». Наверное, это напоминание о тех временах, когда мадьяры были страшной угрозой для Центральной Европы.

Сами себя венгры до сих пор называют мадьярами. А свою страну «Magyarorszag», что означает «страна мадьяр». Говоря о ранней стадии развития, когда венгры были горсткой племен, еще не ставших оседлым народом, правильнее будет называть их мадьярами.

Заручившись союзничеством мадьяр, Арнульф сделал так, что моравы оказались как раз между ним и его новыми друзьями. В 906 году мадьяры захватили территорию славян. Так исчезло первое славянское государство в Европе, и все вернулось на круги своя: бессловесные крестьяне, обрабатывавшие землю, и свирепые завоеватели, правящие ими.

Арнульф уже не увидел этого. Расправившись с норманнами, подчинив себе моравов, он задумался, почему бы не стать императором.

Для этого ему потребовалось два военных похода, окончившиеся взятием Рима в 896 году. Арнульф изгнал Ламберта. После этого без особых затруднений сумел убедить папу Стефана VII пожаловать ему императорскую корону. Пустой титул, который не принес его обладателю ни богатства, ни власти. Войны, начавшиеся в Восточно-Франкской империи, заставили Арнульфа спешно покинуть Италию. Когда он уехал из Рима, Ламберт вернулся и вновь сделался императором.

В 899 году и Ламберт, и Арнульф умерли.

Последние императоры

Арнульф оставил шестилетнего сына Людовика. После некоторых колебаний было решено, что наследником будет он. Видимо, потому, что других кандидатур не было. Людовик был коронован в 900 году. В историю он вошел как король Людовик Дитя — весьма красноречивая оценка его царствования.

Людовик Дитя был совершенно беспомощным королем, королевский титул был явно не для него. В действительности власть принадлежала полудюжине герцогов, правивших в различных частях королевства: Франконии, Саксонии, Швабии, Баварии, Лотарингии и других.

Получилось так, что королевские полномочия оказались в руках Оттона, архиепископа Майнца. Оттон был правой рукой покойного Арнульфа. Умирая, Арнульф сделал архиепископа регентом при своем сыне.

Для того чтобы укрепить свою власть, Оттон решил заручиться поддержкой одного из герцогов. Ему удалось объединиться с герцогом Франконии в союзе, направленном против его главного врага — Саксонии. Позже, когда перевес оказался на стороне саксонцев, они изобразили Оттона чудовищем, лживым изменником, выдвинув против него обвинения, которых он, возможно, не заслуживал.

До наших дней дошла история об Оттоне. Правда, не исключено, что она относится к другому архиепископу Майнца, тоже Оттону, который жил столетие спустя. Говорят, что во время разразившегося голода он согнал бедняков в амбар, обещая накормить. Но вместо этого запер несчастных и велел поджечь амбар, заметив: от голодранцев толку — что от мышей, которые пожирают зерно.

Как гласит легенда, Божья кара за это чудовищное преступление последовала скоро. На злодея напали мыши. Они загнали архиепископа в башню Бинген на Рейне. Там полчища мышей сожрали его живьем.

Башня сохранилась до сих пор. Только сейчас она называется Мышиная башня. На самом деле ее построили по прошествии нескольких столетий после описанных событий, которые, скорее всего, являются легендой. Мы знаем о них из баллады английского поэта Роберта Саути «Суд Божий над епископом».

Как бы то ни было, но единая власть в Восточно-Франкской империи отсутствовала. Герцогства погрязли в междоусобицах и не смогли объединиться, чтобы противостоять нападению мадьяр, которые, расправившись с Моравией, напали на бывших союзников.

Мадьярская конница, используя ту же тактику стремительных атак, что гунны и авары, сумела глубоко продвинуться на территорию Германии, пройдя по всем ее герцогствам. В 910 году ценой внесения непомерной дани удалось заключить мир. В 911 году король Людовик Дитя умер. Ему было всего восемнадцать лет.

Он был последним из Каролингов, правивших Восточно-Франкской империей. На западе его родственники продолжали занимать королевский трон. К моменту смерти Людовика обе половины некогда могучей Франкской империи настолько отличались друг от друга, что их нельзя называть франкскими в старом смысле этого слова. Разным было все: язык, культура. Единственным, что объединяло восток и запад, были короли династии Каролингов.

Теперь восток остался без Каролингов. Следовательно, франками можно было называть только жителей Западно-Франкской империи. И это несмотря на то, что люди, жившие на западе, очень мало напоминали тех франков, которыми когда-то правил могучий Карл Великий. Тем не менее их державу стали называть «королевством франков», по-немецки «Frankreich». По-английски и по-французски еще проще — «France», ну а по-русски «Франция».

Однако Каролинги продолжали династию не только во Франции, но и в Италии.

Старый император Людовик II, умерший в 875 году, оставил после себя дочь, которая вышла замуж и родила сына, тоже Людовика. Людовик был праправнуком Карла Великого по материнской линии.

Молодого человека обошли ловкий Гвидо Сполето и его сын Ламберт. На самом деле все они были приблизительно в равном положении: Каролинги по материнской линии. Теперь, после того как на короткое время на императорском троне мелькнул Арнульф, о чем мы уже писали, оставался еще один претендент: Беренгар Фриули, тоже из Каролингов по линии своей матери.

Как только Беренгар появился на сцене, его враги обратились к Людовику, который был их последней надеждой. Людовик был королем Прованса, расположенного к западу от Альп. Врагам Беренгара достаточно было, подобно сиренам из древнегреческих мифов, спеть Людовику подходящую песню об императорском титуле, чтобы он направился в Рим. В 901 году папа Бенедикт IV водрузил на его голову корону, провозгласив императором Людовиком III. Это деяние, даже если учесть всю бесполезность императорского титула, было единственным заметным событием в трехлетнем правлении этого папы.

Беренгар, которому десять лет назад не дали императорскую корону, вовсе не собирался попрощаться с надеждой когда-нибудь ее заполучить. Он напал на Людовика и изгнал его из Италии. Когда Людовик попытался вернуться, Беренгар взял его в плен и поступил совершенно варварским образом: он ослепил Людовика и велел ему навсегда убираться в Прованс. Людовик прожил еще четверть века и вошел в историю под именем Людовик Слепой.

Институт папства тем временем опустился до нижнего предела. Папа сменял папу, и в этой праздной процессии лентяев и ничтожеств не было ни одного достойного человека. Поздние хронисты с мрачным удовлетворением пишут о римской дворянке Феодоре и ее дочери Мароции, правивших всеми делами в Риме начала X столетия. Феодора и Мароция делали папами своих родственников и любовников. Так, Сергий III, бывший папой с 904-го по 911 год, считался любовником Мароции и отцом ее сына, который позже стал папой Иоанном XI и пробыл на Святом престоле с 931-го по 936 год. Между Сергием и Иоанном упоминается еще один папа — Иоанн X, стоявший у власти с 914 года. Говорили, что он был любовником Феодоры.

Иоанн X, что бы ни сплетничали о его личной жизни, был человеком решительным и воинственным. Поле для его деятельности было обширным. Прошло почти сто лет с тех пор, как мавры захватили Сицилию, откуда они совершали набеги на Италию.

Рим тоже не был в безопасности. Неуловимые всадники на арабских скакунах уже давно были самым страшным видением римлян. Иоанн X решил положить этому конец.

Он собрал под свои знамена итальянских аристократов. Более того, он пригласил Беренгара и пожаловал ему награду, которую Беренгар страстно желал так много лет. В 915 году папа Иоанн короновал Беренгара под именем императора Беренгара I.

Впервые в истории папа лично вел войска на битву. В 916 году Иоанн X со своим разношерстным воинством наголову разбил мавров у реки Гарильяно, в ста шестидесяти километрах от Рима.

Справедливости ради надо сказать, что еще сто с четвертью лет мавры оставались на Сицилии. Несмотря на это, они навсегда усвоили, что в Италию, а тем более в Рим, им дороги нет.

Вернемся к нашим главным героям: у Беренгара был титул, которого он так упорно добивался. Однако титул не гарантировал ему власть, и действительно, итальянские дворяне восстали против него, вынудив сражаться с ними. Война представлялась неизбежной, независимо от того, был он императором или нет. Дело кончилось тем, что в 924 году Беренгара убили люди из его собственного окружения. Так завершил свои дни последний император династии Каролингов. Почти сто двадцать пять лет Каролинги были императорами. Половина этого срока оказалась бесславной и разрушительной для тех, кто носил императорскую корону.

Последние викинги

Каролинги остались теперь только в Западно-Франкской империи. Там правил Карл III, сын Людовика Заики, внук Карла Лысого и праправнук Карла Великого. Он был не слишком вдумчивым и энергичным королем, как видно из имени, под которым он вошел в историю: Карл Простоватый.

Карл Простоватый был коронован в 893 году, но королем стал лишь в 898 году, когда умер Эд, граф Парижа.

Аристократы потешались над ним. Было понятно, что Карл останется королем, если не станет притеснять обидчивых и ранимых аристократов.

Все это обрекло Карла III на жизнь, полную разочарований и крушений надежд, которые были еще горше оттого, что его правление ознаменовалось страшными нападениями норманнов.

Вождем норманнов был человек по имени Хрольф, или Роллон, по прозвищу Пеший. Говорят, что Роллона так назвали потому, что он был настолько высок и тяжел, что ни один конь не мог его нести.

Именно Роллон и его норманны взяли в осаду Париж в 885 году. После того как парижане, возглавляемые Эдом, прогнали врагов, Роллон Пеший со своими мародерами отправился вниз по течению Сены.

Карл Простоватый, связанный по рукам и ногам невозможностью платить дань, измученный непокорными аристократами, вряд ли мог воспрепятствовать норманнам. Кроме того, были и другие обстоятельства, которые отвлекли его внимание.

В 911 году его дальний родственник Людовик Дитя, король Восточно-Франкской империи, скончался, не оставив сыновей. Выходило так, что наследником по мужской линии явился Карл Простоватый. Он вообразил, что будет единственным претендентом на трон и что настало время собрать империю под единовластной рукой, как это было при короле Карле Толстом за четверть века до этого.

Однако аристократы Восточно-Франкской империи не проявили большого желания подчиниться человеку, которого они считали чужаком. Если Карлу Простоватому и суждено было добиться своего, он мог сделать это только силой. Но для начала предстояло уладить дела с норманнами. Карл был готов купить мир любой ценой.

Норманнам требовалось одно: они хотели владеть землями в устье Сены. Собственно говоря, для этого они их и завоевали.

Карл Простоватый принял их требования, выпросив взамен уступку: Роллон должен делать вид, что признает главенство Карла, то есть становится его вассалом. Это ни в коем случае не должно уменьшить

могущество Роллона, а нужно было единственно для того, чтобы Карл сохранил свое лицо. То есть позорная капитуляция на совершенно невыгодных условиях превращалась в договор между сеньором и его вассалом.

Легенда гласит, что Роллон согласился с предложением Карла, однако наотрез отказался последовать традиции вассальной клятвы и поцеловать ногу Карла. Он попросил одного из своих военачальников сделать это. Военачальник, сочтя такой жест унизительным, схватил Карла за ногу и резко дернул ее вверх — так, будто готов поцеловать ногу, не кланяясь сеньору. Карл неуклюже упал на спину, показав тем самым, насколько мало стали значить Каролинги менее чем через сто лет после смерти Карла Великого.

С 911 года норманны стали хозяевами земель на севере Франции. Поэтому эти земли стали называть «Northmannia» — земля норманнов, или Нормандия. Жителей Нормандии стали звать нормандцами. Считается, что Роллон, последний из викингов, вскоре после встречи с Карлом принял крещение под именем Роберт.

Хоть и очень невыгодно, но все-таки уладив дела с викингами, Карл обратил свой взор на восток. Ему даже удалось заполучить земли Лотарингии, но не более того. Дворяне Восточно-Франкской империи не собирались признавать Карла своим королем, а у Карла не было никакой возможности заставить их изменить свое мнение.

Непокорные аристократы пошли еще дальше. Под предводительством архиепископа Оттона они выбрали королем человека из своего круга — Конрада, герцога Франконии, который стал королем Конрадом I. Одна Лотарингия отказалась признать нового короля.

Семилетнее правление Конрада вышло мрачным и печальным. Мадьяры продолжали разорять Южную Германию, а феодалы, избравшие Конрада королем, ясно дали понять, что королевский титул отнюдь не означает королевскую власть.

Оппозицию возглавил герцог Саксонский, который и сам претендовал на королевский трон. Удача ему улыбнулась. В 918 году Конрад умирает. Королем выбирают Генриха, герцога Саксонского. Согласно легенде, когда ко двору герцога прибыло посольство, чтобы сообщить ему, что он избран королем, Генриха не сразу нашли. Он был занят тем, что ловил птиц силками. Поэтому в историю этот король вошел под именем Генрих Птицелов.

Генрих Птицелов стал королем через сто с небольшим лет после того, как Карл Великий закончил кровавое завоевание Саксонии, огнем и мечом насадив там христианство. Теперь саксонец занял трон Германии.

Генриху Птицелову удалось со всех сторон укрепить свои позиции. Он показал независимость от церкви, когда отказался пройти через церковный обряд помазания на царство, который должен был совершить его враг, архиепископ Майнца. Он расправился с непокорными герцогами и отвоевал Лотарингию. В 933 году он одержал первую великую победу над мадьярами. Нельзя сказать, что угроза со стороны мадьяр исчезла полностью, однако на какое-то время набеги мадьяр прекратились.

На этом Генрих Птицелов не остановился, подготовил преемника. Действуя очень осторожно, он разведал, что германские аристократы не прочь выбрать следующим королем его старшего сына от второй жены. Так и случилось. Когда в 936 году Генрих умер, на трон взошел его сын Оттон.

Последние франки

На востоке бывшей великой империи крепла власть королей из местной аристократий. В то время как на западе власть династии Каролингов хоть и сохранялась, но становилась все слабее.

Успешная авантюра Карла Простоватого на востоке ненадолго принесла ему Лотарингию.

Однако пока он захватывал эти земли, его затянувшееся отсутствие дало шанс тем, кто хотел от него избавиться.

У Эда, графа Парижа, бывшего королем после смерти Карла Толстого, был младший брат, Роберт, который также носил титул графа Парижа. Роберт не осмелился претендовать на королевский трон после смерти своего старшего брата, потому что бороться с аристократами, которые этого не хотели, графу было не по силам. Тогда он занял выжидательную позицию.

В 922 году момент настал. У Роберта было достаточно поддержки среди дворян, включая его собственного зятя, Рудольфа Бургундского. В Реймсе Роберт провозгласил себя королем. Теперь, чтобы укрепить свою власть, ему было необходимо расправиться с Карлом, чьи войска все еще стояли в Лотарингии.

В 923 году при Суассоне, где за четыре с половиной века до этого Хлодвиг начал свои победные завоевания, армии Роберта и Карла встретились. Победа обернулась поражением: Карл был разбит, но Роберт пал в бою.

У Роберта был сын Гуго. Гуго был еще слишком юн, чтобы управлять государством. Поэтому королем стал Рудольф Бургундский, которого поддержали аристократы. После этого настала череда междоусобиц, когда фактически никто не правил страной. Пока дворяне воевали между собой, ловкий Генрих Птицелов успел захватить Лотарингию.

Положение несколько прояснилось в 929 году, когда Карл Простоватый умер в заточении[31]. В 935 году Рудольф фактически стал королем всей страны. Через год, однако, он умер.

Тем временем Гуго, сын Роберта, племянник Эда, графа Парижа, успел войти в возраст, который позволяет занять королевский трон. Однако Гуго был достаточно умен для того, чтобы отказаться от власти в собственных владениях. Он вовсе не хотел променять свою власть на призрачную корону. Ведь бесконечные бесплодные войны за королевский трон свели в могилу его дядю, отца, а потом и зятя. Возможно, Гуго помнил о Карле Мартелле, который правил королевством, в то время как на троне сидел король династии Меровингов, во всем слушавшийся могучего мажордома.

Дело оставалось за малым. Требовалось найти кого-нибудь из потомков королевской семьи, кто мог бы стать послушной куклой в руках Гуго, После этого можно было править страной без больших неприятностей для себя.

Как выяснилось, у Карла Простоватого остался сын Людовик. Людовик был жив. После поражения при Суассоне, в 923 году, Людовика, которому исполнилось всего два года, спешно увезли в Англию, на родину его матери, где он и жил в безопасности. В 936 году юноша продолжал жить в Англии. Ему было около пятнадцати лет.

Гуго, к этому времени самый влиятельный феодал в королевстве, более известный под именем Гуго Великий, вернул Людовика на родину. В 936 году юноша стал королем Людовиком IV. Поскольку он долго жил в Англии, то вошел в историю под именем Людовик Заморский.

И тут судьба приготовила Гуго Великому сюрприз. Потому что Людовик Заморский ясно дал понять, что не собирается плясать под дудку своего благодетеля. Он даже попытался усилить свои позиции, заключив союз с Оттоном I, который правил Германией. Для того чтобы подкрепить свои намерения делом, Людовик женился на сестре Оттона. Это был уже перебор.

По сути, Людовик IV никогда не мог по-настоящему противостоять Гуго Великому. Он всего лишь продлил существование династии на несколько лет. Когда в 954 году Людовик умер, королем стал его сын, носивший доброе франкское имя Лотарь. На трон взошел король Лотарь I.

Гуго Великий не мог преградить Лотарю дорогу к власти. Однако он позаботился о том, чтобы его собственные владения и власть перешли к его детям. Таким образом, битва между графом и королем ложилась на плечи следующих поколений. В 956 году Гуго умирает. Наследником становится его старший сын, тоже Гуго, граф Парижа.

Молодой Гуго носил плащ с капюшоном. Поэтому его прозвали Капет — человек в плаще с капюшоном.

Гуго Капет противостоял Лотарю с осторожностью. Нет, он ни в коем случае не собирался открыто воевать против короля. Вместо этого Гуго Капет аккуратно разрушал политические начинания своего противника. Лотарь растратил свою силу в бесконечных бесплодных попытках отвоевать Лотарингию и в

986 году умер. Его долгое и не отмеченное никакими великими делами царствие продолжалось тридцать два года.

Наследником престола стал сын Лотаря, Людовик V. Его царствие продлилось всего один год. В 987 году Людовик погиб на охоте. Он так ничего и не успел сделать, поэтому в историю вошел под именем Людовик Ленивый. Людовик V обрел печальную известность, став последним королем династии Каролингов в Европе. Династии, которая была известна с тех пор, как три с половиной столетия назад на исторической сцене появился Пипин Ланденский, а затем первый король из Каролингов — Пипин Короткий. Теперь эта династия закончилась.

Людовик V был не только последним из Каролингов. Он был последним франком. Потому что после него в Европе остались только французы и немцы.

Глава 10

Тьма отступает

Плуг

Время с 900-го по 950 год можно назвать поворотным этапом, потому что, когда оно миновало, тьма над Европой стала рассеиваться.

Исторический период, о котором мы рассказали в этой книге, был, наверное, временем настоящего упадка Европы. Античная культура древних греков и римлян исчезла под ударами германцев, на смену которым пришли гунны и авары, потом мавры, а за ними норманны и мадьяры.

Эпоха Карла Великого, когда казалось, что тьма рассеется и возникнет новая Европа, плодов не принесла. Бездарные потомки великого короля разрушили все, что он сумел создать. Казалось, что тьма стала еще гуще.

Но история не закончилась. Ведь франки, какими бы ужасными и дикими они ни были, не только заложили основу для будущей европейской культуры, но и пережили все коллизии с момента своего появления в Европе и до конца X века, когда мы уже заговорили о немцах и французах!

Это франки остановили мавров, это франки справились с норманнами. Они гибли от голода и холода, истребляли друг друга в братоубийственных междоусобицах, но так и не исчезли до конца.

Между 900-м и 950 годом упадок и разрушение достигли апогея.

Однако после 950 года во мраке забрезжил свет. Он был еще очень слабым, долгое время почти незаметным. Но он уже появился. Нет, не произошло никаких драматических событий, хронисты не оставили любопытных записей...

Все началось с изменений в сельском хозяйстве, которые повлекли за собой перемены во многих других областях человеческой деятельности.

Сельское хозяйство возникло тысячи лет назад в странах, где достаточно сухая земля. Основной задачей было обеспечить поля водой. Поэтому земледелие развивалось в основном по берегам крупных рек, таких, как Нил, Тигр и Евфрат, где приток воды можно было регулировать при помощи системы каналов.

Страны на северо-западе Европы, в самом сердце Франкского королевства, были совершенно другими. Они были покрыты лесами. Часто шли дожди. Земля была иной: не сухой и легкой, как по берегам Средиземного моря, а тяжелой и пропитанной водой.

Старые методы земледелия, испытанные веками, не оправдывали себя в новых условиях. Поэтому производительность сельского хозяйства во Франкском государстве в эпоху раннего Средневековья была очень низкой.

Проблема заключалась в осушении заболоченной почвы. Выход был найден, когда стали использовать отвальный плуг. Нельзя сказать, что отвальный плуг был совсем неизвестен, однако широкое распространение он получил только после 900 года.

Плуг, которым пользовались в старое время, не мог глубоко вспахивать почву и поэтому был совершенно непригоден. Теперь появилось орудие нового типа, с лемехом. Такой плуг глубоко врезался в почву, поднимал ее наверх и отваливал в сторону. Вспаханное поле было покрыто глубокими бороздами. Земля лежала по краям борозд. Вода утекала по бороздам, испарялась с земли. Подготовленная по-новому почва намного лучше подходила для земледелия.

Почему же отвальным плугом не пользовались раньше? Потому что изобретения бесполезны, когда каждый трудится по отдельности. Отвальный плуг намного труднее тянуть, чем обычный. Одного быка для этого недостаточно. Здесь нужно несколько. А для этого нескольким крестьянам нужно собраться вместе, привести быков и запрячь их. Более того, поле, на котором ты пашешь, в какой-то момент заканчивается. Надо поворачивать и идти в обратную сторону. А повернуть, работая отвальным плугом, непросто. Поэтому пахать удобнее всего на протяженных полосах земли. Даже если эти полосы узкие.

Все, что требовалось для того, чтобы эффективнее всего пользоваться новым плугом, — это организовать некое подобие совместной работы, когда люди трудятся, объединив землю и собрав на ней своих животных. Условия сложились, когда после Карла Великого в Европе появились крупные землевладельцы. Сервы, которые селились у стен замка, хоть и работали на своих клочках земли, все же работали вместе во владениях своего господина.

Следующее изобретение появилось вскоре после плуга, совершившего маленькую революцию в земледелии; оно было еще более простым, чем предыдущее, и называлось лошадиный хомут.

Лошадь намного лучше вспашет поле, чем бык. Дело за малым: ее нужно как следует запрячь. У крестьян того времени лошади были, не было упряжи. Упряжь, которая годилась для быка, оказалась непригодной, поскольку, если на лошадь надеть упряжь от быка, ремень будет давить на дыхательное горло, и чем сильнее лошадь в такой сбруе будет тянуть плуг, тем больше вероятность того, что она может задохнуться. Для лошади требовалась другая сбруя.

Лошадиный хомут представляет собой обитый войлоком полукруг, который кладут ей на шею. Остальная сбруя крепится вместе с хомутом. Таким образом, лошадь может пахать без риска задохнуться. Хомут вошел в обиход в начале X века. Это позволило использовать лошадей не только для передвижения, но и для земледелия. Оказалось, что одна лошадь может не только заменить нескольких быков, но и работает куда быстрее.

Чуть позже появились подковы.

Применение отвального плуга, в который можно запрячь подкованную лошадь, означало повышение продуктивности сельского хозяйства. Теперь крестьяне производили достаточно продовольствия, чтобы прокормить большое количество профессиональных солдат. В Северо-Западной Европе настал век тяжелой кавалерии, которая возникла еще во времена Карла Мартелла.

На авансцену вышли рыцари.

Рыцари

Тяжелая кавалерия, появившаяся в Европе, не стала тем новым непобедимым войском, в котором нуждались европейские монархи, если вдруг вознамеривались завоевать какую-либо часть света.

К сожалению, рыцари больше напоминали неуправляемую ватагу, слабо дисциплинированную, мало пригодную для тех целей, для которых их когда-то создал Карл Мартелл. Зачастую рыцари расходовали свои силы в междоусобных стычках и мелких конфликтах.

И все же европейское рыцарство стало мощной защитой и гордостью Европы, символом ее побед.

Больше никогда, если не считать монгольского нашествия 1240 года, европейцы не чувствовали себя беспомощными перед нападениями извне. Больше никогда в центре Европы не раздавались молитвы о пощаде, обращенные к свирепым варварам. Потому что между варварами и европейской цивилизацией стояла железная стена — рыцари.

Теперь все было по-другому — рыцари быстро доказали превосходство над ордами врагов. Через полтора столетия они даже отважились отправиться в Крестовый поход в Святую землю, чтобы сражаться там за христианскую веру. Правда, крестоносцы слишком далеко ушли от родных берегов, они не были готовы к долгой и утомительной войне. Однако их начинания не пропали даром — рыцари показали, на что они способны.

Впервые превосходство рыцари явили во времена немецкого короля Оттона I.

Оттон начал свое царствование с благими намерениями вернуть славное время Карла Великого. Он сам назначил королем и велел короновать себя в Ахене во дворце Карла. Затем Оттон начал подчинять себе немецких дворян, побеждая их в открытом бою, лишая важных должностей, на которые Оттон назначал своих родственников.

Некоторые из феодалов, с которыми расправился Оттон, отчаявшись, обратились за помощью к мадьярам. Тогда на поле брани сошлись две силы: рыцари против мадьярской конницы.

Мадьяры образовали гигантское войско, которое в былые века могло снести все на своем пути. Против них вышел Оттон с рыцарями, которые собрались со всех концов его королевства. 10 августа 995 года на реке Лех, недалеко от Аугсбурга, обе армии встретились. Это место в Южной Баварии и сегодня известно как Лехфельд, в переводе — «Лехское поле».

Мадьяры переправились через реку, чтобы атаковать. Это был очень опасный маневр, который должен был привести к победе. Но не привел. Мадьяры не поверили своим глазам, разглядев, что железное войско на своих конях подобно монументам возвышается перед ними. Рыцари не отступили ни на шаг.

Атака захлебнулась, строй распался, после, чего венгерские всадники в страхе бежали. Они в панике кидались обратно в реку, давя друг друга. Потери были огромными. Несмотря на преувеличения, которые вполне могли допустить более поздние хронисты, значение этой победы было неоценимым. Потому что после битвы при Лехе мадьяры больше ни разу не осмелились напасть на Европу.

Для германцев угроза со стороны мадьяр исчезла навсегда. Вскоре после битвы при Лехе бывшие свирепые варвары стали добрыми христианами. Победа при Лехе настолько прославила Оттона, что он получил прозвище Оттон Великий.

Оттон чувствовал, что солнце его славы находится в зените. Еще до битвы при Лехе Оттон отправился в Италию, как когда-то Карл Великий. Для этого у него был весьма романтический повод, как писали хронисты. Согласно легенде, внук Беренгара, последнего императора Каролингов,

Беренгар II держал в заточении Аделаиду Бургундскую, молодую красивую вдову. Оттон явился, чтобы спасти пленницу. Это ему удалось, и в 951 году он женился на Аделаиде, сделав ее королевой.

Последний итальянский император династии Каролингов, Беренгар, вошел в историю как наиболее сильный правитель Италии, который, по существу, держал в своей власти папу.

В 955 году папой стал Иоанн XII. Это произошло в тот же год, что и битва при Лехе. Папа, да и не только он, видя Оттона, думал наверное, что Карл Великий воскрес. Поэтому в 961 году, когда терпеть угрозы со стороны Беренгара уже не было сил, Иоанн XII обратился к Оттону, как когда-то Лев III воззвал к помощи Карла Великого.

Оттон откликнулся на призыв и двинулся в путь, остановившись на время в Павии, которая за два столетия до этого была столицей Ломбардского королевства. Игра в Карла Великого увлекала и Оттона. Поэтому, подобно могучему владыке Франкской империи, Оттон провозгласил себя королем ломбардцев.

После этого Оттон направился в Рим. Там в 962 году прошла торжественная церемония коронации — Оттон стал императором.

Императорский титул, превратившийся в пышное ничто за тридцать восемь лет, прошедших со смерти Беренгара I, теперь достался тому, кто мог носить его по праву. Более того, императором стал самый влиятельный монарх на Западе. Этого не происходило со дня смерти Людовика Благочестивого, скончавшегося за сто лет до коронации Оттона. Начиная с Оттона императорами становились достойные люди. Возможно, они и не были такими могучими и властными, как он, но это были первые короли Европы. Больше никогда императорская корона не становилась игрушкой в руках бездарных царьков.

С коронации Оттона начинается история Священной Римской империи[32]. Римской империю назвали в честь былой славы Римского государства времен античности. Оттон стал императором Римской империи. Приставка «Священная» должна была символизировать близость государства к церкви.

Священная Римская империя возникла в то время, когда эпоха Каролингов близилась к концу. Закат Каролингов продолжался двадцать пять лет и завершился со смертью Людовика V, последнего короля-франка. У Людовика был дядя по имени Карл. Этот Карл, может быть, и мог бы стать продолжателем династии Каролингов. Однако аристократы всячески противились этому. Поэтому на месте Карла возник Гуго Капет.

Гуго решил действовать тем же способом, что и Пипин Короткий когда-то. Поэтому он обратился к своему давнему союзнику, архиепископу Реймсскому Адальберону, который объявил, что короля принято избирать и что трон вовсе не является личной собственностью одних Каролингов. Секретарь архиепископа Герберт, самый видный ученый того времени, подготовил необходимые документы. Таким образом, Адальберон и Герберт сделали возможными выборы Гуго Капета королем. Он стал королем того государства, которое сейчас называется Францией.

Справедливости ради надо сказать, что власти у Гуго Капета было несколько меньше, чем у последних Каролингов. Ему постоянно приходилось сражаться со своенравными дворянами.

Гуго Капет, однако, был храбрым королем, положившим начало целой династии великих королей. На протяжении следующих девяти веков в жилах каждого французского короля текла кровь Гуго Капета[33].

Так исчезло государство франков. На его месте возникли Франция и Священная Римская империя, на первый взгляд разные, но слепленные из одного теста. Революция, произошедшая в сельском хозяйстве, позволила обеим странам обзавестись не только запасами продуктов, но и серьезными армиями, состоящими из профессиональных солдат. Основы для будущего процветания были заложены.

В этой атмосфере относительной безопасности и процветания появились первые ростки учености. Тот слабый огонек, который когда-то зажег Карл Великий в эпоху Каролингского Возрождения, то затухал, то появлялся вновь, но так и не исчез до конца.

Теперь пламя разгорелось. Оно еще не окрепло, но в Европе прибавлялось ученых людей. У истоков просвещения стоял ученый и священник, который помог Гуго Капету стать королем. Этого человека звали Герберт.

Книги

Происходящие перемены затронули не только Герберта, но и Святой престол.

В то время как Европа экономически и политически начинала развиваться, папы оставались безвольными и малоавторитетными. Даже после коронации Оттона в Риме ситуация не изменилась к лучшему. Более того, Оттон намного жестче держал папу в своей власти, чем когда-то Карл Великий.

Когда через год после коронации Иоанн XII, раздраженный высокомерными манерами Оттона, решил, что Беренгар II как-никак более сносный император, Оттон отреагировал мгновенно. В 963 году он сместил папу с должности, посадив на его место нужного человека — Льва VIII.

Этим Оттон не ограничился: он взял в плен Беренгара и увез его в Германию. Беренгар умер в 966 году в заточении. Так прапраправнук Карла Великого умер в плену у императора-саксонца. Если бы Видукинд воскрес, он, несомненно, был бы удовлетворен.

Почти тридцать лет после Льва VIII унылая вереница незаметных пап сменяла друг друга, пока на сцене не появился Герберт, французский ученый, обладавший энциклопедическими познаниями. В 970 году он был представлен самому императору и какое-то время был наставником его внука, тоже Оттона.

Позже Герберт отправился в Реймс, где служил секретарем архиепископа и где оказался втянут в переговоры, в результате которых Гуго Капет избирается королем. Позднее Герберт сам стал архиепископом Реймсским. В 999 году не без участия внука Оттона Великого, императора Оттона III, своего воспитанника, Герберт становится папой, взяв себе имя Сильвестр II.

Он умер в 1003 году, пробыв на Святом престоле всего четыре года. Однако то, что он сумел сделать, невозможно переоценить. Есть, пожалуй, что-то мистическое в том, что такой человек был папой в 1000 году.

Сильвестр II — самый известный ученый своего времени. Он знаменит не только познаниями в теологии, которая интересовала его больше всего. Он совершил дело неслыханное со времен Боэция, жившего за пять веков до Сильвестра: папа был поборником светской науки!

Сильвестр II изучал доступные труды древних ученых и философов. Он стал пользоваться абаком для математических вычислений, ввел в обращение арабские цифры. Папа конструировал часы и астрономические приборы. В эпоху невежества и суеверий кто-то обвинял его в колдовстве и связи с нечистой силой, но многие начинали понимать, что никакого вреда в научной работе нет.

Важнее всего то, что Сильвестр бережно собирал и хранил античные манускрипты и других убеждал делать то же. При этом папе приходилось преодолевать общественное мнение, видевшее в наследии античности проделки нечистого.

Герберт дал толчок к спасению не только античной науки — он обратил внимание на древние арабские рукописи, которые стали переводить на латынь.

Появились первые рукописные книги. Это были копии трудов Аристотеля и Платона, Евклида и Лукреция и многих других. С каждой новой книгой свет знаний разгорался все ярче.

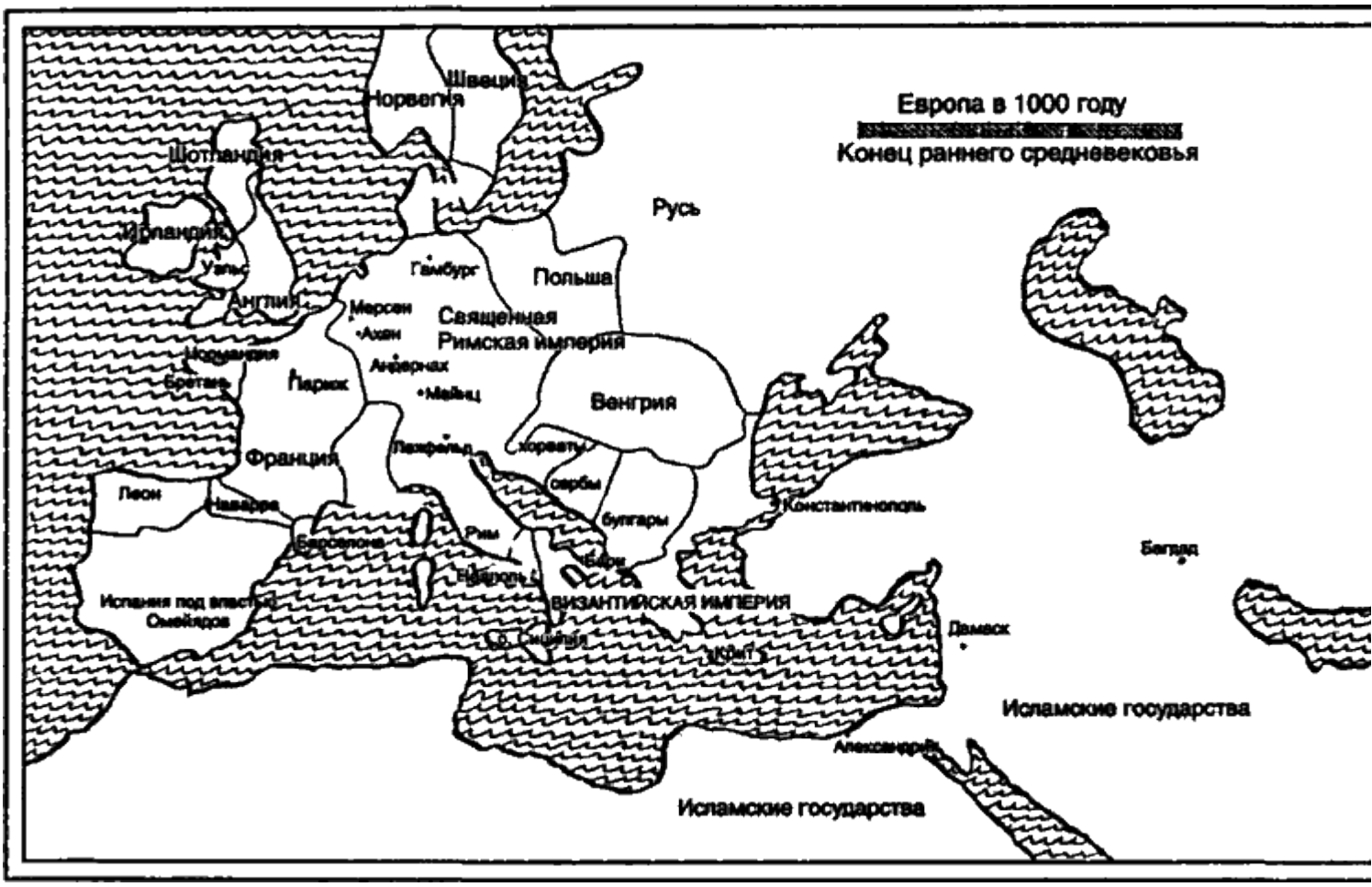
Деятельность Герберта стала первым шагом навстречу этому свету. Так политическое и экономическое развитие Европы было дополнено и упрочено интеллектуальным поиском.

В заключение подчеркнем, что в этой книге мы рассказали о периоде человеческой истории, продлившемся больше тысячи лет. Мы видели, как германские племена постепенно становились все сильнее, затем, гонимые гуннами, вторглись в Римскую империю. Некоторые из них исчезли, сгинули в междоусобных войнах, других уничтожили окрепшие римляне. Какие-то племена были поглощены новыми волнами завоевателей. В итоге сохраниться сумело только одно племя, превосходившее всех и в военном, и в культурном аспекте. Это были франки, образовавшие Франкскую империю.

Мы наблюдали, как при франках Европа погрузилась во тьму, но потом забрезжил слабый свет. Стала зарождаться новая европейская цивилизация.

Зачатки этой цивилизации, к счастью, не исчезли, подобно прекрасным начинаниям эпохи Карла Великого. С каждым годом, с каждым десятилетием мир менялся. И остановить изменения было уже невозможно. Набирала силу молодая прекрасная цивилизация — западная цивилизация.

Которая существует до сих пор — и, мы надеемся, никогда не исчезнет.



Хронологическая таблица

До нашей эры

1000 — Германские племена заселяют берега Балтийского моря
350 — Пифий из Массилии открывает Северную Европу
115 — Кимвры нападают на Южную Европу
101 — Римляне побеждают кимвров
71 — Вождь германцев Ариовист нападает на Галлию
55 — Разбив Ариовиста, Юлий Цезарь нападает на Германию
12 — Римляне захватывают германские земли между Рейном и Эльбой

Наша эра

9 — Германцы под командованием Арминия уничтожают три римских легиона
98 — Римский писатель Тацит пишет книгу о германцах
170 — Марк Аврелий побеждает маркоманов

235 — Александр Север побеждает алеманнов

251 — Гибель Деция в бою с готами

269 — Клавдий II побеждает готов при Ниссусе

276 — Император Пробус побеждает франков в Галлии

332 — Ульфила принимает христианство (в форме арианства) и проповедует среди готов, также обращая их в арианство

355 — Юлиан побеждает франков в Галлии

370 — Гунны устремляются из Центральной Азии на запад

372 — Гунны уничтожают королевство остготов Эрманариха. Образование империи гуннов

375 — Вестготы, спасаясь от гуннов, бегут за Дунай, в Римскую империю

378 — Битва при Адрианополе. Вестготы побеждают римлян. Император Валент гибнет

395 — Смерть императора Феодосия I. Вождь вестготов Аларих собирается в поход

402 — Войны Алариха в Италии. Стилихон побеждает Алариха

406 — Германцы вторгаются в Галлию, совершают регулярные набеги на Рим

410 — Вестготы берут приступом Рим. Вскоре после этого Аларих умирает

419 — Основание вестготами Тулузского королевства. Возникновение первого Германского государства на бывшей римской территории

429 — Основание королевства вандалов в Африке во время правления короля Гейзериха

433 — Правление Аттилы. Империя гуннов достигла своего расцвета

439 — Вандалы берут приступом Карфаген

440 — На Святом престоле — папа Лев I Великий

451 Гунны переправляются через Рейн. Аэций побеждает гуннов на Каталаунских полях

452 — Гунны нападают на Италию и безуспешно пытаются захватить Рим

453 — Смерть Аттилы. Конец империи гуннов

454 — Убийство Аэция

455 — Вандалы Гейзериха грабят Рим. Королевство вандалов достигает расцвета

466 — Расцвет королевства вестготов при короле Эрихе

474 — Теодорих — король остготов

476 — Одоакр лишает власти Ромула Августа и единолично правит Италией. Конец Древнего Рима

477 — Смерть Гейзериха

481 — Хлодвиг — король салических франков

484 — Аларих II — король вестготов

486 — Хлодвиг берет приступом Суассон, последний город, где правили римляне

488 — Остготы Теодориха нападают на Италию

492 — На Святом престоле — папа Геласий I

493 — Теодорих берет приступом Равенну, убивает Одоакра и основывает Остготское королевство в Италии

496 — Крещение Хлодвига по католическому обряду

497 — Анастасий, император Восточной Римской империи, признает Теодориха королем Италии

500 — Хлодвиг побеждает бургундов

506 — Аларих II распространяет первый римско-готский свод законов

507 — Битва при Вуале. Победа франков. Хлодвиг убивает Алариха II

508 — Теодорих побеждает Хлодвига в битве при Арле и устанавливает протекторат над вестготской Испанией. Расцвет королевства остготов

510 — Боэций — римский консул

511 — Смерть Хлодвига. Королевство франков делится между четырьмя его сыновьями

518 — Юстин I — император Восточной Римской империи

524 — Казнь Боэция

526 — Смерть Теодориха

527 — Юстиниан — император Восточной Римской империи

533 — Велисарий вторгается в Африку. Падение королевства вандалов

535 — Убийство Амаласунты, дочери Теодориха. Велисарий вторгается в Италию

536 — Велисарий берет приступом Рим

537 — Велисарий берет приступом Равенну

543 — Смерть святого Бенедикта, создателя правил монашеской жизни

546 — Остготы под командованием Тотилы осаждают Рим

551 — Нарсес вторгается в Италию

552 — Нарсес побеждает Тотилу при Тагине. Падение королевства остготов

554 — Войска Восточной Римской империи завоевывают юг Испании. Расцвет Восточной Римской империи

558 — Хлотарь I — король объединенной Франкской империи

560 — Азиатское племя аваров вторгается в Германию

561 — Смерть Хлотаря I

565 — Смерть Юстиниана I. Отставка Нарсеса

568 — Ломбардцы, спасаясь от аваров, вторгаются в Италию. Леовигильд, король вестготов, в Испании

572 — Ломбардцы берут приступом Павию. Основание Ломбардского королевства в Италии

573 — Гражданские войны во Франкском королевстве. Вражда между Брунгильдой и Фредегондой

584 — Леовигильд завоевывает Испанию

586 — Король испанских вестготов Реккаред I крестится по католическому обряду

590 — На Святом престоле — папа Григорий I Великий

596 — Григорий I посылает миссионеров в Англию для обращения англов и саксов

597 — Смерть Фредегонды

600 — Ломбардцы принимают католичество. Конец арианской ереси

604 — Смерть Григория I Великого

613 — Хлотарь II, сын Фредегонды, пленяет, а затем казнит Брунгильду, правит объединенным королевством франков. Правление Меровингов достигает своего расцвета

623 — Смерть Хлотаря II. Правление Дагоберта I, последнего сильного короля династии Меровингов

625 — Суинтила, король испанских вестготов, захватывает последние римские владения на побережье. Королевство вестготов в Испании достигает своего расцвета

632 — Смерть пророка Мохаммеда. Новая религия сплотила арабские племена

633 — Низложение Суинтилы по решению суда, руководимого Исидором Севильским

639 — Смерть Дагоберта I

640 — Смерть Пипина Ланденского, первого франкского мажордома

649 — На Святом престоле — папа Мартин I

653 — Арест и ссылка Мартина I в Константинополь

654 — Неудачная попытка Гримвальда, сына Пипина Ланденского, посадить на трон своего сына

664 — Эброин становится мажордомом

681 — Убийство Эброина

684 — Пипин Геристальский фактически становится правителем всего Франкского королевства

698 — После завоевания Западной Азии арабы берут Карфаген и направляются в Северную Африку

711 — Арабы и берберы (мавры) вторгаются в Испанию. Смерть Родерика, последнего короля вестготов

712 — Лютпранд — король ломбардцев. Ломбардия достигает своего расцвета

714 — Мавры целиком захватывают Испанию. Падение Вестготского королевства. Смерть Пипина Геристальского

716 — Миссионерская деятельность Бонифация (Уинфрид Английский) среди германцев, живущих к востоку от Рейна. Карл Мартелл, сын Пипина Геристальского, становится мажордомом

717 — Лев III, византийский император, останавливает арабов у стен Константинополя. Начало иконоборчества

721 — Мавры нападают на Аквитанию. Их войска достигают Тулузы

728 — Лютпранд в Равенне. Папа Григорий II тщетно просит Карла Мартелла о помощи в борьбе против ломбардцев

732 — Битва при Пуатье. Карл Мартелл побеждает мавров

740 — Смерть Льва III

741 — Смерть Карла Мартелла. Наследниками становятся два его сына, Пипин Короткий и Карломан

744 — Смерть Лютпранда

747 — Карломан удаляется в монастырь

749 — Айстульф — король Ломбардии

751 — Айстульф берет приступом Равенну. Приходит конец власти византийцев в Центральной Италии. Соглашение между Пипином Коротким и папой Захарием о королевской власти

752 — Хильдерик III низложен. Конец династии Меровингов. Пипин Короткий становится королем Пипином I, первым королем династии Каролингов. Папой становится Стефан III

744 — Ответный жест со стороны Пипина I, который вторгается в Италию и разбивает ломбардцев

755 — Смерть Бонифация, «апостола германцев»

756 — Пипин I во второй раз побеждает ломбардцев. «Пипинов дар». Папа получает в дар земли. Дезидерий — король ломбардцев. Абдурахман I — король мавританской Испании

768 — Смерть Пипина I. Его наследниками становятся Карл (будущий Карл Великий) и Карломан

771 — Смерть Карломана. Карл Великий становится единовластным правителем Франкского королевства

772 — Карл Великий начинает военную кампанию против саксов. Дезидерий берет Рим в осаду, и папа Адриан I обращается за помощью к Карлу Великому

773 — Карл Великий вторгается в Италию

774 — Карл Великий уничтожает Ломбардское королевство

778 — Военный поход Карла в Испанию. Баски уничтожают арьергард его армии в Ронсевальском ущелье (гибель Роланда)

780 — Карл Великий приезжает в Рим. Алкуин является ко двору императора франков. Начало «Каролингского Возрождения»

789 — Гарун аль-Рашид — халиф Багдада

788 — Смерть Абдурахмана I

793 — Мавры нападают на Средиземноморское побережье, принадлежащее Франкскому королевству

795 — На Святом престоле — папа Лев III

797 — Ирина — императрица Византии. Конец иконоборчества

799 — Изгнание Льва III из Рима. Карл Великий помогает ему вернуться обратно

800 — Лев III провозглашает Карла Великого императором и коронует его в Риме. Карл Великий на пике своего правления

801 — Обмен подарками между Карлом Великим и Гаруном аль-Рашидом

802 — Императрица Ирина низложена. Император Никифор идет войной против Карла Великого

812 — Византийский император Михаил I признает императорский титул Карла Великого

814 — Смерть Карла Великого. На трон восходит Людовик Благочестивый

816 — Папа Стефан V провозглашает Людовика I Благочестивого римским императором

827 — Мавры захватывают Сицилию, принадлежащую византийцам

829 — Начало междоусобицы между Людовиком Благочестивым и его сыновьями

833 — Сыновья побеждают Людовика на Поле Лжи

837 — Мавры захватывают Неаполь

840 — Смерть Людовика Благочестивого. Римским императором становится Лотарь I, Людовику немецкому достается восточная часть Франкской империи, Карлу Лысому — западная. Мавры устраивают форпост в Италии

842 — Император Лотарь I проигрывает своим братьям в битве при Фонтенуа. Присяга в Страсбурге демонстрирует различие языков восточных франков (будущих немцев) и западных франков (будущих французов)

843 — Верденское соглашение, благодаря которому закладывается фундамент будущей Европы

844 — На Святом престоле — папа Сергий II

845 — Викинги осаждают Гамбург. Начало регулярных норманнских набегов

846 — Мавры во время очередного военного похода доходят до Рима

847 — На Святом престоле — папа Лев IV. Защита Рима от мавров

855 — Отречение императора Лотаря I. Римским императором становится его сын, Людовик II, его власть распространяется только на Италию. Другой сын, Лотарь II, правит областью, лежащей севернее Альп, будущей Лотарингией

858 — На Святом престоле — Николай I Великий. Изготовление «ложных декреталий». «Константинов дар». Укрепление папской власти

862 — Ростислав, князь Великой Моравии, первого мощного славянского государства в Европе, приглашает греческих миссионеров — Кирилла и Мефодия

869 — Лотарь II умирает, не оставив после себя наследника

870 — Карл Лысый и Людовик немецкий делят между собой Лотарингию

871 — Император Людовик II изгоняет мавров из Италии. На освободившихся землях селятся византийцы

874 — Покорение Моравии франками при Карломане, сын Людовика немецкого

875 — Смерть императора Людовика II. Папа Иоанн VIII провозглашает Карла Лысого римским императором

876 — Смерть Людовика немецкого

877 — Смерть Карла Лысого. На трон восходит Людовик II Заика

879 — Смерть Людовика Заики. На трон восходит Людовик III

880 — Смерть Карломана. Королем Италии становится Карл Толстый

884 — Карл Толстый становится правителем всего Франкского государства

885 — Осада викингами Парижа. Эд, граф Парижа, становится героем сопротивления

887 — Карл Толстый низложен. Франкское государство распадается на части

891 — Папа Стефан VI провозглашает императором Гвидо Сполето, внука Лотаря I

893 — Карл III Простоватый — король империи франков

894 — Смерть императора Гвидо. Императором провозглашают его сына, Ламберта

896 — Императором становится Арнульф, внук Людовика немецкого

898 — Смерть Эда, графа Парижа

899 — Смерть императора Арнульфа. Королем становится его сын, Людовик Дитя

901 — Папа Бенедикт IV провозглашает императором Людовика III, внука императора Людовика II. Вскоре Людовику приходится покинуть Италию

906 — Мадьяры завоевывают Моравию

910 — Набеги мадьяр на Германию принимают все более серьезный характер

911 — Смерть Людовика Дитя, последнего правителя династии Каролингов в Восточно-Франкской империи. На престол восходит Конрад I. Роллон Пеший со своими соплеменниками поселяется в Нормандии

914 — На Святом престоле — папа Иоанн X

916 — Папа Иоанн X и император Беренгар побеждают мавров на реке Гарильяно и изгоняют их из Италии

918 — Смерть Конрада I. Королем Западно-Франкской империи становится Генрих Птицелов

922 — Роберт (брат Эда, графа Парижа) провозглашает себя королем Западно-Франкской империи

923 — Роберт побеждает Карла Простоватого в битве при Суассоне, но и сам гибнет на поле боя

924 — Смерть императора Беренгара, последнего императора династии Каролингов

929 — Смерть Карла Простоватого. Самым влиятельным лицом в государстве становится Гуго, сын Роберта

933 — Смерть Генриха Птицелова. На трон восходит его сын, Оттон I

936 — Гуго Великий возвращает из изгнания Людовика IV, сына Карла Простоватого

954 — Лотарь — король западных франков

955 — Оттон I наносит сокрушительное поражение мадьярам в битве на реке Лех. Иоанн XII становится папой

956 — Смерть Гуго Великого. Его наследником становится сын, Гуго Капет

961 — Папа Иоанн XII просит Оттона I о помощи в борьбе против Беренгара II, внука императора Беренгара

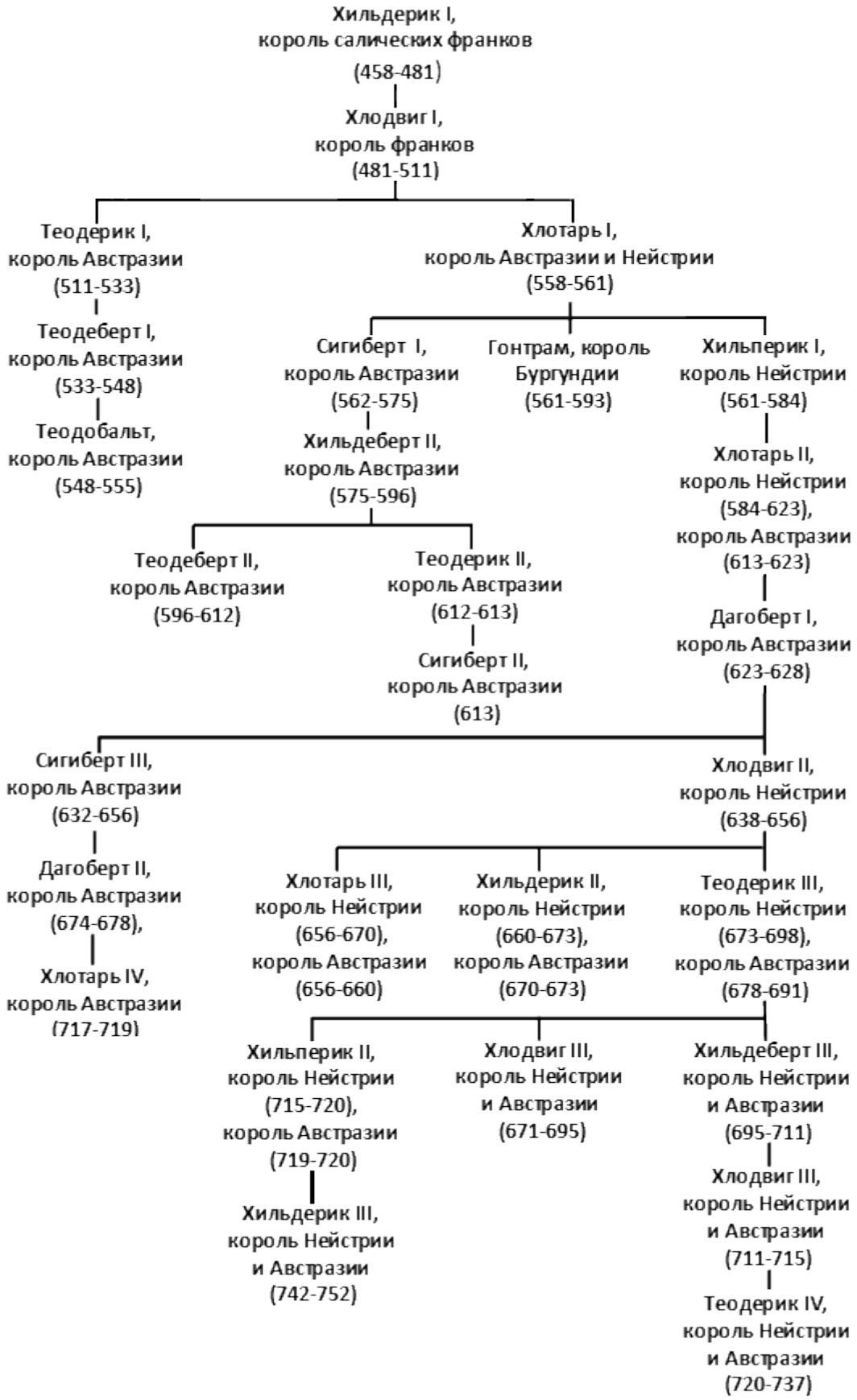
962 — Оттон I вторгается в Италию. Папа Иоанн XII провозглашает его императором. Основание Римской империи

986 — Людовик V — король Западно-Франкской империи

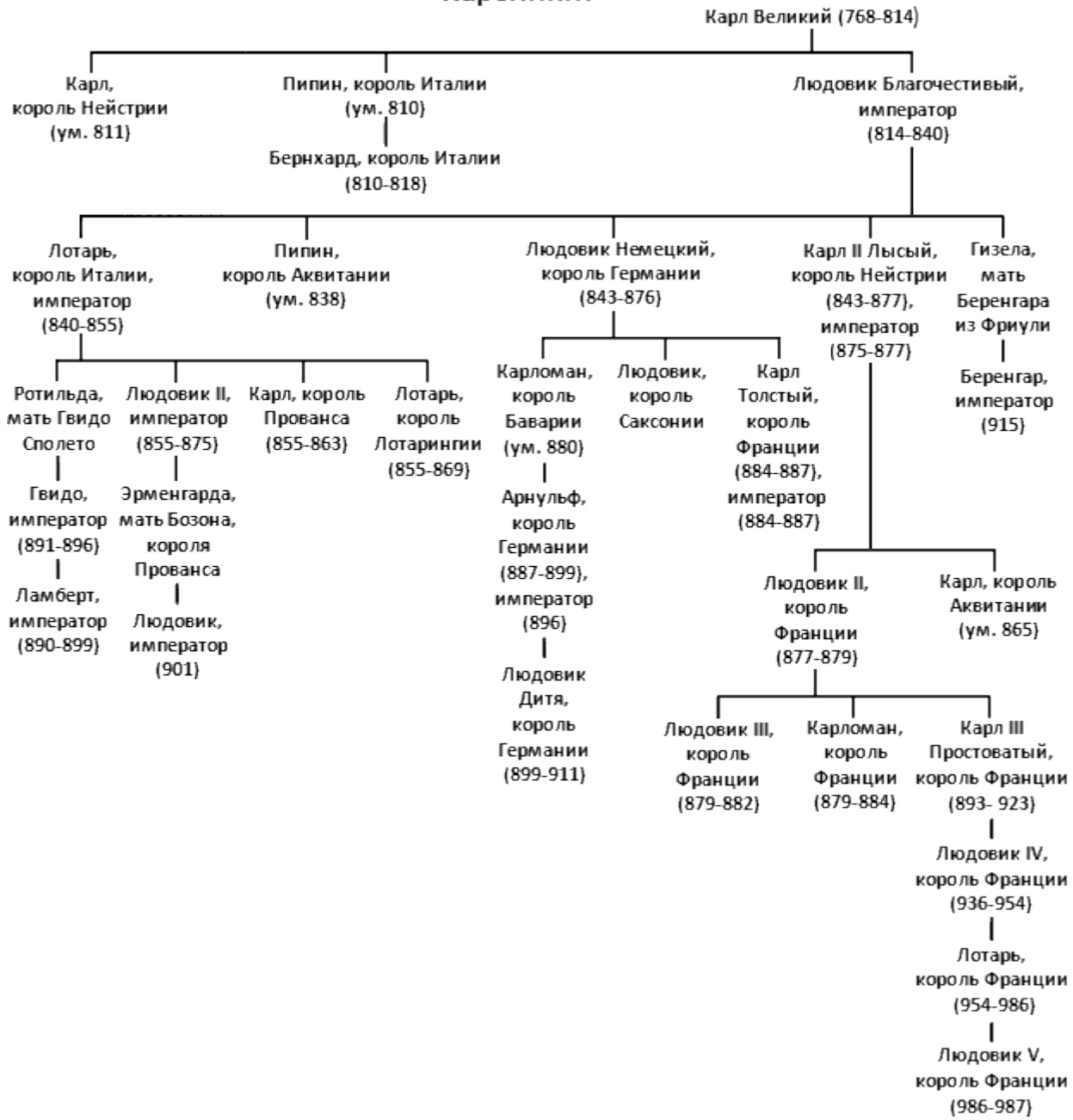
987 — Смерть Людовика V, последнего европейского монарха династии Каролингов. Западно-Франкская империя становится Францией, Гуго Капет — королем французов

999 — Герберт становится папой Сильвестром II. Конец раннего Средневековья

Меровинги



Каролинги


Карл Великий (768-814)
Карл, король Нейстрии (ум. 811)
Пипин, король Италии (ум. 810)
Бернхард, король Италии (810-818)
Людовик Благочестивый, император (814-840)
Лотарь, король Италии, император (840-855)
Пипин, король Аквитании (ум. 838)
Людовик Немецкий, король Германии (843-876)
Карл II Лысый, король Нейстрии (843-877), император (875-877)
Гизела, мать Беренгара из Фриули
Беренгар, император (915)
Ротильда, мать Гвидо Сполето
Людовик II, император (855-875)
Карл, король Прованса (855-863)
Лотарь, король Лотарингии (855-869)
Гвидо, император (891-896)
Ламберт, император (890-899)
Эрменгарда, мать Бозона, короля Прованса
Людовик, император (901)
Карломан, король Баварии (ум. 880)
Людовик, король Саксонии
Карл Толстый, король Франции (884-887), император (884-887)
Арнульф, король Германии (887-899), император (896)
Людовик Дитя, король Германии (899-911)
Людовик II, король Франции (877-879)
Карл, король Аквитании (ум. 865)
Людовик III, король Франции (879-882)
Карломан, король Франции (879-884)
Карл III Простоватый, король Франции (893- 923)
Людовик IV, король Франции (936-954)
Лотарь, король Франции (954-986)
Людовик V, король Франции (986-987)

Дом Пипина

- Арнульф, епископ Метца (ум. 641)
  - Анзегизель, мажордом Австразии (632-638) ═══ Бегга
- Пипин I Ланденский, мажордом Австразии (ум. 639)
  - Бегга
    - Пипин II Геристальский, мажордом Австразии и Нейстрии (ум. 714)
      - Гримвальд, мажордом Нейстрии (ум. 714)
      - Карл Мартелл, мажордом Австразии и Нейстрии (714-741)
        - Карломан, мажордом Австразии (ум. 754)
        - Пипин III Короткий, мажордом Нейстрии, король франков (747-768)
          - Карл Великий, король франков (768-814), император (800-814)
          - Карломан, король франков (768-771)
  - Гримвальд, мажордом Австразии (ум. 656)
    - Хильдеберт, король Австразии (ум. 656)

Содержание

Глава 1. **Германцы против римлян**
Первая встреча ... 7
Германцы появляются вновь ... 14
Римляне возрождаются ... 19
Христианство ... 26
Гунны ... 33
Глава 2. **Королевства готов**
Дерзкий Аларих ... 43
Тулузское королевство ... 51
И снова гунны ... 55
Язык и законы ... 60
Великие готы ... 65
Глава 3. **Тьма наступает**
Хлодвиг ... 73
Католический завоеватель ... 78
Король ариан ... 85
Император-солдат ... 93
Италия в руинах ... 99
Глава 4. **Меровинги**
Юстиниан в зените славы ... 106
Последние ариане ... 113
Начало Средних веков ... 117
Внуки Хлодвига ... 124
Великая вражда ... 128
Глава 5. **Мажордомы**
Испания объединяется ... 134
Империя рушится ... 141
Закат Меровингов ... 144
Последние готы ... 153
Карл Мартелл ... 158
Глава 6. **От мажордомов до королей**
Кризис в Риме ... 166
Награда Пипина ... 173
Папское государство ... 178
Первый из Каролингов ... 186
Глава 7. **Карл Великий**
Последний из ломбардцев ... 190
Крещение мечом ... 197
Не только германцы ... 204
Император поневоле ... 210
Луч света ... 219
Глава 8. **Наследники Карла Великого**
Легенда о Карле Великом ... 230
Сын Карла Великого ... 234
Внуки Карла Великого ... 240
Мавры и викинги ... 249
Королевство Лотаря ... 258
Глава 9. **Закат Каролингов**
Последние внуки Карла Великого ... 267
Объединение и позор ... 273
Императоры Италии ... 281

Последние императоры … 286
Последние викинги … 291
Последние франки … 295
Глава 10. **Тьма отступает**
Плуг … 299
Рыцари … 303
Книги … 308
Хронологическая таблица … 313
Династические таблицы … 324

Примечания

1

Имеется в виду разгром Арминием, вождем германского племени херусков, армии римского полководца Вара в Тевтобургском лесу. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

2

Очерк Тацита так и называется — «Германия».

3

Александр Север вел успешные войны с Персией.

4

Ошибка автора. Диоклетиан назначил не двух, а трех соправителей, разделив империю на четыре части.

5

Различают Старшую и Младшую Эдду. Старшая Эдда представляет собой сборник древнеисландских песен, сохранившихся в рукописи XIII века. Младшая Эдда, произведение исландского поэта и прозаика Снорри Стурлусона, состоящее из пролога и трех частей, являет собой достаточно полный обзор древних языческих мифов.

6

По одним предположениям, длина стены составляет 4 тысячи километров, по другим — свыше 6 тысяч километров. Высота стены — выше 6,6 метра, на некоторых участках свыше 10 метров. (*Примеч. авт.*)

7

Римляне называли эту одежду тога, греки — туника.

8

Фактически — начало эпохи Средневековья.

9

О дальнейшей трагической судьбе Боэция будет рассказано в следующей главе.

10

Несмотря на то что переводы Аристотеля, выполненные Боэцием, относятся к логике, они называются не «Логика», а «Категории» и «Об истолковании».

11

Речь идет о 12-томной «Истории готов», сохранившейся лишь в сокращенном изложении другого автора — Иордана.

12

Франкского хрониста звали Григорий Турский. Он написал двенадцатитомную историю франков.

13

Петр был распят вниз головой.

14

В «Утешении философией» происходит диалог между узником, приговоренным к смерти, и Философией, которая является в виде прекрасной женщины, чтобы утешить и ободрить приговоренного к смерти. Разговор Боэция с Философией дает ему мужество для того, чтобы подготовиться и достойно встретить смерть. Боэций, которого называли «последним римлянином», кроме «Утешения философией», написал также трактат «О музыке».

15

Ни в коем случае не стоит путать швейцарский город Берн с Берном из легенды, под которым подразумевается итальянская Верона.

16

Имеется в виду храм Святой Софии, главный христианский храм Византии. Был построен в 532–537 годах Анфимием из Тралл и Исидором из Милета. Позднее, в 1453 году, превращен в мечеть, действующую и поныне.

17

Древнее название итальянского города Гуальдо-Тадино.

18

По другим данным, Леовигильд взошел на престол четыре года спустя, в 572 году.

19

Русское слово «король» происходит от латинского «каролус» — транскрипции имени Карл.

20

Обычно турниры и рыцари ассоциируются у нас с королем Артуром и рыцарями Круглого стола. Но реальный прототип короля Артура должен был жить лет за двести до битвы при Пуатье. Поэтому великолепные рыцари короля Артура в сияющих латах — это лишь красивая легенда.

21

Монофелиты (от «моно» и греч. *thélëma* — «воля») — сторонники христианского учения, сложившегося в VII веке в Византии. Согласно монофелитам, Христос обладал двумя природами, но одной волей и «энергией» (богачеловеческой). Осуждены как еретики на VI Вселенском соборе 680–681 годов.

22

И до сих пор в состав Германии входят федеральные земли, которые называются Бавария, Тюрингия и Фризия. Они расположены в тех местах, где когда-то, во времена франков, жили одноименные племена. Есть и Саксония, но по разным причинам она расположена к юго-востоку от того места, где когда-то жили саксы.

23

Согласно отечественной историографии, период правления Карла Великого приходился на конец первой трети эпохи Средневековья.

24

Каролингский минускул возник в результате эволюции минускула III века. Основное его достоинство — это удобочитаемость при сравнительно небольших размерах букв. Каролингский минускул использовали для книг и документов на протяжении почти 200 лет после Карла, пока его не вытеснило готическое письмо, просуществовавшее до изобретения книгопечатания.

25

Подложность большей части Лже-Исидоровых декреталий была доказана в XVII веке.

26

Составитель Лже-Исидоровых декреталий выступал под псевдонимом Исидор Меркатор.

27

Трактат назывался «О небесной иерархии». В 827 году византийский император Михаил послал его в дар Людовику. Трактат принадлежал перу Дионисия Ареопагита. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что он был поддельным.

28

Солунь — древнее название греческого города Салоники.

29

Во французской транскрипции это имя читается как Беранже из Фриуля.

30

Во французской транскрипции Ги из Сполето.

31

В 923 году Карл Простоватый был взят в плен графом Вермандуа во время мятежа феодалов. После шестилетнего плена он умер в замке Перонн.

32

Оттон I назвал свое государство просто Римская империя, а наименование «Священная» прибавилось в 1157 году в переписке Фридриха I Барбароссы. Священная Римская империя формально просуществовала до 1806 года.

33

Династия Капетингов просуществовала с 987-го по 1328 год. Ей на смену пришла династия Валуа, ветви Капетингов, правившая с 1328-го про 1589 год.

Всего проголосовало: **7**

Средний рейтинг **4.4** из 5

Оцените эту книгу